

Средние и малые города приграничных регионов

Белгород, 2016

Редакционная коллегия

В.П. Бабинцев

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальных технологий НИУ «БелГУ»

Н.С. Данакин

доктор социологических наук, профессор,
директор НИИ синергетики БГТУ им. Шухова

И.А. Новикова

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономической теории Академии управления при Президенте
Республики Беларусь

Й. Виркунен

доктор географических наук,
руководитель исследований Центра российских и пограничных исследований Университета
Восточной Финляндии

В.А. Сапрыка

кандидат социологических наук, доцент,
директор Института приграничного сотрудничества и интеграции

О.Т. Крамх

доктор философских наук
директор Неймегенского центра приграничных исследований

О.В. Быхтин

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ»

П.А. Черномаз

кандидат географических наук, доцент,
доцент кафедры международных экономических отношений ХНУ им. Каразина

Х.С. Галстян

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры истории и теории политической науки Ереванского государственного
университета

Технический редактор

А.В. Пастюк,

аспирант кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ»

«Средние и малые города приграничных»: материалы международного сборника научных трудов» / Под ред.
проф. В.П. Бабинцева. – Белгород; Изд-во «Константа», 2016. – 334 с.

ISBN 978-5-9786-0450-4

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Редакция не несёт ответственности за содержание авторских материалов. Позиции авторов публикаций могут не совпадать с мнением редакции.

© **Институт приграничного сотрудничества и интеграции, 2016**

© **Типография «Константа», 2016**

СОДЕРЖАНИЕ

1. Статьи и тезисы		6
Дятченко Л.Я., Сапрыка В.А., Быхтин О.В.	Средние и малые города приграничных регионов	6
Астахов Ю.В.	Актуальные проблемы кадрового обеспечения социально-экономического развития региона и муниципальных образований	20
Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф., Бабинцева Е.И.	Российско-украинское приграничье как пространство формирования новых идентичностей	27
Босов Д.В.	Ломброзианство и мэйнстрим-кинематограф	51
Воронина И.С.	Роль и значение биофармацевтического кластера в развитии инновационного потенциала города	54
Гладкова С.Б., Надуткина И.Э., Компаниец С.А.	Роль российских локальных банков в трансформационной экономике: проблемы и тенденции развития	65
Гончарова А.И.	Таможенный контроль как гарантия качества, безопасности для здоровья и окружающей среды	89
Готчина Л.В.	Об эффективных антинаркотических практиках в регионе	93
Данакин Н.С., Конев И.В., Луговская М.В.	Групповой контроль в восприятии персонала организации	102
Иванов О.Б.	Муниципальная дипломатия	109
Исрафилова Г.Ю., Закиров Т.А., Хайруллина Р.Ф.	Атмосферный воздух малого города и здоровье жителей	112
Калужских И.В., Кузьмина В.М., Черкасова Н.Н.	Правовая основа для культурного сотрудничества между городами России и Германии	116
Ключник Г.Н.	Использование программно – целевого метода в управлении развитием жилищно – коммунального комплекса г. Белгорода	126
Клевин А.Ю., Кугий А.И., Новиков В.С.	Особенности становления и развития «умных городов» как центров регионального социально-экономического роста	135
Колпина Л.В.	Потенциал городского сообщества в обеспечении социального здоровья населения старших возрастных групп	135
Луговская М.В.	Контроль как категория социологии управления	145
Мельникова Р.И., Маматов А.В., Пастюк А.В.	Феномен лиминальности идентичности населения российско-украинского приграничья	151
Немченко О.А., Кристюк Н.П.	Таможенно-тарифное регулирование как метод государственного регулирования внешнеторговой деятельности	166

Немченко О.А., Пересыпкина И.В.	Особенности аудита эффективности на современном этапе	171
Нестеренко В.Л., Кузьмина В.М., Черкасова Н.Н.	Российско-итальянское региональное сотрудничество	179
Реутов Е.В., Колпина Л.В.	Влияние кризиса в российско-украинских отношениях на трансформацию культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов	193
Рязанцев С.В., Лукьянец А.С.	Тенденции и подходы к регулированию миграции в приграничных районах Дальнего Востока и Сибири	210
Счастливенко Т.В., Вигуро А.О.	Безработица в России: масштабы и возможные пути стабилизации	227
Травин Р.А.	Новые формы приграничного сотрудничества России и Украины в условиях кризиса межгосударственных отношений	233
Черкасова Н.Н., Кузьмина В.М., Калужских И.В.	Формы участия средних и малых городов России в культурном диалоге с городами Германии	235
Ягуткина Е.С., Ягуткин С.М.	Эволюция социальных технологий управления современными городами	246
Ягуткина Е.С.	Стресс-тестирование участников финансирования социально-значимых проектов в приграничной зоне	249
Zalivanskiy V.V., Samokhvalova E.V.	Theoretical and applied aspects of regional solidarity formation	252
Ostavnaya A.N., Volkova O.A., Bystriantsev S.B.	Pridnestrovian labour migration: strokes to potential social policy	269
Shrubchenko A.V.	The communicative aspect of university management the border region	281
2. Лучшие практики межмуниципального сотрудничества		286
Муниципальный район «Ровеньской район» Белгородской области (Российская Федерация)		286
Лиозненский район Витебской области (Республика Беларусь)		287
Муниципальный район «Волоконовский район» Белгородской области (Российская Федерация)		288
Муниципальный район «Ракитянский район» Белгородской области (Российская Федерация)		289
Городское поселение – город Богучар Воронежской области (Российская Федерация)		290
Борисоглебский городской округ Воронежской области (Российская Федерация)		291
Муниципальный район «Кричевский район» Могилёвской области (Республика Беларусь)		292
Муниципальный район «Вейделевский район» Белгородской области (Российская Федерация)		293
Городской округ «Город Белгород» (Российская Федерация)		294
АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (Российская Федерация)		296
Муниципальное образование «Белгородский район» Белгородской области (Российская Федерация)		298
Муниципальное образование «Город Железногорск» Курской области (Российская Федерация)		301
3. Экспертные интервью		303

Барановский Игорь Юрьевич	Доцент кафедры социально-экономической географии и природопользования СмолГУ	303
Воронов Виктор Александрович	Директор ООО «Региональный консалтинговый центр», к.с.н.	305
Кесорецких Иван Иванович	Ведущий специалист по международным проектам НП «Институт пространственного планирования, развития и внешних связей»	309
Кирюхин Алексей Михайлович	Директор Восточно-Европейского института трансграничных исследований, Вице-председатель Целевой группы АЕПР по внешним границам	311
Лаврушина Наталья Вячеславовна	Заместитель начальника администрации Петрозаводского городского округа, консультант по вопросам международных линий	317
Попкова Людмила Ивановна	Заведующая кафедрой экономической и социальной географии ФГБОУ ВО «КГУ», профессор, д.г.н.	320
Селивёрстов Юрий Иванович	Заместитель председателя комитета по законодательству и вопросам МСУ Белгородской областной Думы, заведующий кафедрой экономики и организации производства БГТУ им. Шухова.	321
Холод Александр Владимирович	Глава отдела социально-политических исследований и проектов в Управлении экспертной и контрольной работы Воронежской областной администрации	323
Хрисанов Виталий Алексеевич	Профессор кафедры географии, геоэкологии и безопасности жизнедеятельности НИУ «БелГУ», д.г.н.	325
Черномаз Павел Алексеевич	Доцент Харьковского Национального университета им. В.Н. Каразина, к.г.н.	327
Шевченко Наталья Владимировна	Доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», старший научный сотрудник лаборатории исследования демографических процессов, к.с.н.	329
Шпаковский Александр Павлович	Директор Белорусского Информационно-просветительского учреждения «Актуальная концепция»	332

1. Статьи и тезисы.

УДК 316

СРЕДНИЕ И МАЛЫЕ ГОРОДА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Дятченко Л.Я.
д.с.н., профессор кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»
Сапрыка В.А.
к. с. н., доцент кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»,
Быхтин О.В.
к. с. н., доцент кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»,

Аннотация. Настоящая статья подготовлена на материалах комплексной социологической диагностики «Средние и малые города приграничных регионов», проведенной в апреле-мае 2016 года. В рамках социологического исследования было опрошено 500 респондентов – жителей приграничных городов Белгородской области. Использовалась квотная половозрастная выборка, репрезентативная по отношению к генеральной совокупности. В статье выделяются основные проблемы развития малых и средних городов приграничья, на решение которых должна быть сосредоточена муниципальная власть. Авторы определяют основные направления приграничного сотрудничества между малыми и средними городами, которые необходимо развивать в первую очередь (при этом ключевыми направлениями такого сотрудничества должно стать экономические и социальное взаимодействие). Для максимального обеспечения комплексного и устойчивого развития средних и малых городов приграничных регионов необходимы к активизации и реализации проекты приграничного сотрудничества (научные и образовательные проекты; социальные проекты; кооперация в малом бизнесе; проекты в сфере сельского туризма; экологические проекты). В заключение научной статьи формулируются выводы и адресные практические рекомендации для муниципальных властей приграничных территорий.

Ключевые слова: средние и малые города, межмуниципальное сотрудничество, приграничное взаимодействие.

Введение.

Внедрение эффективных практик местного самоуправления является наиболее актуальным вопросом для развития приграничных регионов. Сотрудничество муниципалитетов в решении общих социальных, экономических, гуманитарных и экологических проблем остается одним из самых значимых направлений политики территориального развития приграничных регионов. Граница является реальным барьером для развития приграничных территорий, вместе с тем, приграничное взаимодействие и межмуниципальное сотрудничество может дать свой наибольший положительный эффект для развития муниципальных образований, так как в данном случае оно является наиболее приближенным к реальным проблемам населения.

Недостаток межмуниципального сотрудничества препятствует полноценному развитию местного самоуправления в России, осложняет появление гражданских инициатив и затрудняет внедрение эффективных инструментов развития территорий. Обмен опытом и эффективными практиками, презентация успешных собственных реализованных проектов позволит решить проблемы конкретных муниципалитетов и выработать общие практические рекомендации для развития муниципалитетов в приграничье.

Теоретические основы исследования.

При рассмотрении системы управления городскими поселениями приграничного муниципального района, на наш взгляд следует выделить принципы государственной стратегии устойчивого развития городских территорий:

– развитие города как единого социально-экономического, территориального, природного и культурно-исторического комплекса, выполняющего производственные, социально-демографические, культурные, природоохранные и рекреационные функции;

– преодоление обособленности города основе расширения и углубления его связей с другими городами, интегрирование села в единую общеэкономическую систему путем агропромышленной интеграции и кооперации, создания различных хозяйственных структур с совмещенными функциями (сельско-городские структуры), развития дорожно-транспортных коммуникаций, телефонной и других форм связи, создания единых систем общественного обслуживания населения, постепенная агломерация города и села в динамично развивающееся единство;

– развитие социального партнерства между государством, муниципалитетами и городским населением;

– максимальное вовлечение в хозяйственный оборот и повышение эффективности использования природных, материальных и человеческих ресурсов города на основе повышения эффективности институциональных преобразований и усиления мотивационных механизмов развития;

– экономическая и территориальная доступность социальных услуг и объектов социальной сферы для всех групп населения;

– сочетание мер государственной поддержки с мобилизацией местных ресурсов, которыми располагают местные сообщества;

– выравнивание межрегиональных уровней экономического и социально-культурного развития средних и малых городов;

– демократизация жизни местных сообществ, повышение участия населения в принятии решений, связанных с развитием производства, планировкой и застройкой поселений, другими аспектами жизни городского социума путем развития коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, развития местного самоуправления, деятельности общественных и общественно-хозяйственных организаций (потребительской, промысловой, кредитной кооперации и др.).

– экологически щадящий подход и бережное отношение к не восполняемым природным ресурсам при разработке и реализации механизмов жизнеобеспечения жителей [1].

В тоже время, можно выделить следующие основы устойчивого развития городских поселений:

- финансовые,
- организационные,
- производственные,
- управленческие,
- правовые и социальные.

Все элементы крайне важны для устойчивого развития городских поселений. Более того, нарушение одной из основ приводят к проблемам в других.

Таким образом, устойчивость развития городских поселений, в первую очередь, зависит от местных инициатив. Данный опыт широко используется в европейской практике, где на конкурсной основе предоставляют гранты для поиска потенциалов поселений и их развития [2, 3, 4].

В зависимости от уровня развития общества и степени его продвижения к гражданским ценностям граница может нести целый спектр функций. Это и государственная безопасность, и утилитарная, и социокультурная, и моральная функции [5, 6].

Морозова Т.В. в своей работе выделяет следующую типологию границы, и объясняет наличие трех эволюционных моделей границы в развитии приграничных территорий, причем не важно, какой административно-территориальный статус они имеют:

- приграничное сотрудничество как система ограниченных строго регламентированных международных связей;
- приграничное сотрудничество как система расширенных, но регламентированных международных взаимосвязей;
- трансграничное сотрудничество как система расширенных либерализированных взаимодействий [7].

Сегодня на приграничной территории России можно наблюдать все три эволюционные модели границы, хотя в чистом виде ни одна из них явно не выражена.

Граница в классическом понимании – линия раздела (барьер) законов, власти, собственности, культуры и традиций. Но мировой опыт предъявляет нам образцы границ–контактов.

Под приграничным сотрудничеством понимаются любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между соседними территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более договаривающихся сторон, а также заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения вышеуказанных целей [8].

Приграничное сотрудничество российских регионов является одной из приоритетных задач внешней политики России на сегодняшнем этапе [9]. Приграничное и трансграничное сотрудничество является одним из важнейших инструментов активизации потенциала развития городов, этот потенциал необходимо развивать путем реализации комплекса мер, таких как разработка пространственных моделей и осуществление пилотных проектов местного (муниципального) и регионального сотрудничества, развитие промышленных зон и модернизация транспортных сетей, создание международной сети поддержки малых и средних предприятий, заинтересованных в выходе на зарубежные рынки [10].

В настоящее время одной из наиболее действенных форм регулирования приграничного сотрудничества в регионах является межгосударственное рамочное соглашение о сотрудничестве приграничных территорий.

Данная форма обеспечивает правовую поддержку приграничных связей всех уровней: регионального, муниципального, а также облегчает их нормативное оформление и вводит в практику межгосударственных отношений.

Формальной стороной приграничного сотрудничества регионов в настоящее время стали межрегиональные соглашения и договоры на различных

уровнях власти приграничных территорий. Это, в свою очередь, является одной из форм реализации внешней региональной политики.

Априори задается модель взаимодействия приграничных территорий: чем выше административный статус, тем больше возможностей у территории включаться в процесс международного сотрудничества. И это естественно ограничивает степень свободы для локальных сообществ. Муниципальный уровень значительно уступает региональному. Хотя в последнее время на административно-политической карте России, по крайней мере, декларативно наметились тенденции расширения прав местных органов власти в сфере приграничного и трансграничного сотрудничества.

Использование контактной функции границы, как фактора роста, является одним из основных направлений для развития приграничного городского поселения, а согласование проектов и программ развития городских поселений повышает их инвестиционную привлекательность.

Таким образом, после рассмотрения теоретические основы развития средних и малых городов приграничных регионов, можно сделать следующие выводы:

- необходим поиск оптимальной модели средних и малых городов приграничных регионов, основанной на использовании всех уровней хозяйствования, концептуальных положений и принципов устойчивого развития, позволяющих соединять противоречивые тенденции в экономике, экологии, социальном развитии и обеспечивать повышение уровня и улучшение качества жизни населения;

- в процессе исследования было выявлено, что устойчивое развитие средних и малых городов приграничных регионов изучается сегментарно, вне концепции системности, что не позволяет в полной мере представить их особенности, вариации проявления и механизмы обеспечения;

- на развитие средних и малых городов приграничных регионов максимально влияет воздействие границы, ее барьерные и контактные функции,

что дает возможность утверждать, что приграничное положение является одним из факторов развития;

- проведенный научный анализ современных взглядов на муниципальное управление средних и малых городов приграничных регионов, показали, что в действительности нет четких методологических подходов к разработке и реализации общей стратегии для развития средних и малых городов приграничных регионов.

Методология и методика исследования.

В рамках социологического исследования было опрошено 500 респондентов – жителей приграничных городов Белгородской области. Использовалась квотная половозрастная выборка, репрезентативная по отношению к генеральной совокупности.

Погрешность составляет 3,2%.

Задачи исследования:

- определение ключевых социальных проблем, на решение которых должна быть сосредоточена муниципальная власть,
- определение направлений, в рамках которых необходимо развивать взаимодействие и сотрудничество;
- оценка населением муниципальных проектов и программ;
- готовность участия в проектах межмуниципального сотрудничества и приграничного взаимодействия.

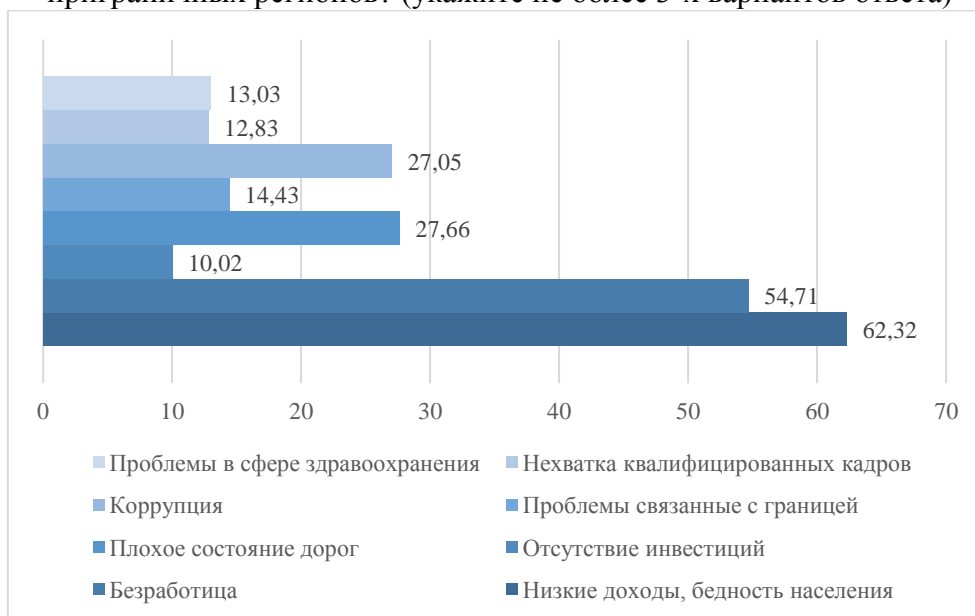
Обсуждение результатов.

Организация сотрудничества между городами является одной из возможностей развития приграничных территорий. Граница является реальным барьером для развития приграничных территорий, вместе с тем, приграничное взаимодействие и межмуниципальное сотрудничество может дать свой наибольший положительный эффект для развития муниципальных образований, так как в данном случае оно является наиболее приближенным к реальным проблемам населения.

Респонденты также постарались выделить основные, по их мнению, проблемы развития малых и средних городов приграничья.

Рисунок 1.

Какие наиболее острые проблемы стоят сейчас перед средними и малыми городами приграничных регионов? (укажите не более 3-х вариантов ответа)

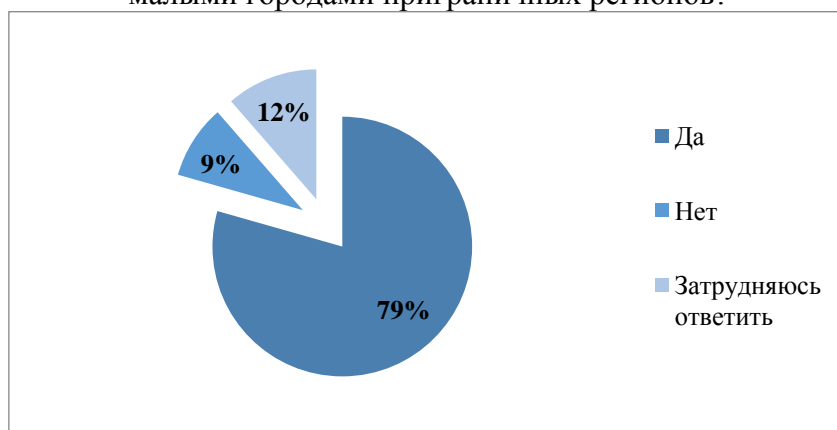

Респонденты выделили более 20 различных проблем, которые замедляют развитие малых и средних городов приграничных регионов, однако абсолютное большинство опрошенных отметили проблемы именно социального характера. К их числу следует отнести «низкие доходы и бедность населения» (62,32%), а также «безработицу» (54,71%). Примерно четверть респондентов отметили «плохое состояние дорог» (27,66%) и коррупцию (27,05%).

Вопрос о необходимости развития приграничного сотрудничества малых и средних городов приграничья был одним из важнейших вопросов проведенного исследования.

Рисунок 2.

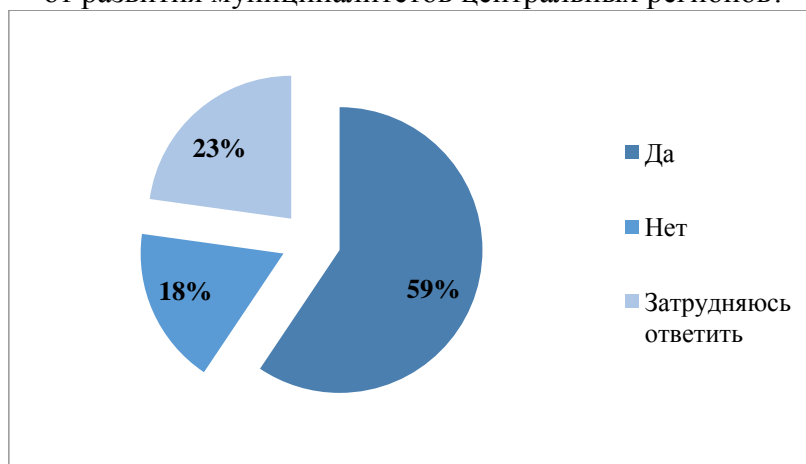
Как Вы считаете, нужно ли развивать приграничное сотрудничество между средними и малыми городами приграничных регионов?

Почти 80% считают, что такое сотрудничество развивать необходимо. Одновременно с этим всего 9% считают, что в развитии такого рода сотрудничества нет необходимости. Таким образом, жители средних и малых городов приграничья в полной мере осознают важность приграничного сотрудничества для развития муниципалитетов.

Рисунок 3.

Как Вы считаете, отличается ли развитие средних и малых городов приграничных регионов от развития муниципалитетов центральных регионов?

Вопрос о различии развития средних и малых городов приграничных регионов от развития муниципалитетов центральных регионов, позволил определить, насколько эту проблему замечает население.

Так 59% респондентов отметили, что отличие существует, тогда, как всего 18% не заметили существенного различия. В этой связи актуальным стало выделить специфику развития средних и малых городов приграничных

регионов. Респонденты также постарались определить основные, по их мнению, проблемы развития малых и средних городов приграничья.

По мнению населения, специфика развития средних и малых городов приграничных регионов в первую очередь заключается в следующем:

- ✓ Трудовая миграция из приграничных регионов (31,2%);
- ✓ Бюрократизация процессов сотрудничества (24,6%);
- ✓ Трудности при пересечении границы для населения (24,2%);
- ✓ Недостаток знаний и умений для использования приграничного положения у муниципальных служащих (23,6%);
- ✓ Отсутствие полномочий у муниципалитетов в сфере международных отношений и внешнеэкономических связей (20,4%);
- ✓ Ограничение возможности для пространственного планирования (16,4%);
- ✓ Отсутствие инвесторов (15,8%).

Как видно из ответов, респонденты существенно различают собственное отношение к границе (так в предыдущих наших исследованиях около 90% респондентов отмечали, что появление границы повлияло на их жизнь и создает реальные трудности) и ее влияние на развитие муниципалитетов. Так трудовая миграция из приграничных регионов и бюрократизация процессов сотрудничества максимально отличает как специфику развития средних и малых городов приграничных регионов, так и требует специальных управленческих методик.

Направления приграничного сотрудничества между малыми и средними городами, которые необходимо развивать в первую очередь:

- ✓ Экономическое взаимодействие (67,4%);
- ✓ Социальные взаимодействия и сотрудничество общественного сектора (66 %);
- ✓ Научные и образовательные проекты (38%);
- ✓ Территориальное развитие (36,4%);

✓ Взаимодействия по осуществлению и развитию различных форм безопасности (33,2%).

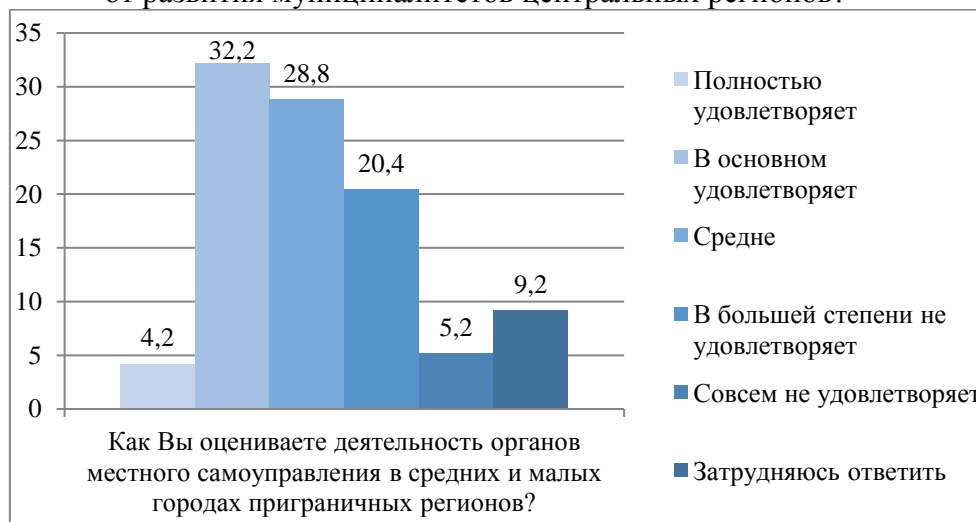
Проекты приграничного сотрудничества, которые позволили бы максимально обеспечить комплексное и устойчивое развитие средних и малых городов приграничных регионов:

- ✓ Научные и образовательные проекты (51,4%);
- ✓ Социальные проекты (49,2%);
- ✓ Кооперация в малом бизнесе (39,8%);
- ✓ Проекты в сфере сельского туризма (32,8%);
- ✓ Экологические проекты (28,8%);
- ✓ Культурные мероприятия (32,6%).

Для дальнейшего изучения особенностей развития средних и малых городов приграничья необходимо определить, насколько население удовлетворено деятельностью органов местного самоуправления

Рисунок 4.

Как Вы считаете, отличается ли развитие средних и малых городов приграничных регионов от развития муниципалитетов центральных регионов?

Результаты опроса продемонстрировали, население приграничных городов Белгородской области в большей степени удовлетворено деятельностью органов местного самоуправления: 5,2% считает работу местной власти полностью не удовлетворительной; 20,4% не удовлетворены деятельностью в

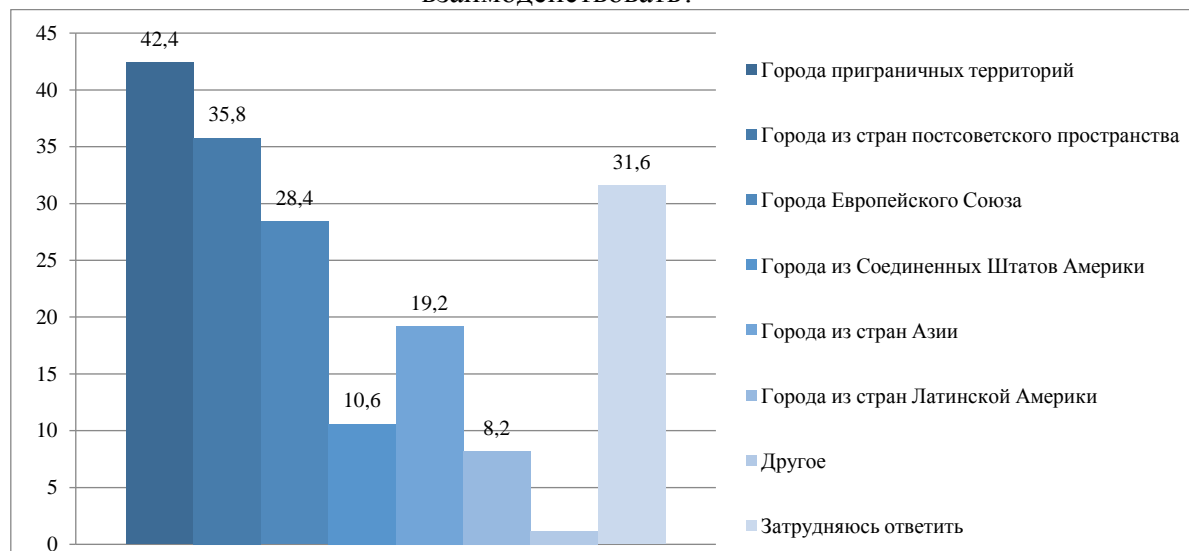
большей степени; 32,2% в основном удовлетворены, а 28,8% выбрали промежуточный вариант «средне».

Вместе с тем, только 4,2% всецело довольны деятельностью органов местного самоуправления. Это свидетельствует о том, что в сознании лишь малой части населения представление об абстрактной идеальной муниципальной власти совпадает с реальной оценкой деятельности органов местного самоуправления. В этой связи появляется необходимость в дальнейшей модернизации системы муниципального управления малых и средних городов приграничья.

Следующий блок вопросов позволил не только определить направления для дальнейшего сотрудничества, но и узнать мнение населения в области партнерства. Так 54% респондентов считают, что для развития приграничного и межмуниципального сотрудничества нужно развивать отношения с городами-побратимами.

Рисунок 5.

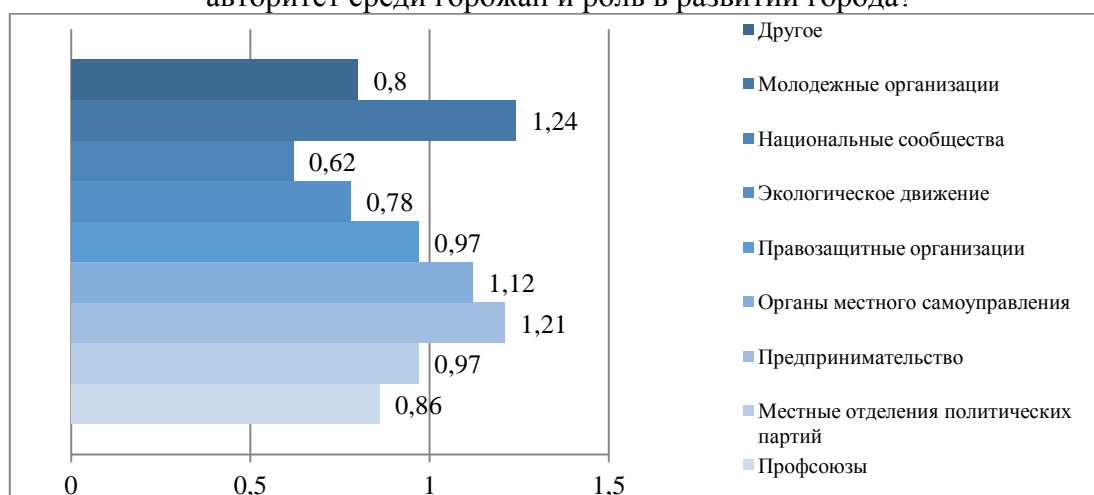
С какими городами-побратимами, на Ваш взгляд, наиболее эффективно взаимодействовать?

С целью определения роли общественных институтов и местных движений в развитии средних и малых городов приграничья респондентам было предложено оценить роль каждого из них.

Рисунок 6.

Как бы Вы оценили активность общественных институтов и местных движений, их авторитет среди горожан и роль в развитии города?

На основании ответов был осуществлен расчет индекса, отражающего то, насколько высоко жители муниципальных образований оценивают значимость тех или иных общественных институтов. Население приграничных городов выделило в качестве главной движущей силы развития молодежные организации (1,24). Кроме того, значительную оценку получило бизнес-сообщество и предпринимательский сектор (1,21). На третьем месте, по мнению населения, располагаются непосредственно органы местного самоуправления (1,12).

Выводы:

- в настоящее время население в большей степени удовлетворено деятельностью органов местного самоуправления, однако крайне мало респондентов оказалось всецело довольны их работой, что свидетельствует о необходимости дальнейшей модернизации системы муниципального управления в приграничных муниципалитетах;

- жители приграничья достаточно высоко оцениваются значимость в развитии города только трех общественных институтов: молодежные организации, бизнес-сообщество и муниципальные органы власти;

- выделяя значительное число проблем, которые снижают темпы развития малых и средних городов приграничья, респонденты акцентировали свое

внимание на социальных противоречиях: низких доходах, бедности населения и уровне безработицы в приграничных муниципалитетах;

- почти все респонденты убеждены в необходимости развития приграничного и межрегионального сотрудничества малых и средних городов приграничья. При этом ключевыми направлениями такого сотрудничества, по мнению населения, должно стать экономические и социальное взаимодействие;

- вместе с тем, лишь малая часть респондентов когда-либо принимала участие в реализации проектов приграничного сотрудничества, определяя при этом главными сферами муниципального управления, которые нуждаются во внедрении технологий проектного управления: улучшение качества жизни населения, обеспечение экономического роста и социальной защиты.

Список литературы.

1. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.mcх.ru/documents/document/show/3571.77.htm>

2. Мищенко И.В. Теоретические вопросы формирования устойчивого развития сельских поселений. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/346/image/346-123.pdf>

3. Н. van Houtum, О. Т.Kramsч, W. Zierhofer Bordering Space - Ashgate, 2005. – 251 p.

4. A. Gasparini Belonging and Identity in the European Border Towns: Self-Centered Borders, Hetero-Centered Borders - Journal: Journal of Borderlands Studies Volume 29, Issue 2, April 2014, pages 165-201

5. M. Schack Regional identity in border regions: The difference borders make - Journal: Journal of Borderlands Studies Volume 16, Issue 2, September 2001, pages 99-114

6. C. Sohn Modelling Cross-Border Integration: The Role of Borders as a Resource Journal: Geopolitics Volume 19, Issue 3, July 2014, pages 587-60

7. Морозова Т.В. Сельские сообщества России в региональном измерении. – М.: Институт экономик КАРН РАН, – 2008. – 234 с.

8. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/106.htm>

9. Концепция внешней политики Российской Федерации – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html>

10. Белова А. В. Приграничное и трансграничное сотрудничество полусредних городов Калининградской области в Балтийском регион // Вестник БФУ им. И. Канта. 2009. №3 С.116-125.

УДК 332.02

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ**

Астахов Ю.В.

к.с.н., доцент кафедры социальных технологий
НИУ «БелГУ», Член-корреспондент Академии
наук социальных технологий и местного
самоуправления г. Белгорода
Россия, г. Белгород

Актуальность исследования кадрового обеспечения социально-экономического развития региона и муниципальных образований выражается, во-первых, необходимостью создания благоприятных условий для жизнедеятельности населения, обеспечения управления качеством жизни и условиями его реализации, посредством выработки и реализации принятых Стратегий социально-экономического развития территорий Белгородской области и муниципальных образований до 2025 года, и, во-вторых, развитие региона и муниципальных образований как социальной целостности в значительной степени зависит от наличия профессионально подготовленных кадров, способных обеспечить эффективную реализацию функций

стратегического и проектного управления и решения, стоящих перед сообществом задач, т.е. от кадрового потенциала региона и местного самоуправления.

Белгородское чудо, о котором говорит вся Россия, – это результат, прежде всего, продуманной кадровой политики. Руководители городов и районов, сельских и городских поселений прошли обучение и проверку на прочность в Школе резерва кадров, Высшей школе управления НИУ «БелГУ», находясь в губернаторской сотне. Требования к руководящим кадрам со стороны губернатора области, доктора экономических наук, члена-корреспондента РАН Евгения Степановича Савченко всегда ясны, четки и всем известны: профессионализм, компетентность, доскональное знание своего участка работы, ответственность, честность и неподкупность, дисциплина, исполнительность, но и творчество, стратегическое мышление, навык проектно-целевого управления, поиска единственно правильного решения любой проблемы для людей и вместе с людьми. В современных условиях экзаменом для кадров является проектирование и запуск БИИС – Белгородской инновационно-инвестиционной системы, концентрирующей в себе все достижения набирающей обороты Третьей Производственной Революции и формирующей образ Белгородчины – 2050. Всего семь пятилеток, но каких! И только кадры, вооруженные современными знаниями, кадры, которые непрерывно обучаются, опираются на науку, используют независимую экспертизу, социальный аудит, способны выстоять и победить в конкурентной борьбе [2].

Самый животрепещущий и злободневный вопрос сегодняшнего дня – как действуют органы власти и управления в новых для них условиях. Именно эта грань проблемы является наиболее острой, и раскрыть ее призваны и наука, и практика, т.е. и те специалисты, которые изучают эту область действительности, и те, которые непосредственно вращают «маховик государственной и муниципальной власти» и не понаслышке знают, что такое «государственная и муниципальная служба». Полагаем поэтому, что поняв, как формируется кадровое обеспечение устойчивого развития региона и муниципальных

образований, реализации Стратегии социально-экономического развития территории, региональная и муниципальная кадровая политика, можно сформировать адекватный, а не умозрительный облик современного инновационного региона и муниципального образования, включая в него универсальные, инновационные и кадровые технологии, в том числе и сугубо российские, параметры и тенденции развития.

Современная экономическая и политическая ситуация во втором десятилетии XXI века, системный кризис финансовых институтов предъявляют органами местного самоуправления достаточно жесткие требования как в отношении реализации принятых в муниципалитетах стратегий социально-экономического развития территорий до 2025 года, муниципальных программ, так и в отношении кадрового состава. Объективные российские социально-экономические процессы, внешние причины: падение мировых цен на нефть, антироссийские санкции - вынуждают использовать внутренние резервы и возможности для количественного и качественного роста муниципальной экономики. Муниципальные образования призваны ориентироваться на инновационное развитие, и особую роль в этом играет кадровый потенциал, грамотное управление которым расширит в перспективе возможности представительного и исполнительно-распорядительного органов власти, бизнес структур, выведет их на новый конкурентный уровень, обеспечит устойчивое и опережающее развитие территорий.

В этих, столь непростых условиях городской округ «Город Белгород» на Белгородчине динамично развивается и хорошеет в соответствии с принятой Стратегией, подтверждение тому является признание города как федеральными, региональными властями, так и независимыми экспертами.

Сегодня г. Белгород фактически является и Белгородской агломерацией – крупнейшей агломерацией в Белгородской области, представляющей из себя компактное скопление населённых пунктов, местами срастающихся, объединённых в сложную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями с

центром в Белгороде. Белгородская агломерация граничит с городами Харьков, Суммы, соседней с нами Украиной.

Кроме областного центра, Белгородская агломерация включает в себя населённые пункты ещё 5 районов: Белгородского, Корочанского, Шебекинского, Яковлевского, Борисовского. В том числе посёлки Северный, Разумное, Дубовое, Стрелецкое, Майский, Таврово и другие близлежащие населённые пункты.

По мнению Губернатора региона Е.С. Савченко «...Особенно в условиях агломерацииструктура экономики и тенденции ее развития это очень важный вопрос. Как по факту сегодня сложилось: у нас не менее половины производства всего регионального продукта приходится **на реальный сектор экономики**, как мы привыкли называть. Это промышленность, машиностроение, химия, строительство, включая производство строительных материалов, сельское хозяйство, перерабатывающая промышленность. Остальное – это **сервисная экономика**: торговля, общественное питание, транспорт, связь, бытовые услуги, коммунальные, жилищные, туризм, здравоохранение, образование, культура, финансы, страховое обслуживание, государственное управление и так далее. Есть еще **третья экономика – инновационная**. Какова ее доля сегодня на территории Белгородской агломерации? Доли процента... А я считаю, что доля инновационной экономики, а это она имеет самый высокий маржинальный доход – до 80% и более – должна занимать в ближайшие 10 лет не менее 20% в общем экономическом объеме Белгородской агломерации. И должен сложиться у нас некий оптимум: 40% - это реальный сектор экономики, 40% - сервисная экономика и 20% - инновационная экономика». Только так мы сможем обеспечить дальнейшее социально-экономическое развитие территории.

И здесь, как нельзя, кстати, уместным будет привести слова Е. Примакова, сказанные им в выступлении на заседании «Меркурий-клуба» 13 января 2015 года: «...Мы заинтересованы в сохранении или налаживании отношений со всеми странами и зарубежными компаниями, которые проявляют в этом заинтересованность. Но при любой ситуации единственной альтернативой для

России является опора, в первую очередь, на наши внутренние резервы и возможности для количественного и качественного роста экономики...»

В этой связи для регионов возникает необходимость импортозамещения продовольственных товаров, дальнейшее развитие агропромышленного сектора России и подготовки кадров новой генерации, вооруженных современными знаниями. Имеющиеся сегодня заделы в экономике Белгородской области направлены на производство продовольственных товаров. Потенциальные возможности региона определяются как дальнейшим развитием уже имеющихся заделов и увеличением числа проектов в «приглянувшихся» сферах, так и апробированием их в совершенно новой отрасли, такой как тракторостроение, но главная роль отводится профессионально подготовленным кадрам.

В результате, Белгородчина по многим социально-экономическим показателям лидирует как в ЦФО, так и в Российской Федерации.

К примеру, по результатам социологического исследования Белгородская область по итогам 2015 года вошла в топ-15 регионов России по уровню потенциала инновационного развития. Таков результат исследования, которое провел департамент социологии Финансового университета при Правительстве России. Эксперты изучали интерес населения к получению образования, развитию креативных творческих навыков, созданию инновационного бизнеса, а также бизнеса как такового. По результатам исследования Белгородчина заняла тридцатое место среди 70 регионов России, тогда как ближайшие соседи – Курская, Орловская и Воронежская области – в топ не попали.

В этом, как мы считаем, проявляется слаженная работа кадров, занятых как в законодательном, представительном, так и исполнительных органах государственной и муниципальной власти, бизнес-структурах, поэтапной реализации принятой Стратегии развития региона и города Белгорода до 2025 года.

Рассматривая проблемы, связанные с кадровым обеспечением реализации Стратегии социально-экономического и устойчивого развития территории региона и муниципального образования, необходимо рассмотреть систему

управления кадровым потенциалом, так как мы полагаем, что система, как традиционная, так и инновационная, должна быть ориентирована на выполнение следующих важнейших задач. Во-первых, обеспечение соответствия количественных и качественных характеристик кадров целям органов местного самоуправления [6]. Во-вторых, это объединение работников не только на организационном уровне, но и на уровне общих целей, ценностей и традиций, что означает формирование лояльной, высокомотивированной команды профессионалов, объединенных общими целями и корпоративной культурой [5].

При этом разные авторы к процессу управления кадровым потенциалом и кадровому обеспечению Стратегий относят разный набор функций. Управление кадровым потенциалом С.А.Шапиро представляет через функции планирования и оценки потребности в персонале, поиска и отбора персонала, адаптации персонала [6].

Н.В. Кузьмина представляет управление кадровым потенциалом через системы: управления компетенциями, профессионального обучения и управления деловой карьерой [6]. Ю.Н. Арсеньев в качестве ключевой функции управления потенциалом персонала предлагает управление деловой карьерой [1]. Боженков С.А. и Ильичев И.Е. полагают, что управление кадровым потенциалом должно включать в себя освоение прогрессивных форм работы с информацией, развитие навыков синтеза и анализа [4]. Нам представляется, что управление кадровым потенциалом в муниципальных образованиях включает такие кадровые технологии, как подбор, набор, оценку персонала, управление карьерой, ротацию и мотивацию персонала, профессионально-квалификационное развитие, кадровый резерв, коучинг, наставничество, краудсорсинг [3].

Позиция авторов сходится в выделении следующих основных направлений кадрового обеспечения реализации Стратегии устойчивого социально-экономического развития территории, муниципальной кадровой политики по управлению кадровым потенциалом:

- обеспечение органов местного самоуправления человеческими ресурсами (планирование потребности, поиск, набор и отбор персонала);
- использование персонала (оценка, управление карьерой, кадровым резервом);
- управление знаниями и организация системы профессионального обучения муниципальных служащих.

Главными инструментами достижения устойчивого социально-экономического развития России в целом, регионов и муниципальных образований, в частности, являются стратегическое и проектное управление, эффективная бюджетная политика и программно-целевое планирование.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, залогом профессионального решения кадрового обеспечения устойчивого развития муниципальных образований, реализации Стратегии социально-экономического развития города Белгорода до 2025 года является профессионализм кадров представительного и исполнительно-распорядительного органов власти, своеобразная командная работа, и как результат, отлаженная система межведомственного взаимодействия, с опорой на научную общественность при активном участии ученых и специалистов муниципального автономного учреждения «Институт муниципального развития и социальных технологий», созданного администрацией г. Белгорода.

Во-вторых, можно утверждать, что пошаговая технологизация и актуализация Стратегии развития региона и города Белгорода до 2025 г., разработка, принятие и реализация муниципальных программ по основным направлениям деятельности является ценной в процедурном и научно-методическом плане. Данный опыт может презентоваться во внешней среде как лучшая практика, элемент социально-управленческого бренда города Белгорода.

Литература

1. Арсеньев Ю.Н. Управление персоналом. Модели управления. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

2. Астахов Ю.В., Патрушев В.И. Кадровое обеспечение устойчивого развития муниципальных образований в первом и втором десятилетии XXI века: монография. – Белгород. 2015. С.7.
3. Астахов Ю.В., Патрушев В.И. Муниципальная кадровая политика: теория, методология, технология: монография. – Белгород-Москва: Белг. Обл. типогр., 2014. С.179, 202.
4. Боженков С.А., Ильичев И.Е. О системе непрерывной подготовки управленческих кадров. Журнал Государственное и муниципальное управление: теория и практика №1. Белгород, 2011. С.49.
5. Кузьмина Н.В. Система управления кадровым потенциалом в интегрированных корпоративных структурах // исс. на соиск. уч. степени доктора экон. наук. – М., 2004.
6. Шапиро С.А. Основы управления персоналом в современных условиях организациях: уникальный подход, обеспечивающий эффективную работу компаний. – М.: Гросс Медиа, 2005.

УДК 316

РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ¹

Бабинцев В.П.
д.филос.н., профессор, заведующий
кафедрой социальных технологий НИУ
«БелГУ», Россия, г. Белгород
Ушамирская Г.Ф.
д.с.н., профессор, ректор Волжского
института педагогики, экономики и
права, Россия, г. Волжский
Бабинцева Е.И.
к.э.н., доцент кафедры управления
персоналом НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

¹ Статья подготовлена в рамках Задания №2015/2459 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев).

Аннотация. Целью статьи является анализ проблемы формирования новых идентичностей в приграничных регионах России и Украины. Статья опирается на материалы эмпирического исследования в приграничных регионах России и Украины, проведенного методом анкетного опроса (участвовали жители Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской областей - в России, Харьковской, Сумской, Черниговской, Луганской – в Украине; выборка квотная многоступенчатая, квотные признаки: место жительства, пол, возраст, n = 1000). В результате анализа полученных данных обосновано, что феномен идентичности становится все более «культуроориентированным». Это позволяет анализировать его как культурно-цивилизационную идентичность, как комплекс представлений, служащих субъекту основанием для отождествления себя с конкретной системой ценностей и отказа от связи с иными системами. В приграничных регионах России доминирует легитимирующая, по своему типу, «идентичность фронта», ориентированная на прошлое и замыкающаяся на символическую фигуру лидера. В приграничных регионах Украины утверждаются локальные идентичности протестного типа. Содержание их зависит от ситуации в территориальном сообществе. Доминирующие, как в среде российского, так и украинского населения, идентификационные представления существенно деконструируют традиционную модель хронотопа, делают ее поливариантной и внутренне противоречивой.

Ключевые слова: приграничный регион, идентичность, хронотоп, фронт, политико-культурная делимитация

RUSSIAN-UKRAINIAN BORDER-ZONE AS SPACE OF FORMATION NEW IDENTITY

Summary. The purpose of this article is the analysis of a problem of formation new identity in border regions of Russia and Ukraine. Article leans on materials of empirical research in border regions of Russia and Ukraine, conducted by method of

the questionnaire (residents of the Belgorod, Bryansk, Voronezh, Kursk areas - participated in Russia, Kharkiv, Sumy, Chernihiv, Luhansk – in Ukraine; selection is quote multistage, quote signs: residence, sex, age, n = 1000). As a result of the analysis of the obtained data it is proved that the phenomenon of identity becomes more and more «culture focused». It allows to analyze it as cultural and civilization identity as a complex of the representations which serve the subject the basis for an identification of with concrete system of values and refusal of communication with other systems. In border regions of Russia dominates legitimating «identity of a frontier» focused on the past and which is becoming isolated on a symbolical figure of the leader. In border regions of Ukraine are approved local identity of protest type. Their contents depend on a situation in territorial community. Dominating as among the Russian, and Ukrainian population, identification representations significantly deconstruct traditional model of a chronotope, make it multivariant and internally inconsistent.

Keywords: border region, identity, chronotope, frontier, political and cultural delimitation.

1. Введение. В глобализирующемся мире пространствами наиболее интенсивных социальных взаимодействий становятся зоны геополитических разломов, в чисто формальном отношении возникающие в процессе установления новых границ не только между государствами, этносами, но и внутри них. При этом довольно часто границы не получают нормативного закрепления и существуют как следствие конвенции между взаимодействующими субъектами. При этом применительно к зонам геополитического разлома (например, в Сирии, Ливии, Йемене, а в Европе – в Молдове и российско-украинском приграничье) меняется само содержание феномена границы, который все более приобретает характер «культурно-цивилизационного демаркатора» - сформировавшегося в представлениях прямых и косвенных участников взаимодействия рубежа, по обе стороны которого находятся люди, разделяющие не совпадающие, а часто

противоположные ценности и смыслы, придерживающиеся различных норм поведения, различающиеся образом и стилем жизни.

Тем самым в зонах геополитического разлома запускается процесс политико-культурной делимитации, представляющий собой определение и разграничение статусов сопредельных геополитических образований, в ходе которых формируются и распространяются среди населения устойчивые представления о специфичности их политических и культурных систем, их отличии от систем, существующих или складывающихся «по ту сторону границы». «Если следствием делимитации, как юридически оформленного действия, является определение линии границы, то результатом политико-культурной делимитации выступают действия и феномены преимущественно символического характера» [1, с. 46].

Политико-культурная делимитация обычно инициируется внутренними или внешними элитами (иногда совместно), но в любом случае она может стать успешной только при наличии в элитарном и массовом сознании предпосылок для утверждения новых статусов, готовности к усвоению адекватных им ценностей, смыслов и символов. Как правило, она сопровождается изменением вектора идентификации большинства населения и, следовательно, модификацией содержания идентичности, а в ряде случаев и ее типа.

Под идентификацией в данном случае мы понимаем процесс формирования идентичности субъекта посредством соотнесения и отождествления с социальными образцами, группами, ролями, типами, признаками, качествами и свойствами. В свою очередь, идентичность – это комплекс присущих человеку или группе представлений, позволяющих им отождествить себя с конкретными объектами коммуникации, либо продемонстрировать отсутствие с ними общих признаков, вне зависимости от природы объектов взаимодействия. В качестве последних могут выступать как различные явления социального характера, так и природные объекты. В первом случае речь идет о социальной идентичности, которая всегда двойственна по своим векторам, выступающим как векторы социальной конъюнкции и

социальной дизъюнкции. Л.Г. Сокурская подчеркивает: «Можно сказать, что результат идентификации (идентичность) – это символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других» [14, с. 618].

Довольно естественно, что проблема идентичности обостряется в нестабильной социальной среде в зонах геополитических разломов. «Стремление индивида идентифицировать себя с тем или иным сообществом возникает при разрушении традиционного уклада, где потребность самоопределения в системе социальных взаимосвязей не актуализирована, - пишет В. А. Ядов. - Групповой (социальный) статус индивида задан здесь жесткими критериями его принадлежности к общине, сословию, а также половозрастными функциями. Развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет объективные условия жизнедеятельности людей, формирует потребность в самоопределении относительно многообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимосвязей, так или иначе, вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных «солидарностей». Ответ на вопрос, какие группы и общности человек признает «своими», а какие – частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания социальных отношений [19].

При этом в последнее время основания для определения союзников и противников люди находят в явлениях духовного порядка, таких как культура, религия, традиция, этническое сознание. Идентичность становится все более «культуроориентированной», что позволяет рассматривать и определять как культурно-цивилизационную идентичность.

Культурно-цивилизационная идентичность – это комплекс представлений, воспринимаемых сознанием субъекта как основание для отождествления себя с конкретной системой ценностей при одновременном отказе от связи с иными системами. И чем отчетливее прослеживаются действительные или мнимые различия между ними, тем увереннее они рассматриваются в качестве достаточного повода, чтобы на практике не включаться в состав носителей иных ценностно-смысловых комплексов.

В научной литературе проблема идентичности исследована достаточно глубоко и всесторонне. В данной связи, безусловно, следует отметить ставшие классическими работы Э. Гидденса, посвященные феномену самоидентичности [25]; Э. Эриксона – кризисам идентичности [19]; Г. Тэджфела [26]. Проблема идентичности рассмотрена в сравнительно недавних публикациях отечественных авторов К.М. Гайдар [3], Д.С. Котельникова [7], О.А. Симоновой [13], В.А. Ядова [20, 22, 23]. Тема эта рассмотрена настолько подробно и всесторонне, что некоторые исследователи могут с полным основанием утверждать, что в классическом виде проблема идентичности в социально-гуманитарном знании либо исчерпала себя, либо близка к исчерпанию [10, 15].

2. Методика исследования. Изучая идентичность, специалисты выделяют ее различные типы. Для анализа ситуации в российско-украинском приграничье нам представляется весьма перспективной типология, предложенная М. Кастельсом, различающим «легитимирующую идентичность», «идентичность сопротивления», «проектную идентичность» [24].

В рассматриваемом контексте «легитимирующая идентичность» может трактоваться как традиционная идентичность, сформированная развитием общества до начала геополитического разлома. «Идентичность сопротивления» - идентичность, складывающаяся как результат делимитации и обращения к ценностям локальных общностей. Особую роль в данной связи приобретает «проектная идентичность», поскольку это идентичность целенаправленно создаваемая, управляемая, потенциально способная в результате субъектов управления (проектантов) стать либо «легитимирующей», либо «протестной».

Если любую зону геополитического разлома анализировать в контексте проблематики культурно-цивилизационной идентичности, то она будет выглядеть как сложная комбинация всех трех типов, находящихся в точке бифуркации, в которой допустимо развитие по альтернативным сценариям. И эти сценарии целесообразно прогнозировать, исследуя возможные следствия каждого. Такой прогноз особенно важен потому, что процесс эволюции идентичностей в зонах геополитических разломов затрагивает предельно

широкий круг проблем. Изменение векторов идентификации и ее объектов меняют доминирующий в сознании населения хронотоп, то есть комплекс представлений о социальном пространстве, как о коммуникативной среде, в пределах которой реализуются индивидуальные и групповые жизненные стратегии, поощряется, либо табуируется обмен ценностями и артефактами, и о социальном времени, представляющем собой изменения социального пространства в его динамике, ритмах, циклах, последовательностях состояний. Эти представления фиксируются сознанием, памятью и измеряются на базе выбранных эталонов, качестве которых и выступают объекты идентификации.

В сущности, хронотоп – культурная модель, сознательно или бессознательно конструируемая человеческим сознанием, в пределах которой субъекты одновременно идентифицируют себя с актуальным окружением, предками и носителями эталонного будущего. Поскольку в данной модели локализация субъекта увязывается с прошлым, настоящим и будущим, она не только формирует системное видение мира и человека в нем, но и создает комплекс явных и неявных стимулов к действию. Каждый из стимулов может быть мало значим, но в рамках общего хронотопа его вес способен многократно усиливаться. Так, например, православное вероисповедание может иметь для конкретного человека, проживающего в современной России, второстепенное мотивирующее к действиям значение. Но, когда оно воспринимается в контексте мифологем тысячелетней христианской истории России, современной роли церкви как института, обеспечивающего безопасность общества в пределах конкретной территории, и – тем более – ее будущей роли «Третьего Рима», этот фактор способен подтолкнуть человека к общественно значимым действиям.

Следовательно, анализ проблемы идентичности в зонах геополитических разломов затрагивает предельно широкий круг явлений и процессов самоопределения человека, его локализации в пространственно-временном континууме.

Указанные обстоятельства определили концепцию исследования проблем формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных

регионах России и Украины, проведенного методом анкетного опроса (участвовали жители Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской областей - в России, Харьковской, Сумской, Черниговской, Луганской – в Украине; выборка квотная многоступенчатая, квотные признаки: место жительства, пол, возраст, $n = 1000$). Цель исследования заключалась в анализе тенденций, определяющих процесс эволюции культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных российско-украинских регионах в условиях, определяющихся становлением украинской государственности, осложнением межгосударственных отношений, особенно усилившимся после так называемого «Евромайдана», присоединения к России Крыма, вооруженного конфликта между центральным украинским правительством и его сторонниками, с одной стороны, и основной массой населения Донецкой и Луганской областей, новые руководители которой пытаются отстаивать свою самостоятельность. Формулируя данную цель в интересах получения максимально объективных данных, мы постарались, насколько это возможно, очистить ее от политических оценок, что нашло свое отражение в инструментарии. Потребовались две не вполне совпадающие по структуре анкеты, учитывающие специфику восприятия ситуации в украинской и российской среде.

Анкеты для массового опроса содержала в себе 40 (Россия) и 34 (Украина) вопроса (с паспортной) закрытого типа, разбитых по тематическим блокам: микросоциальный и макросоциальный детерминант формирования культурно-цивилизационной идентичности; специфические черты культурно-цивилизационных идентичностей жителей приграничных регионов России и Украины, включающие в себя: черты национального характера, ценности и символы, идеологические системы и политические ориентации.

Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью программного обеспечения: «ДА-система» (версия 5.0). В процессе интерпретации данных использовался компаративный анализ, метод ранжирования, а также анализ прямого и перекрестного распределений данных.

Следует отметить, что проведение опроса в украинских областях представляло собой значительные сложности в силу специфики социально-политической ситуации в Украине, в которой, во-первых, исследования российских ученых зачастую воспринимаются властями (но не большинством населения) как провокационные действия; во-вторых, в такой обстановке, как правило, трудно рассчитывать на откровенность респондентов. Следовательно, при анализе результатов нам пришлось обратить особое внимание на их интерпретацию с учетом специфики ситуации опроса.

3. Специфика исследовательского проекта. При планировании и проведении опроса учитывались два обстоятельства. Первое было связано с тем, что нам не известны социологические исследования, проведенные в период, когда Россия и Украина находились в составе единого советского государства, посвященные сравнению идентичностей населения приграничных регионов этих советских республик. Поэтому относительно исходного состояния идентичностей можно судить только предположительно, опираясь на наблюдения, сделанные в процессе собственного жизненного опыта и своего рода «социологических следов», выявленных при проведении настоящего исследования. Наши предположения на сей счет сводились к нескольким позициям:

- идентичности украинского и российского населения не были однородными, поскольку в этническом отношении оно было смешанным. В частности, в районах Белгородской области нередко соседствовали села, определяемые на бытовом уровне как «москальские» (с преимущественно этнически русским населением) и «хохляцкие» (с преимущественно этнически украинским населением). При этом надо учитывать, что эти определения не заключали в себе идеологически фундированной взаимной неприязни и в повседневном общении служили своего рода маркерами различий в образе жизни и образе мыслей;

- несмотря на разнородность, некоторые общие константы в идентичностях населения российских, с одной стороны, и украинских, с другой, очевидно,

прослеживались. Определялись они преимущественно особенностями этнокультурной истории, в которой выделялись специфические знаковые события и символы;

- в идентичностях было больше общего, чем особенного, тем более, что усилия власти чаще всего были направлены на достижение идентификационного консенсуса. Правда, эта политика имела и свои исключения. Так, например, был относительно короткий период украинизации в российских областях. В.В. Бубликов и В.В. Маркова, в частности, пишут: «Суть украинизации в Воронежской и Курской губерниях (а, с 1928 по 1934 гг., в Центрально-Чернозёмной области) заключалась в широком комплексе действий по внедрению украинского языка, в районах с преобладающим украинским населением, в официальное делопроизводство, созданию украиноязычных учебных заведений (причём не только средних и средне-специальных, но и высших), прессы, формированию украинской «советской» интеллигенции» [2, с. 54]. Однако они отмечают, что почти одновременно осуществлялась и «деукраинизация», в результате которой численность украинского населения в 20-е – 30-е годы XX века в Белгородской области с почти половины сократилась до 1/10. Авторы подчеркивают: «Основной причиной «деукраинизации» белгородского края в раннесоветский период стала не «политическая» ассимиляция, побуждавшая украинцев «записываться» русскими «на всякий случай», а тяжелейший удар, нанесённый советской властью по крестьянству, выразившийся сначала в продразверстках, а позже в раскулачивании, создании колхозов и, наконец, страшном голоде 1932-33 гг., получившем в украинской историографии название Голодомор» [2, с. 54 - 55].

Второе учитываемое нами обстоятельство состояло в том, что изменение идентичностей населения приграничных регионов, по меньшей мере, в последние два десятилетия наиболее интенсивно происходило в украинском приграничье. В первую очередь, это было связано, как уже отмечалось выше, с формированием новой украинской государственности. Генезис собственной государственности объективно востребует пересмотр традиционных эталонов

идентичности, изменения сложившегося хронотопа, что выражается как в ревизии истории, так и разработке инновационных проектов будущего. Фактически, украинской элите пришлось в короткие сроки создавать свой оригинальный хронотоп. Поскольку сроки для этого были явно нереальными, результаты, по меньшей мере, в настоящий момент оказываются весьма проблематичными. Кроме того, украинской элите, а вслед за ней и большей части населения потребовалось определиться в отношении соседней России, оппонировать которой в социокультурном плане казалось весьма выгодно в условиях дефицита собственных продуктивных (к их числу не относятся спекулятивные теории относительно великого прошлого, настоящего и будущего так называемых «укров») идей.

В России первый фактор, практически, не действовал. Российская государственность изначально мыслилась как государственность, опирающаяся на многовековую историю, с которой и отождествляет себя большая часть населения страны. Противоречия возникают в основном в отношении советского периода, но, очевидно, они не рассматриваются большинством населения в качестве основания для ревизии хронотопа в целом и создания принципиально новой идентификационной модели. Второй фактор имеет определенное значение для российского приграничья. Специфика его проявления заключается в том, что значительная часть жителей приграничных областей, связанная с населением украинских регионов не только деловыми отношениями и культурной традицией, но и родственными связями ощутила, что поведение соседей неадекватно ожиданиям. Данное обстоятельство породило разочарование, которое, к сожалению, не было отрефлексовано, но послужило базисом для корректировки как собирательного имиджа, так и в некоторых случаях образа конкретных контрагентов. По нашему мнению, исключительно наглядно в художественной форме выразил суть доминирующего в России (и в ее приграничных регионах) И. Бродский в стихотворении «На независимость Украины».

Но факт украинской независимости с течением времени, скорее всего, ерестал бы восприниматься жителями приграничных российских регионов как культурная травма¹, если бы не события, обычно определяемые как «Евромайдан». Судя по полученным нами в ходе исследования данным, он приобрел для многих из них характер не просто политического события, но, своего рода, культурной травмы. Не случайно среди наиболее характерных символов украинской культуры российские респонденты наряду с Т. Шевченко (26.2%), салом (22.0%), украинским фольклором и Киево-Печерской Лаврой (по 20.6%) россиянами был упомянут именно «Майдан» (17.2%). Кстати, среди украинцев его упомянули только 4.4% респондентов. Вероятно, отражением негативной рефлексии событий, связанных с «Евромайданом», является и то, что наиболее типичным негативным качеством украинцев российские респонденты назвали агрессивность – 34.2%.

Таким образом, рассматривая процесс формирования культурно-цивилизационной идентичности в приграничных регионах России и Украины, мы видим его в значительной степени асинхронным и – с течением времени – все более разновекторным. При этом ситуацию не следует интерпретировать в виде упрощенной схемы, в соответствие с которой, украинское население приграничья (за исключением самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик) под влиянием центральных властей постепенно дрейфует в сторону от русских и рвет с ними традиционные связи, а российские граждане, поощряемые федеральной властью, стараются воспрепятствовать этому процессу. Реальность может быть определена, скорее, как «идентификационный калейдоскоп», предполагающий возникновение и постоянное изменение

¹ Употребляя данное понятия, мы опираемся на концепцию П. Штомпка, который характеризует культурную травму следующим образом: «Вследствие стремительного, радикального социального изменения «двойственность культуры» (имеются в виду когнитивные и нормативные компоненты культуры – В.Б.) проявляется своеобразно: травматические события, сами по себе несущие определенный смысл, наделяются смыслом членами коллектива, нарушая мир смыслов, неся культурную травму. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» [18, с. 11].

различных моделей идентичности. Ни одна из них не является устойчивой в течение длительного времени.

Возможные идентификационные модели в российско-украинском приграничье. Допустимо, на наш взгляд, выделить несколько возможных (и в той или иной мере реализуемых) в российско-украинском приграничье идентификационных моделей¹:

- традиционная советская, сохраняющаяся в основном у части граждан старшего возраста и характеризующаяся высокой степенью ценностно-смыслового единства украинцев и россиян. Для этой модели типично восприятие человеком себя как члена единой, по сути, имперской общности, отождествляемой с государством, продолжающей существовать в его сознании, несмотря на новые границы. Понятие «советский человек» в данном контексте сохраняет свою актуальность, детерминируя поведение личности и формирует специфическую «этнокультурную гордость»;

- современная национально-государственная, основанная на отождествлении человека или группы с Россией или Украиной как самостоятельными государствами-нациям, связанная с поиском в настоящем специфических культурных эталонов, способных консолидировать общество. В абсолютном большинстве случаев она реализуется в зависимости от постоянного проживания и наличия гражданства: однако возможны и исключения, когда люди, имеющие гражданство одной страны и постоянно проживающие на ее территории, идентифицируют себя с ценностями другой. Последнее обстоятельство довольно типично для мигрантов. Но оно может иметь место и в сознании групп, относящихся к коренному населению;

- ретро-культурная, ориентированная на, чаще всего мифологизированное и отформатированное под задачи сегодняшнего дня прошлое; в этом случае объектом идентификации становятся ценности и смыслы, сформулированные

¹ По моделью в данном случае мы понимаем устойчивый образ-представление человека о самом себе и референтах, опирающийся конкретный ценностно-смысловой комплекс.

как квинтэссенция принятой исторической концепции, либо как результат интерпретации значимого для субъекта конкретного исторического периода;

- этнокультурная, в основе которой лежит идентификация с культурными образцами, носителями которых является этнос или субэтнос, локализованный в рамках геополитического пространства (например, так называемые «галицийцы» или русины в Украине, представители этнических диаспор в России или крымские татары);

- локальная, выражающаяся в отождествлении себя с комплексом ценностей и смыслов, декларированных населением конкретной территории, либо представляющей его элитой, что наиболее характерно для Новороссии;

- «номадическая», представленная ориентацией на так называемые глобальные процессы и предполагающая отождествление актора с ценностями западной (преимущественно воспринимаемой как европейская) цивилизации. В этом случае субъект идентификации обычно апеллирует к так называемым демократическим ценностям.

Возможны и другие идентификационные модели, а также их переходные варианты, что дополнительно усложняет ситуацию и создает значительные трудности для ее анализа. Эти трудности связаны еще и с тем, что нередко имеют место различия между реальной и демонстрационной моделями идентификации. Демонстрационная модель возникает тогда, когда человек опасается санкций в связи с попыткой открыто высказать свои убеждения, в том числе, участвуя в социологическом исследовании, которое нередко воспринимается отдельными гражданами как своего рода проверка на лояльность.

Представляет интерес вопрос о том, как соотносятся эти модели с типами идентичности, по М. Кастельсу. Мы полагаем, что любая из моделей, в зависимости от исторического социального контексте, может быть отнесена к любому из типов. Так, например, попытка целенаправленно выстроить нацию-государство по лекалам истории, делает ретро-культурную модель моделью проектного типа; но если данная модель сохраняется в силу инерции, она становится легитимирующей.

Противоречия и парадоксы идентификационных процессов в российском украинском приграничье. Сложная геополитическая ситуация в российско-украинском приграничье, сочетающаяся с традиционной поликультурностью и активным вмешательством в общественные процессы внешних сил придает идентификационному процессу крайне противоречивый характер.

В частности, проведенное нами исследование выявило асимметричность структуры российско-украинских кровнородственных социальных сетей. Согласно полученным данным у 72.8% украинских респондентов есть родственники в России, в то время как доля россиян, имеющих таковых в Украине, почти в два раза меньше - 39.8%. Это противоречие нельзя объяснить якобы имеющей место разницей в численности жителей украинских и российских приграничных регионов. Напротив, генеральная совокупность населения украинского приграничья почти на два миллиона выше, чем российского. Выявленная асимметрия имеет, скорее всего, социально-психологические причины. Они связаны с тем, что вследствие отмеченного выше разочарования в ожиданиях относительно желаемого поведения соседей-украинцев российские граждане стали все чаще «забывать» о своих родственниках по ту сторону границы. Напротив, многие жители украинского приграничья склонны сохранять старые связи. Возможно, расценивая их как своеобразную гарантию в случае неблагоприятного развития ситуации в своей стране.

Показательно в данной связи то, что жители приграничных регионов Украины активнее поддерживают отношения со своими российскими родственниками (82.4%), чем россияне с украинскими (67.8%). Отметим: 60.8% россиян затруднились ответить на вопрос о том, находят ли они в настоящее время взаимопонимание со своими украинскими родственниками, а аналогичных ответов среди украинских респондентов почти в два раза меньше (33.0%).

На основании полученных данных можно предположить, что вектор идентификации жителей российского приграничья предполагает заметно выраженный характер дистанцирования от украинских референтов. Для них становится все более важной осторожность и некоторая отстраненность от соседей «по ту сторону границы», истоки которой, очевидно, коренятся в отмеченном выше разочаровании от ожиданий. В то же время украинские граждане (разумеется, включая Донецкую и Луганскую республику) сильнее ориентированы на социальную конъюнкцию, представляющую собой «процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества. Обратным феноменом является социальная дизъюнкция как процесс разъединения, угрожающий самой жизни общества - его социальному воспроизводству» [6, с. 11]. Допустимо утверждать: культурно-цивилизационная идентичность значительной части россиян в приграничном с Украиной пространстве принимает форму своеобразного «идентичности фронта». Этим понятием мы определяем характерный для человека или группы комплекс представлений, в которых «свои» ценности и символы воспринимаются преимущественно как потенциально уязвимые, требующие системной мобилизации защитных ресурсов, а референты рассматриваются как носители опасностей и угроз. «Идентичность фронта» может быть отнесена к любому из трех типов в зависимости от ситуации, в которой формируется. В нашем случае она является легитимирующей идентичностью, поскольку закрепляет традиционно сформировавшиеся у людей представления, не предлагая обществу новых ценностей и инновационных проектов. Точно также она может формироваться в контексте различных идентификационных моделей, в зависимости от определяющих ее ценностей и смыслов. В нашем случае «идентичность фронта» в российском приграничье воспроизводит национально-государственную модель со значительными ретро-элементами.

Естественным следствием «фронтирного» мировосприятия является установка на консолидацию вокруг ценностей и символов, обеспечивающих однозначную легитимирующую идентификацию в неустойчивой социальной среде.

Мы обращали внимание на то, что разочарование значительной части жителей приграничных регионов поведением соседей-украинцев осталось не отрефлексированным, то есть не послужило основанием для критического анализа собственных ценностно-смысловых установок, хотя, возможно, такая рефлексия позволила бы с большим пониманием отнестись к происходящему. Тем более, что до настоящего времени в сознании большей части жителей как украинского, так и российского приграничья преобладает позитивное представление об общем прошлом. 40.6% опрошенных жителей приграничных регионов Украины считают, что большую часть истории российско-украинских взаимоотношений между определяли дружба и взаимопонимание, еще 27.0% - добровольное сотрудничество. Среди российских респондентов эти показатели составили соответственно 42.4% и 11.6%.

Сравнительно низкое значение последнего индикатора, на наш взгляд, дополнительно подчеркивает эволюцию идентификационной модели россиян в направлении «идентичности фронта».

Абсолютное большинство жителей приграничных регионов России соотносят себя с представителями российской культуры (70.8%), что отражает высокий уровень консенсуса в самоидентификации российских граждан, являющийся характерной чертой «идентичности фронта». Незначительная доля опрошенных (8.8%) относят себя к представителям европейской культуры, 9.2% - к мировой; 2.6% - к евразийской.

Ситуация в приграничных регионах Украины выглядит принципиально иной. Здесь около четверти опрошенных (24.2%) указали, что относят себя к мировой культуре, 18.6% - к европейской, только 15.8% - к украинской, немногим меньше – к русской (11.8%) и евразийской (11.2%). При этом 45.6% респондентов отметили: в этническом отношении они считают себя русскими;

13.0% - украинцами. Для остальных участников опроса этническая самоидентификация не является значимой; 15.8% считают себя жителями своего города или района; 12.0% - региона; 6.0% - гражданами мира; 3.4% - европейцами (остальные затруднились ответить).

Полученное распределение дает основание считать, что в настоящее время в приграничных регионах Украины утверждаются локальные идентичности протестного типа. Содержание их зависит от ситуации в территориальном сообществе. И - что парадоксально - в тех случаях, когда локализация осуществляется как попытка возврата хотя бы к некоторым традициям российско-украинского общего прошлого (Донецк и Луганск), она вполне может рассматриваться как превращенная форма легитимирующего типа. В тех случаях, когда ориентация направлена на иные традиции, она выступает как протестная в его аутентичном виде.

Парадоксальным, на первый взгляд, является то, что в российском приграничье большинство граждан считают себя россиянами (43.2%); русскими – только 29.4%. 4.6% убеждены, что, они, прежде всего – жители региона; 7.0% - города или района; 6.2% - граждане мира; 2.8% - европейцы (6.2% затруднились с самоидентификацией). Однако такое распределение ответов вполне укладывается в предложенную выше схему трех типов идентичности. Соотнесение относительным большинством граждан себя не с национальностью (а приграничные российские регионы, практически, моноэтничны; по меньшей мере, в ходе опроса 94.6% респондентов заявили – они русские) означает лишь то, что государственные ценности (независимо от того, реальны они или иллюзорны) приоритетны для граждан. Именно они, а не этнические признаки, воспринимаются как основания для консолидации и одновременно как феномены, требующие сохранения и защиты. Ценности локальных образований различного уровня значимы крайне мало.

Рассматривая себя, прежде всего, как носителей государственного начала, жители приграничных регионов России демонстрируют высокий уровень гордости за свою страну (76.6%), что вполне естественно, так как «идентичность

фронтيرا» должна поддерживаться идеологически и символически. Однако структура предметов гордости россиян весьма примечательна. 50.4% говорят в данной связи о Победе в Великой Отечественной войне, 46.8% – об историческом наследии. 12.4% гордятся высоким уровнем культуры; 20.6% - научно-техническими достижениями; 20.4% - морально-нравственными качествами жителей; 20.4% - знаменитыми людьми. Вариант ответа «предметов гордости не вижу» выбрали лишь 5,4% опрошенных, а 17.0% затруднились ответить на данный вопрос.

Таким образом, основными предметами гордости являются феномены, связанные с прошлым, в частности, с советскими прошлым. Но при всей значимости традиционных ценностей и даже их сакральности следует представлять: мы наблюдаем проявление традиционной идентичности легитимирующего характера, которая не предлагает нового проекта, привлекательного для соседей-украинцев.

Однако идентичность, опирающаяся исключительно на прошлое недостаточно продуктивна в нестабильной социальной среде. Задачи самоопределения и конкуренции требуют более современных и конкретных «привязок». Для россиян – это, в первую очередь, фигура политического руководителя- лидера, которая в их сознании трансформируется в социокультурный феномен, выходя за рамки традиционного политико-управленческого пространства. Показательно в данной связи, что среди символов, которые наиболее точно отражают сущность российской культуры, 30.0% указали: «В.В. Путин». Среди других относительно значимых символов оказались: матрешка (20.8%) и Красная площадь (17.6%). Такие национальные государственные символы в прошлом и настоящем как флаг, гимн, серп и молот выбрали в среднем по 8% опрошенных. Минимальны доли отметивших те или иные социально-психологические характеристики национального характера, а также такие исконно русские символы как балалайка, гармонь, самовар и пр. Это дает основание утверждать, что, несмотря на довольно активную работу средств массовой информации по пропаганде «досоветских» российских ценностей, для

абсолютного большинства жителей приграничья они остаются чуждыми, и не определяют идентификацию. При этом Президент России – единственный социальный институт, которому доверяет существенная часть (39.4%) населения российского приграничья (отметим: вторым по уровню доверия институтом остается церковь, набирающая только 10.6%).

В украинских регионах гордость за свою страну испытывают 63.8% респондентов. В структурном отношении предметы гордости здесь в целом аналогичны российским. Правда, показатели сторонников наиболее приоритетных среди них заметно ниже. Доля гордящихся победой в Великой Отечественной войне, составляет 33.8%, историческим наследием – 28.4%. 11.6% гордятся высоким уровнем культуры; 9.0% - научно-техническими достижениями; 18.6% - морально-нравственными качествами жителей; 7.6% - знаменитыми людьми. Но 24.8% предметов гордости не видят, 1.4% - затруднились с ответом.

Акцент на историческом прошлом вполне объясним инерционным влиянием культурной. Так А.Н. Михайленко отмечает, что значительная часть населения приграничных районов России и Украины сохранила «советскую» идентичность, отождествляет себя не с новыми независимыми государствами, а с гражданами бывшего СССР [11].

4. Приграничные идентичности: возможно ли сближение?

Полученные данные позволяют утверждать, что в сознании сравнительного большинства украинцев «протестная» идентичность парадоксальным образом сочетается с традиционной. И в этом случае она в какой-то мере сближается и идентичностью, преобладающей среди россиян.

Однако близость между ними не следует переоценивать. Действительно, по ряду параметров представления жителей российского и украинского приграничья остаются довольно близкими. В частности, это относится к представлению о роли государства. Так абсолютное большинство опрошенных в равных долях (56.2% в России и 56.6% в Украине) считают, что «государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный

уровень жизни», характеризующий ярко выраженный социалистический выбор в политическом самоопределении, этатизм с приматом подданнической политической культуры.

Значимая часть опрошенных (24.6% россиян и 26.2% украинцев) свой политический выбор связывают с демократической политической культурой, предполагающей в качестве своей основы правовое государство. Об этом свидетельствует выбранный ими вариант ответа: «Государство должно устанавливать единые «правила игры» и следить, чтобы они не нарушались». Соответственно 13.4% и 13.2% населения придерживаются либеральной позиции, для которой характерно минимальное вмешательство государства в жизнь граждан, в том числе и в их экономическую деятельность.

Однако по ряду позиций представления российских и украинских граждан заметно расходятся. Так, выбирая между политическими и личными правами и свободами и материальным благополучием, и российские, и украинские респонденты предпочитают материальное благополучие. Но доля ответов украинских респондентов, сообщающих о приоритете материального благополучия, составляет 46.8% против 39.6% россиян.

Ценность политических прав и свобод выходит у населения приграничных регионов Украины на передний план (35.4%) в значительно большей мере, чем у россиян. Среди россиян значимость политических прав и свобод отметили только 28.6% респондентов. О том, что важно и то, и другое в равной степени, сообщили в среднем по 9 % респондентов.

Расходятся жители приграничных регионов и в оценке роли идеологии. Жители украинского приграничья несколько чаще убеждены в том, что единая идеология обществу не нужна (28.4% против 20% россиян).

Таким образом, можно утверждать, что идентичность жителей приграничных регионов Украины в большей степени, чем россиян, ориентирована на либеральные ценности, что дополнительно подчеркивает ее протестный характер. В то же время среди украинского населения остается довольно сильно выраженным желание к сохранению единства. Возможно,

причина этого не только в инерционном влиянии прошлого и стремлении сохранить родственные связи, но и в том, что приграничье не принимает в полной мере стратегию нынешних киевских властей. Россияне на сохранение единства нацелены в гораздо меньшей степени. И показательно, что среди российских респондентов на вопрос о том, какими бы они хотели видеть Россию и Украину в будущем, наиболее популярным является вариант ответа «независимыми нейтральными государствами»; его выбрали 37% опрошенных. Среди украинцев аналогично ответили 31.6% участников опроса, более популярным здесь оказался ответ «единым государством», набравший 35.6% голосов. Доля же россиян, желающих видеть в будущем Россию и Украину единым государством, составляет всего 16.8%.

5. Заключение.

Таким образом, идентификационные процессы в приграничных регионах России и Украины, по меньшей мере, не стимулируют восстановление прежнего высокого уровня гомогенности социального пространства. Они, скорее, разъединяют, чем соединяют близкое по своим культурным характеристикам население.

Доминирующие, как в среде российского, так и украинского населения, идентификационные представления, судя по всему, существенно деконструируют традиционную модель хронотопа. Во-первых, если прежде, в течение многих лет совместного общежития, она, фактически была единой и включала в себя в отношении прошлого – представление об общих корнях (Киевская Русь); в отношении настоящего – о братском союзе, инициированном еще Богданом Хмельницким; в отношении будущего – о процветании в единой евразийской семье, то сегодня таких моделей несколько. Во-вторых, все из них в той или иной мере опираются на ревизию одного или нескольких компонентов хронотопа, в результате чего усиливается хаотизация социального пространства. В этих условиях крайне трудно сделать верный прогноз относительно перспектив идентификационных изменений. Проведенное исследование дает лишь основания предполагать, что ближайшее время они будут иметь

преимущественно разновекторную направленность по обе стороны границы. И, вероятно, в российском секторе приграничья в значительно большей степени, чем в украинском.

Список литературы:

1. Бабинцев, В.П., Реутов, Е.В., Сапрыка, В.А. (2015). Политико-культурная делимитация приграничных регионов России и Украины в оценках экспертного сообщества. Регионоведение, 1.

2. Бубликов, В.В., Маркова, В.В. (2014). Формирование этнического состава населения Белгородской области (часть первая: XIX век – середина XX столетия). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право, 3 (173).

3. Гайдар, К.М. (2011). Развитие идентичности студенческой группы как ее субъектный потенциал и как психологический ресурс подготовки специалистов к профессиональной деятельности. Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования», 1.

4. Гришина, Е. А. (1999). Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М. : Социум.

5. Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей. М.: Изд-во ИМЭМО РАН, 2011.

6. Кармадонов, О.А. (2015). Солидарность, интеграция, конъюнкция. СОЦИС, 2.

7. Котельников, Д. С. (2009). Социокультурные особенности региональной идентичности населения административного центра Южного федерального округа. Диссертация. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д.

8. Крылов, М. П. (2005). Региональная идентичность в историческом ядре европейской России. СОЦИС, 3.

9. Кескова И.В. (2009). Социальная идентичность в условиях трансформации российского общества. Автореферат диссертации ... доктора. соц. наук. М..

10. Митрошенков, О.А. (2016). Идентичность: от теоретического концепта к управленческим воздействиям (социально-философский анализ). Власть, 2.
11. Михайленко, А.Н. (2015), Три теоретических подхода к изучению российско-украинского приграничья. [Online] Available: <http://kazakinfo.ru/index.php/component/content/article/11-stati/33-tri-teoreticheskikh-podkhoda-k-izucheniyu-rossijsko-ukrainskogo-prigranichya/> (May 11, 2016)
12. Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализ, 2003. Наука.
13. Симонова, О.А. (2008). К формированию социологии идентичности. Социологический журнал, 3.
14. Сокурская, Л.Г. (2009). Трансформация пространства идентичностей студенческой молодежи: теоретический и эмпирический анализ. Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства.
15. Глостанова, М.В. (2010). В порядке полемики // Вопросы социальной идентичности: научный альманах. Т. IV. Человек в поисках идентичности (с. 452 – 453). М.: Издание Независимого института гражданского общества.
16. Хесле, В. (1995). Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. Вопросы философии, 11.
17. Ходаковская, О.В. (2006). Социальная и личностная идентичность в юности. Диссертация ...канд. псих. наук. 19.00.05. СПб.
18. Штомпка, П. (2001). Социальное изменение как травма // СОЦИС, 1.
19. Эрикссон, Э. (1996). Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс.
20. Ядов, В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе. [Online] Available: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-189481.html?page=28> (May 11, 2016).
21. Ядов, В.А. (1993). Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности (Программа проекта). Социальная идентификация личности (с. 7 – 23). М.: ИС РосАН.

22. Ядов, В.А. (1994). Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен. Социальная идентификация личности -2 (с. 264 – 287). М.: ИС РосАН.

23. Ядов, В.А. (1995). Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. Мир России.

24. Castels, M. (1997). The Power of Identity. Oxford: Blackwell Publishers.

25. Giddens, A. (1991). Modernity and Self identify: Self and society in late modern age. Stanford: Stanford University Press.

26. Tajfel, H. (1978). Differentiation between social groups : studies in the social psychology of intergroup relations. London; New York: Published in cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press.

УДК 77

ЛОМБРОЗИАНСТВО И МЭЙНСТРИМ-КИНЕМАТОГРАФ

Босов Д.В.
аспирант кафедры социальной
работы НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Антинаучность как принцип мейнстрим-кинематографа достигает целей в формировании массового человека. Дискредитация науки есть дискредитация не просто научного знания, конечно, обладающего своими недостатками, как и любое знание. Это дискредитация самих основ организации логического мышления, обладающего взаимосвязанностью логических шагов, системностью, аргументацией излагаемых позиций. Мейнстрим-кинематограф выставляет науку в роли злого гения человечества, обвиняя ее во всех бедах экологического, милитаристского, антигуманного характеров.

Современный мейнстрим-кинематограф осуществляет демонизацию науки и самих ученых, представленных в лучших традициях ломброзианства. В 1860-е годы Ч. Ломброзо фактически поставил знак тождества между гениями и сумасшедшими, а впоследствии приписал к ним преступников. Последующее

ломброзианство (Э. Ферри, М. Нордау и др.) редуцировало ряд его положений, и они в таком виде перекевали в культурный комплекс мейнстрим-кинематографа, сформировав эффективное орудие дискредитации науки, высокого искусства и т.д.

Голливудское кино опирается на ломброзианство, приводя в пример следующие аргументы: ученые, по своему идеальному типу ищущие истины, а не первоочередности блага, люди ненормальные, сумасшедшие. Поскольку массовый человек легитимируется массовой культурой как норма, следовательно, все те люди, которые не разделяют ценностей потребления как доминантных, есть отклонения от нормы, безумцы [1].

Изображение ученых как сумасшедших присутствует в целом ряде кинолент («Чокнутый профессор», «Игры разума», «Человек-паук», «Бэтмен», молодежные комедии о студентах и др.). То же самое относится и к творцам высокого искусства, которые представлены помешанными, а не в качестве создателей шедевров культуры («Амадей», «Малер», «Паганини», «Бессмертная возлюбленная», сериал «Хемингуэй», «Айрис» и др.). Данная кинопродукция фокусирует внимание на специфических чертах характера известных творцов, на внешней стороне их жизни. Она совершенно упускает из внимания творческий поиск – суть человека науки и искусства. Такие фильмы не объясняют зрителю: в чем именно заключается талант и гений персонажей? Играя на предпочтениях и ожиданиях массового человека, мейнстрим-кинематограф предлагает ему следующую бинарную структуру: герой среднестатистических способностей интеллекта (без разницы со сверхъестественными возможностями или без них) противостоящий злодею (антигерою) в лице беспринципного и полубезумного интеллектуала, получившего прекрасное образование или ученого («Человек-паук», «Человек-паук-2», «Трудная мишень», «Фу Манчжу», «Без чувств», «Спиральная лестница» и др.). Победа целиком оказывается на стороне киногероя. Так объявляется: незачем двигаться по пути саморазвития, поскольку массовый человек – уже сформированный. Попытки выхода за свои пределы не принесут ничего хорошего.

Массовый человек сам по себе особый тип редуцируемой личности, нетворческий тип, не стремящийся к саморазвитию. Попытка сориентироваться на саморазвитие, переламывающая, по сути, типичный гедонистический настрой, образ жизни и деятельности такого человека, в конце концов, приведет к отклонению от нормы, к безумию как расплате за дегустацию «запретного плода». Незачем завидовать гению и таланту, человеку творческого поиска, констатируют в своих «предпочтительных прочтениях» кинофильмы мейнстрим-кинематографа. Это они должны завидовать массовому человеку: его нормальности, твердому стоянию на ногах, спокойствию, прагматизму и утилитаризму как принципам руководства, гедонизму как возможности испытать примитивное, но счастье, нежели витать в мире абстракций и творческих открытий, приносящих страдания от непонимания и непризнания, насмешек и издевательств как неформальных санкций массового общества. Так мейнстрим-кинематограф блокирует раскрытие и реализацию творческого потенциала личности.

Согласно А. Маслоу, потребности осуществляют поддержку индивида как активной целостности. Наиважнейшей из них является потребность в самореализации, которая связана с проявлением индивидуальных способностей, склонностей, свойств. По Л. Климовой, она является одной из высших и связана с творческой деятельностью. Это раскрытие внутреннего творческого потенциала в каждом человеке, и его реализация. Но современная сложная социокультурная ситуация в России препятствует ее осуществлению, переориентируя людей на примитивное выживание и заражая их страхом материальной несостоятельности в мире экранных эталонов – успешных и материально обеспеченных молодых людей и женщин [2].

Литература

1. Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство; Женщина преступница и проститутка; Любовь у помешанных: сб./ Ч. Ломброзо. - 2е изд. – Мн: Попурри, 2004. - С.226-229.

2. Климова, Л.Е. Массовая культура и личность: культурфилософский аспект: дис. канд. филос. наук 09.00.13 / Климова Людмила Евгеньевна. - Ставрополь, 2005. - С.119-120

УДК 330.341

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ БИОФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА В РАЗВИТИИ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОРОДА

Воронина И.С.
научный сотрудник Научно-исследовательского
института правового обеспечения
инновационного развития Национальной
академии правовых наук Украины
Украина, г. Харьков

Целью настоящей работы является анализ правовой составляющей в механизме функционирования фармацевтического кластера региона, определение роли фармацевтического кластера в развитии инновационного потенциала города, а также обосновывается необходимость создания биологического банка как одного из ключевых элементов кластера в сфере здравоохранения. Вопросы, касающиеся терминологической базы, особенностей организации и функционирования, экономических моделей деятельности рассматривались зарубежными учеными и учеными стран СНГ: М. Портером, Д. Хартом, О. Анненковой, Л. Божко, Н. Волковой, Н. Внуковой, Н. Голубецкой, А. Евстратовым, О. Наумовой, С. Сахно, С. Соколенко и др.

Анализ публикаций, посвященных особенностям функционирования кластеров в сфере здравоохранения (в частности, фармацевтических и биофармацевтических региональных кластеров) позволяет сделать вывод о большем вкладе представителей экономической науки в разработку данной темы.

Перспективы развития фармацевтической промышленности прописаны в «Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной Приказом Минпромторга РФ

от 23.10.2009 г. N 965 . Для решения поставленных задач в «Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года» (ФАРМА-2020) предусмотрены поэтапно: 1) локализация разработки и производства лекарственных средств на территории России с переходом на стандарт GMP до 2012 года;

2) развитие производства дженериков и достижение лекарственной безопасности (до 2017 года);

3) развитие инновационного производства и выход на зарубежные рынки (до 2020 года) [1].

Основным инструментом достижения поставленных целей является формирование на территории Российской Федерации фармацевтических кластеров.

О создании фармацевтических (биотехнологических, медицинских) кластеров заявили более 30 регионов в Российской Федерации.

Можно выделить два пути развития кластеров в сфере здравоохранения (фармацевтических, биотехнологических, медицинских):

1) внешнее стимулирование со стороны государства;

2) развитие кластера на основании существующих экономических связей региона.

Перечень инновационных территориальных кластеров Российской Федерации утвержден 28 августа 2012 г. поручением Председателя Правительства Российской Федерации №ДМ-П8-5060. В этот перечень вошли 25 территориальных кластеров, которые были отобраны по результатам конкурса. Конкурсный отбор проводился Рабочей группой по развитию государственного-частного партнерства в инновационной сфере при Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям, в рамках реализации поручения Президента Российской Федерации по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации от 11 ноября 2011 г. и решения Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 30 января 2012 г. [2].

В данный перечень вошли фармацевтические кластеры:

1) Санкт-Петербурга «Кластер медицинской, фармацевтической промышленности, радиационных технологий Санкт-Петербурга» (НП «Медико-фармацевтические проекты 21 век»);

2) Московской области «Биотехнологический инновационный территориальный кластер «Пушино» и «Кластер «Физтех XXI» (НП «Содействие развитию биотехнологического кластера «Пушино», НП «Центр инновационного развития биофармацевтического кластера Северный»);

3) Калужской области «Кластер фармацевтики, биотехнологий и биомедицины (г. Обнинск)» (НП «Калужский фармацевтический кластер»);

4) Алтайском крае «Алтайский биофармацевтический кластер» (КГБУ «Алтайский центр кластерного развития»);

5) Новосибирской области «Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий Новосибирской области» (ОАО «Агентство инвестиционного развития Новосибирской области, НП «СибАкадемСофт»);

5) Томской области «Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии Томской области». (Управляющая компания ТО ООО «Томск-Инвест») [2].

На региональном уровне реализуются проекты в Ярославской области «Ярославский фармацевтический кластер», Кировской области «Биотехнологический кластер Кировской области», Свердловской области «Уральский фармацевтический кластер», Волгоградской области «Химико-фармацевтический кластер Волгоградской области», Иркутской области «Байкальский кластер высокотехнологичной химии и фармацевтики», Кемеровской области «Инновационный территориальный биомедицинский кластер», Рязанской области «Фармацевтический кластер Рязанской области», Самарской области «Инновационный территориальный кластер медицинских и фармацевтических технологий Самарской области», Белгородской области «Кластер Биофармацевтики Белгородской области» [3].

На примере фармацевтических инновационных кластеров, перечисленных выше, можно наблюдать разнообразие способов их формирования и различные организационно-правовые формы управляющих компаний (преимущественно в форме некоммерческих партнерств), что, в свою очередь, позволяет сделать вывод об отсутствии как единого механизма создания подобных образований, так и унифицированного подхода к регулированию внутрикластерных отношений между участниками.

Как отмечают авторы статьи «Правовые проблемы государственного регулирования инновационной деятельности и инфраструктуры в Российской Федерации», правовая база в российском законодательстве, регулирующая деятельность кластеров, только начинает формироваться. Определение «кластер» в законодательстве отсутствует, однако активно применяется в подзаконных и правоприменительных актах. В них, в частности, закреплены понятия: научно-производственный кластер, фармацевтический кластер, территориальный кластер и т.п.

По мнению авторов указанной выше публикации, кластер характеризуется следующими правовыми признаками:

1) объединение юридических лиц, размещаемое на территории одного или нескольких субъектов;

2) не является имущественным комплексом, так как не требует объединения имущества по закону;

3) эффективность действия кластеров связана с выходом инновационной продукции;

4) взаимодействие участников кластера обусловлено общими целями и функциональным единством;

5) совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и организаций (участников кластера), которая характеризуется наличием:

- объединяющей участников кластера научно-производственной цепочки в одной или нескольких отраслях (ключевых видах экономической деятельности);

- механизма координации деятельности и кооперации участников кластера;

- синергетического эффекта, выраженного в повышении экономической эффективности и результативности деятельности каждого предприятия или организации за счет высокой степени их концентрации и кооперации [4].

Как подчеркивает О.Н. Наумова: «территориальный кластер – это объединение хозяйствующих субъектов, включая образовательные и научно-исследовательские организации, на локальной небольшой территории, либо в пределах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, или межгосударственном масштабе, на принципах функциональной зависимости участников, обеспечивающих синергетический эффект от взаимодействия по одному или нескольким видам экономической деятельности». Также она отмечает, что ключевым отличием территориального кластера от территориального производственного комплекса является дополнительное привлечение государственных, научно-исследовательских, образовательных, общественных организаций, ассоциаций и прочих организаций, наряду с привлечением к реализации общего проекта в рамках кластера организаций по производству продукции и услуг [5].

В соответствии с кластерной теорией, кластер представляет собой в большей степени социально-экономическое образование, возникшее в результате естественных интеграционных процессов в экономике региона, чем созданное в административном порядке в процессе реализации государством своих функций. Представляется необходимым разработать соответствующее нормативно-правовое обеспечение работы региональных кластеров путем выработки и закрепления единой терминологической базы, создания механизмов управления государственными программами и проектами стратегического развития на уровне административно-территориальных единиц и закрепить механизм координации деятельности участников кластера.

В связи с изложенным следует отметить, что многие субъекты Российской Федерации приняли Концепции кластерного развития, способствующие

реализации региональных приоритетов научно-технологического развития (г. Москва, Ростовская область, Астраханская область, Кировская область, Ярославская область, Воронежская область и др). Целесообразной видится разработка и утверждение Концепции кластерного развития Белгородской области.

Нам представляется, что роль биофармацевтического кластера в развитии инновационного потенциала города можно определить следующим образом:

- 1) построение инновационной инфраструктуры;
- 2) формирование профессиональной компетенции студентов высших учебных заведений;
- 3) создание в экономике региона комплекса новых, высокотехнологичных производств конкурентоспособной медицинской и фармацевтической продукции;
- 4) обеспечение импортозамещения лекарственных средств, изделий медицинского назначения, ветеринарных препаратов;
- 5) модернизация сферы здравоохранения;
- 6) создание новых рабочих мест;
- 7) объединение представителей медико-фармацевтической отрасли: вузов, научно-исследовательских центров, промышленности;
- 8) поддержка малого бизнеса, воспитание предпринимательской активности;
- 9) повышение инвестиционной привлекательности региона.

В рамках реализации проекта по созданию биофармацевтического кластера подписаны два базовых соглашения:

- 1) соглашение о создании кластера биофармацевтики в Белгородской области от 05.03.2014 г. между областным государственным учреждением «Белгородский региональный ресурсный инновационный центр» с остальными участниками кластера;
- 2) соглашение о сотрудничестве между ИК MAGNUS UNION, французской компанией Bocard при участии ведущего химико-

фармацевтического холдинга России ГК «Фармконтракт» от 12 мая 2015 г. Соглашение предусматривает создание на территории белгородского биофармкластера завода по производству лекарственных препаратов на основе моноклональных антител (иммунодепрессанты, противоопухолевые, иммуномодулирующие средства) [6].

Поскольку одним из направлений деятельности кластера является разработка инновационных (оригинальных) лекарственных средств, участие в программе импортозамещения через механизм создания генерических препаратов, регистрация лекарственных препаратов; регистрация фармацевтических субстанций; организация и проведение клинических исследований; мониторинг клинических исследований любой сложности; консалтинг в вопросах вывода препаратов и субстанций на рынок РФ; разработка нормативной документации, отработка методик контроля; разработка состава и технологии производства лекарственных форм, то это предполагает необходимость создания такой структуры как биологический банк.

Биобанк является разновидностью биорепозитария, в котором хранятся организованные коллекции биологических образцов, полученных от человека (кровь, ткани, клетки, ДНК), ассоциированная информация, полученная в ходе клинических и других исследований, а также коллекции модельных и микроорганизмов, способствующих изучению заболеваний и физиологии человека.

Биобанки осуществляют следующие виды деятельности:

1) коллекционируют и сохраняют биологические материалы, которые аннотируются не только медицинскими, но и эпидемиологическими данными (например, данными о влиянии окружающей среды, о роде занятий/образе жизни).

2) осуществляют пополнение существующих коллекций биологических материалов и данных, с ними связанных, на постоянной основе.

3) задействуются в текущих или запланированных исследовательских проектах во время формирования коллекции биообразцов.

4) применяют методы кодировки или анонимизации с целью обеспечения тайны донорства, а в случае необходимости могут предоставить возможность ре-идентификации образцов для получения клинически достоверной информации донору.

5) управляются особыми структурами (этическими комитетами) и предусматривают наличие специальных операционных процедур (например, получение информированного согласия) для защиты прав доноров и интересов правообладателей.

Существующие в мире биобанки можно классифицировать по следующим критериям:

1) По назначению – архивные, музейные, клинические, судебно-медицинские, исследовательские, трансплантационные.

2) По критерию отбора биологического материала - биобанк заболеваний (кардиологических, эндокринологических, онкологических), популяционный биобанк, биобанк стволовых клеток, биобанк пуповинной крови, биобанк генетической информации, биобанк тканей, биобанк для организации клинических исследований, биобанки для целей «случай-контроль».

3) По форме собственности – частная или публичная.

4) По критерию цели осуществления хозяйственной деятельности – коммерческие и некоммерческие

5) По форме существования – виртуальные и реальные.

Выбор организационно-правовой формы биобанка зависит от того, на каком из трех уровней законодательства – национальном, наднациональном (право ЕС, право ЕАЭС) или международном он будет основываться. Кроме этого, следует учесть организационные и управленческие аспекты, такие как управление, источники финансирования, человеческие ресурсы и применяемое право в сфере обеспечения доступа к данным. Принцип «форма следует за функциями» является определяющим при создании такого элемента исследовательской инфраструктуры как биобанк.

Организация «Белгородский центр клеточных технологий» была зарегистрирована 18 июня 2012 года в форме общества с ограниченной ответственностью, код ЕГЮРЛ 38929514, для создания предусмотренного программой развития кластера современного центра клеточных технологий, выполняющего лечебно-профилактические, производственные и научно-исследовательские задачи и отвечающего отечественным и европейским стандартам, а также для обеспечения населения Белгородской области и соседних регионов качественно новыми видами медицинских услуг и продуктов, способных восстанавливать здоровье у людей с тяжелыми приводящими к инвалидности и смертельно опасными заболеваниями. Целью БелЦКТ является оказание уникальных медицинских услуг, основанных на применении клеточной терапии, и разработка и регистрация уникальных имплантатов и лекарственных препаратов, полученных с использованием клеточных технологий, в соответствии с действующими российскими международными стандартами в данных областях. Центр клеточных технологий будет оказывать услуги в следующих направлениях:

Разработка новых и усовершенствование существующих методов клеточной терапии, тканевой биоинженерии, лекарственных средств с защитой продукта патентами, секретами производства (ноу-хау), товарными знаками. К этой группе можно отнести лицензионное производство патентованных зарубежных клеточных продуктов и препаратов на базе БелЦКТ, которое потребует получение сертификата Евросоюза на соответствие европейским требованиям GMP и покупки лицензии на производство или заключения договора о совместной деятельности [7].

Однако, в соответствии с информацией из ЕГЮРЛ, принято решение о ликвидации указанного юридического лица, хотя на базе зарегистрированной структуры, возможно, было создать биологический банк. Ведь основной целью инновационного территориального кластера является не просто количественный рост определенного сектора экономики за счет строительства новых предприятий и увеличения количества рабочих мест, а изменение именно

качества выпускаемой продукции на основании объединения научного и производственного потенциала.

В Российской Федерации в марте 2014 г. создан Национальный БиоСервис (НБС), в виде общества с ограниченной ответственностью, являющийся первым в России коммерческим биобанком и биосервисом научно-исследовательского назначения, сочетающим в себе репозиторий биологических образцов и ассоциированной с ними информации, с коммерческим биосервисом широкого профиля.

Национальный БиоСервис является первой и пока единственной организацией в России, руководствующейся требованиями Международного общества биологических и экологических репозиториях — ISBER — неприбыльной корпорации, организованной и созданной с целью выработки единой нормативной базы в сфере деятельности биорепозитариев [8].

Представляется целесообразным предусмотреть в структуре созданного биофармацевтического кластера и создание биобанка в соответствующей организационно-правовой форме, с возможным привлечением научных учреждений в рамках межмуниципального сотрудничества.

Литература

1. Приказ Минпромторга РФ от 23.10.2009 N 965 «Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года». – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://zakonbase.ru/content/part/645789>.

2. Перечень инновационных территориальных кластеров, утвержденный поручением Председателя Правительства Российской Федерации № ДМ-П8-5060 от 28.08.2012 г. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>.

3. Карта кластеров России – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://map.cluster.hse.ru/list>.

4. Т.В. Шатковская Правовые проблемы государственного регулирования инновационной деятельности и инфраструктуры в Российской Федерации

/Шатковская Т.В., Моисеев В.Н., Голубева М.О. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=4542%3A2016-05-12-06-28-01&catid=116%3Amap&Itemid=159.

5. Наумова О.Н. Особенности формирования территориальных кластеров в современной экономике / О.Н. Наумова // Вектор науки ТГУ. — 2014. — №3. — С. 203-206.

6. Российская кластерная обсерватория: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://cluster.hse.ru>

7. Стратегия и программа развития Кластера биофармацевтики Белгородской области – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://map.cluster.hse.ru/>.

8. ООО «Национальный Биосервис». – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.nbioservice.com>.

**РОЛЬ РОССИЙСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ БАНКОВ В
ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Гладкова С.Б.
доцент кафедры тылового обеспечения
ОВД, СПбУ МВД России,
Надуткина И.Э.
к. с. н., профессор кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»,
Компаниец С.А.
ст. пр. кафедры управления
персоналом НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

***Аннотация:** В статье рассматриваются экономическая сущность института локального банка и его роль в реализации обеспечения сбалансированного развития трансформационной экономики. Данная тема приобретает особую актуальность в свете основных тенденций развития банковского сектора в условиях нарастающей финансовой турбулентности в стране и в мире. Определены понятия «локальный банк» и «трансформационная экономика». Трансформационная экономика – это, по сути, современная стадия развития экономической системы, характеризующаяся изменением диалектического единства количественных характеристик, то есть пропорций и соотношений между различными звеньями экономики, а также качественных параметров или характера связей между частями экономики, в которой приоритеты смещаются в сторону научной организации системы образования и создания экономики знаний. Повышение роли региональных банков диктуют потребности расширенного воспроизводства трансформационной экономики и особенности ее развития, связанные не только с регионализацией нашей страны, диспропорциями ее экономического развития, но и тенденциями кластеризации национальной экономики; особенностями отношений*

собственности; спецификой деятельности региональных банков, обусловленных направленностью развития региона, в котором данные банки оперируют; сильной структуризацией банков в банковской системе, выражающейся в доминировании очень крупных банков и наличии довольно большого числа так называемых «малых» банков.

Ключевые слова: регион, банковская система, локальный банк, трансформационная экономика

Введение

В современном мире банки сохраняют свое огромное значение в развитии экономики. Аккумулируя денежные капиталы, концентрируя их направление и диверсифицируя риски, банки создают важные предпосылки для расширения и ускорения производства. От того, как развиваются банки, каково их финансовое состояние, во многом зависит устойчивое развитие реального сектора экономики. Как часть общего экономического организма, являясь зависимыми от состояния экономики, банки в свою очередь оказывают на нее непосредственное влияние. В условиях наличия финансовых проблем они могут не только содействовать экономическому и социальному прогрессу, но и вызывать нарушение экономического равновесия, стать «детонатором» кризисных явлений.

Теоретико-методологические основания исследования

В экономической литературе длительное время исследуются проблемы места и роли банков в воспроизводственном процессе. Представители неоклассической школы, заложив теоретические основы, обосновали необходимость проведения более тщательного исследования условий рыночного равновесия, изучения механизма функциональных связей в сфере денежно-кредитных отношений. Представители кейнсианской теории в своих работах не отводили существенной роли банковской сфере и ее влиянию на воспроизводственные процессы, при этом отдавая предпочтение исследованию процесса производства. В основу экономического роста они полагали не

деятельность субъектов и институтов банковской сферы, а увеличение правительственных расходов и инвестиций.

Новые тенденции в развитии и изменении роли банковского капитала в воспроизводственных процессах обозначили представители институционального направления. Правда, классики институционализма оценивали банковский капитал как паразитический и отрицали позитивное влияние банков на процесс производства. В трудах представителей неинституционализма признавалась возможность и необходимость государственного воздействия на денежные, финансовые и кредитные институты и банковское дело исследовалось с использованием категорий «потребление», «полезность» и «альтернативные издержки».

В основу же стандартных положений современной институционально-эволюционной теории было положено признание возрастающей роли банков в экономическом развитии. Важную роль в этом сыграл Й. Шумпетер, который показал неправомочность сведения деятельности банков к чисто технической функции денежного опосредования актов обмена.

Степень изученности проблемы

Современным проблемам банковского дела посвящены работы как ряда зарубежных экономистов (С. Фишера, Р. Дорнбуша, Х.-У. Дёрига, Э. Долана, Ж. Матука, Ф. Мишкина, Э. Рида, Р. Смита, Э. Роде, Р.Л. Миллера, Дэвида Д. Ван-Хуза, П.С. Роуза, Дж. Синки и др.), так и российских ученых: (Г.Н. Белоглазовой, Е.Ф. Жукова, Л.Н. Красавиной, Л.П. Кроливецкой, Г.Н. Коробовой, О.И. Лаврушина и др.). Заслугой их стало исследование проблем функционирования банковского сектора, обусловленных переходом от государственной монополии к банковской автономии, вопросов взаимосвязи банков и реального сектора экономики, формирование рынка банковских продуктов и др. [10].

Методика исследования

Исследование проведено на основе изучения различных экономических подходов к трактовке понятий «трансформационной экономики», «региональный (локальный) банк» и анализа действующих регулятивных

требований в банковской сфере с применением общенаучных методов и приемов.

Основная часть

Банковская система любой страны сформировалась в результате развития национальной экономики, в настоящее время она стала центром экономического механизма и взаимодействует со всеми отраслями экономики, с населением, органами государственной власти, оказывая на них определенное воздействие. Эффективное функционирование банковской системы является катализатором общего развития национальной экономики.

В финансово – кредитном энциклопедическом словаре банковская система определяется как «совокупность банков, находящихся в тесном взаимодействии друг с другом и с внешней средой» [18, с. 70]. О.И. Лаврушин рассматривает банковскую систему несколько шире, по сути подменяя данным понятием понятие кредитной системы. В его трактовке современная банковская система представляет собой необходимую совокупность банков, небанковских учреждений и банковской инфраструктуры, находящихся в тесном взаимодействии между собой и обеспечивающих ее устойчивое развитие [3, с. 7].

В настоящее время практически во всех странах с рыночной экономикой созданы и активно развиваются двухуровневые банковские системы, где на первом уровне функционирует центральный банк страны, осуществляющий эмиссионную, законотворческую, надзорную и прочие виды деятельности; на втором — действуют коммерческие банки. Существующая сегодня в России банковская система, так же как и большинство банковских систем мира, является двухуровневой. Согласно законодательству Российской Федерации банковская система России включает в себя Банк России, кредитные организации, филиалы и представительства иностранных банков [1].

Таким образом, второй уровень по сути представлен коммерческими банками, то есть банками «деловыми», ориентированными на обслуживание всех видов хозяйственных агентов вне зависимости от их рода деятельности [6 ,

с. 15]. Классификация коммерческих банков неоднозначна, но при всем многообразии подходов к определению критериев классификации во всех них присутствует территориальный признак классификации и «выделение» такой группы, как региональные банки.

На современном этапе экономического развития региональным аспектам банковской деятельности должно уделяться соответствующее внимание, а особенно при тех мероприятиях, которых проводятся сегодня для развития отдельных территорий, так как, безусловно, банковские сектора регионов оказывают огромное влияние на уровень и темпы экономического развития территории. Вместе с тем в банковском законодательстве отсутствует определение понятия «региональный банк», нет однозначной трактовки его и в теории и практике банковского дела. Определение регионального банка не встречается ни в современных экономических словарях, ни в энциклопедиях, а лишь упоминается при классификации коммерческих банков по сфере обслуживания.

Можно констатировать, что на сегодняшний день региональные банки еще не встроены в идеологию российской банковской системы, без чего нельзя объективно оценить значимость региональных банков для экономического развития региона, для банковской системы и экономики страны в целом. Между тем региональные банки - это отдельная категория со своими особенностями формирования, организационно-экономическими условиями деятельности и специфическими экономическими характеристиками, которые и отличают региональные банки от всех прочих банков [9, с.95].

В современных исследованиях по банковскому делу изучаются и предлагаются различные подходы к определению сущности и статуса регионального банка. При этом у большинства исследователей в их основе заложены следующие характеристики регионального банка: территориальное расположение банка; региональные источники формирования собственного капитала банка; формирование пассивов в основном за счет средств населения и

юридических лиц региона; реализация банковских продуктов и услуг в пределах региона; возможные послабления в части пруденциального надзора [10, с.215].

Достаточно распространенное «выделение» регионального банка по территориальному признаку, то есть определение как кредитной организации, функционирующей на уровне региона. При этом целесообразно рассмотрение существующих понятий регионального банка начать с трактовки термина «регион» (который в свою очередь конкретизирует границы банковского сектора).

В экономической литературе определение региона чаще всего рассматривается как часть страны, область, район, который отличается экономическими, географическими или иными особенностями, нередко сочетающимися с особенностями национального состава населения. Общее, объединяющее все имеющиеся определения, состоит в том, что регион понимается как обособленная от общей часть, которая выделяется в соответствии с определёнными основаниями: специализацией, законченностью воспроизводственного цикла, природно-климатическими, культурно-национальными, социально-экономическими, политическими, административными и другими существенными факторами [15, с.5].

При этом границы региона достаточно «размыты» - если масштаб территории определен одним субъектом РФ, то и внутреннее регулирование экономических, финансовых и иных отношений будет осуществляться нормативно-правовой системой применительно к местным условиям; если масштаб региона включает несколько субъектов РФ, то в этом случае регулирование отношений будет происходить на уровне межсубъектных договоренностей и действующих законодательных актов.

Региональность в российском банковском секторе в первую очередь связана с субъектами РФ, каждый из которых обладает всеми признаками региона, отсюда и определение понятие «регион» целесообразнее сопоставлять с понятием территории субъекта РФ (при этом города Москву и Санкт-Петербург как отдельные субъекты РФ можно также выделить как регионы). Таким

образом, толкование региона как субъекта Российской Федерации и предопределяет границы его банковского сектора.

Зачастую под региональными понимаются «местные», малые банки. Так, О.И. Лаврушин к региональным относит банки, которые обслуживают, главным образом, местных клиентов одного региона, а также муниципальные банки, удовлетворяющие потребности определенного города.

Е.В. Тихомирова предлагает по аналогии с законодательно установленным определением малого бизнеса ввести статус «малого банка», определив параметры его операций с тем, чтобы малые банки могли иметь все условия для своего существования.

Банк России в своих годовых отчетах к региональным банкам относит все кредитные организации, «зарегистрированные не в Москве и Московской области (Московском регионе)» [1]. Ряд авторов предлагают «региональность» банка определять его вкладом в экономику региона.

В подробной классификации банковских групп, составленной Центром экономических исследований МФПА, к малым относят банки с размером собственных средств от 180 млн. руб. до 300 млн. руб. [8, с. 35].

Нельзя также не отметить и другое определение регионального банка, часто встречающееся в западной литературе по банковскому делу, в соответствии с которым к региональным банкам относятся банки, активы которых составляют менее 1 млрд. долларов и которые обслуживают мелкие и средние местные предприятия. В данном случае главным критерием является размер капитала и состав клиентов. Отнесение банка к категории региональных по данным признакам тоже не совсем корректно, так как и крупные, и средние и малые банки могут быть активными участниками регионального рынка банковских услуг, играя важную роль не только в банковской системе, но и в социально-экономической жизни региона.

При определении регионального банка более важным представляется не размер капитала, а источник его формирования, поскольку изначально, при создании региональных банков, основной задачей должно быть удовлетворение

основных потребностей экономики региона, а в экономическом развитии региона заинтересованы в основном только сами местные предприятия и банки.

Некоторые российские авторы определяющим критерием называют контрольный пакет акций у местных властей, считая, что именно это предопределяет сферу деятельности, роль и специфику регионального банка. Конечно, участие местных администраций оказывает большое значение для развития региональных банков, так как именно региональные власти всегда поддерживали и спасали такие банки, но это «не может быть единственным критерием определения категории регионального банка» [11, с.8].

Г.Н. Белоглазова выделяет среди региональных банков две группы: кредитные организации, прямо или опосредованно находящиеся под контролем исполнительных органов субъектов Федерации; банки, контролируемые частным капиталом.

Первая группа банков активно используется местными властями для реализации инвестиционных проектов, решения проблем поддержки местной промышленности и т.п. Наличие банка, подконтрольного исполнительным органам субъекта Федерации, облегчает властям решение многих экономических и социальных проблем – от кредитной поддержки системообразующих предприятий региона до стимулирования жилищного строительства. Вторая группа – это частные региональные банки, которые обслуживают главным образом местный малый и средний бизнес и предоставляют простые услуги жителям. Такие банки, хорошо зная потребности своих клиентов и условия местных рынков, имеют возможность последовательно реализовывать в своей деятельности принцип клиентоориентированности. «Они быстрее могут адаптироваться к региональным особенностям и интересам конкретного клиента» [4, с.35].

Одним из преимуществ малых банков является простая структура управления, не требующая больших затрат на ее поддержание. Региональные кредитные организации обеспечивают условия для стабильного развития региональной экономики и защиты ее от кризисных потрясений. При обострении

экономической ситуации большинство федеральных банков выводит ликвидность в головные структуры, тогда как местные кредитные организации «спасают» своих клиентов.

Рыкова И.Н. и Андреянова Е.В., систематизируя подходы к определению сущности регионального банка, определяют четыре основных подхода к определению его сущности: клиентоориентированный - банк работает только в одном регионе и с клиентами данного региона; учредительский - учрежден региональными властями и их обслуживает; статистико-административный - зарегистрирован на территории субъекта Федерации; подход, в основе которого лежит значение банка для территории данного региона [2, 13].

Вместе с тем, они считают указанные подходы неоднозначными и спорными, предлагая дополнительные характеристики, с учетом которых определяют региональный банк как организацию, собственный капитал которой сформирован посредством концентрации ресурсов региональной экономики, осуществляющую финансово-посреднические специализированные операции на территории региона с целью развития его экономики, и зависящую от финансового состояния юридических и физических лиц данного региона [14, с. 27].

На наш взгляд, это определение является емким и подчеркивающим необходимость нацеленности деятельности регионального банка на развитие экономики региона, но считаем целесообразным, слово «организация» в нем заменить словом «банк» и подчеркнуть расположение в регионе его головного офиса [8, с. 36].

Зверькова Т.Н., определяя сущность понятия «региональный банк», уделяет особое место формулировке его миссии и стратегии, замечая, что уже «изначально в основе деятельности регионального банка должны быть отражены задачи именно как регионального и эффективного «участника экономики» [10, с. 38]. Она определяет региональный банк, как банк, имеющий территориальное расположение головного офиса в регионе, являющийся частью целостной и административной системы экономического комплекса региона (ставящий перед

собой главную цель – способствовать развитию своего региона), в формировании капитала которого принимают основное участие местные предприятия и органы власти, строящий свое развитие с учетом экономических особенностей региона, осуществляющий обслуживание специфического цикла воспроизводства региональной экономики посредством оказания банковских услуг и участия в комплексных программах экономического развития региона» [10, с. 81].

При этом специфика регионального банка, по нашему мнению, определяется не столько величиной капитала, сколько формой собственности на капитал. Вместе с тем представляется целесообразным ввести термин «локальный банк» в рассмотренной трактовке.

Вопрос о роли региональных банков в социально-экономическом развитии территории не нов, поскольку данная проблема была активно обсуждаемой еще в начале XX века. В тот период для банковской системы Российской империи стал насущным вопрос централизации и концентрации банковского капитала. Крупные банки с обширной территорией своей деятельности, централизующие свои правления в столичных городах, развитых центрах промышленности и торговли, стали вытеснять местные провинциальные банковские учреждения, неспособные конкурировать с ними.

Вместе с тем, в этих условиях Государственный банк Российской империи, проводя взвешенную и разумную политику в части становления банковских учреждений российских губерний, сумел обеспечить высокий уровень развития банковской системы с наличием разнообразных форм кредитных учреждений.

Особого внимания заслуживает опыт появления и развития городских общественных банков (по сути прототипов современных региональных банков), деятельность которых оказала сильное влияние на развитие банковской отрасли в целом.

Первые городские общественные банки совмещали коммерческую и общественную деятельность. Важнейшей особенностью городских общественных банков была тесная экономическая взаимосвязь с городским хозяйством, что было положено в основу их деятельности. Они создавались для

кредитования торговли и промышленности и носили «общественный характер», который достигался учредителями посредством ограничения действий банка одним городом и целевой направленностью на кредитование «малокапитальных» заёмщиков - граждан города [10, с. 41]. Целью создания таких банков было, прежде всего, стремление предоставить городу источник прибыли, а его гражданам - источник кредита. При этом финансирование за счет банковской прибыли благотворительных расходов совершенно не препятствовало развитию банковского бизнеса.

Такое сочетание коммерческой деятельности, общественного характера и благотворительности позволили создать новый тип банковского учреждения, прошедшего испытание временем и доказавшего свою необходимость.

Основной характеристикой местного банка служил источник капитала. В «Положении о городских общественных банках» от 1912 года было определено, что источником основного капитала банка являются отчисленные из городских средств или пожертвованные суммы. Изначально определялось, что жертвователь капитала, на который будет основан банк, по его желанию мог стать пожизненным директором своего банка. Затем были внесены изменения, согласно которым такой человек по решению думы мог рассчитывать только на присвоение ему звания почётного директора, дающего право периодического получения сведений о ходе дел банка, а самому банку - его имени.

Таким образом, несмотря на то, что банк образовывался за счет частных пожертвований, он все равно принадлежал городу. В дальнейшем городские власти стали сами активно учреждать такие банки. Все городские общественные банки действовали по очень похожим операционным правилам и лишь отдельные из них имели некоторые особенности в своей операционной деятельности и управлении. Основным источником капитала всех банков были денежные средства купечества и мещан.

Не смотря на то, что банк принадлежал городу, городская дума не могла распоряжаться средствами банка – законодателями чётко устанавливалось разделение городского бюджета и банковской кассы.

Поскольку со временем городские общественные банки становились достаточно серьёзной частью банковской кредитной системы Российской империи, правительство для недопущения хищений и банкротств городских банков ввело несколько уровней «надзора», так как разнообразие в подходах к формированию капитала банков, несло в себе опасность злоупотреблений.

Так, Положением 1883 года был возложен целый ряд обязанностей по надзору за банками на Министерство Финансов. В этот период также были введены в действие подробные циркуляры с разъяснениями по применению нового положения; определены порядок представления банками отчетности в правительственные учреждения; утверждена новая форма для составления ежемесячных балансов банков; утверждены инструкции для руководства при производстве ревизии городских банков лицами, назначаемыми от правительства и для руководства при проверке годовых отчетов городских общественных банков комиссиями, избираемыми городскими думами.

Весьма интересной представляется имеющая к началу 20 века практика, когда надзор за деятельностью кредитных учреждений в России, а также сбор статистических данных о состоянии кредитных операций осуществляли: за крупными банками «Особенная канцелярия по кредитной части»; за мелким кредитом - «Управление по делам мелкого кредита».

За деятельностью городских банков надзор осуществлялся и со стороны губернских властей - губернатор обязан был проверять ежегодные отчёты городских банков и утверждать избираемое думой правление.

Действуя на коммерческих основаниях, городские банки не всегда руководствовались только соображениями прибыли и в ряде случаев склонны были принимать в расчёт нужды горожан. Данные кредитные учреждения играли важную роль в решении вопросов городского обустройства и благотворительности.

Однако не все города России были охвачены банковской деятельностью, поскольку руководство Государственного и крупных коммерческих акционерных банков так же, как и сейчас, не торопилось открывать свои

отделения в небогатой российской провинции, уделяя основное внимание мобилизации капиталов провинции и наиболее доходных отраслей.

Таким образом, основные характеристики «местных» банков в дореволюционной России можно представить следующим образом (рис.1):

Рисунок 1.

Основные черты «местных» банков в дореволюционной России

Нацеленность городских банков на местный источник капитала, на обслуживание экономики города, ограничение их функционирования границами региона, общественный характер их деятельности, ограниченность местных денежных ресурсов, не позволяя им значительно выходить за пределы региона и круга средних клиентов, в то же время обеспечивали их жизнеспособность.

В послереволюционный период в условиях административно-командной экономики существовала одноуровневая банковская система. Первый этап реорганизации банковской системы страны начался в 1987 году, когда была предпринята попытка устранения существующих проблем в банковской системе,

основные из которых заключались в отсутствии у предприятий альтернативных источников кредита, неконтролируемой эмиссии кредитных и банковских денег, а также в списании огромных долгов предприятий, особенно в сельском хозяйстве. Но реформа не достигла намеченного результата – сохранившаяся одноуровневая кредитная система не соответствовала потребностям рыночных отношений, зарождавшихся тогда в России.

Развитие банковских секторов в регионах России началось в 1988-1989 годах - с создания первых коммерческих банков, что ознаменовало второй этап попытки реорганизации банковской системы СССР. В течение этих лет по всей стране Госбанком СССР было зарегистрировано около 400 самостоятельных коммерческих и кооперативных банков.

В банковском секторе 1992-1996 годов преобладали в основном средние и мелкие кредитные учреждения, занимающиеся не столько кредитованием и инвестированием реального сектора экономики, сколько спекулятивными операциями с государственными ценными бумагами (ГКО-ОФЗ) и валютными операциями.

Российский региональный банковский сектор в период 1988-1998 годов формировался и развивался в большей степени за счет создания региональных кредитных организаций под патронажем местных властных структур или же путем создания «корпоративных» банков, как правило, на отраслевой основе для обслуживания соответствующих крупных производств, если таковые имелись в регионе. В результате была создана банковская сеть с большим количеством самостоятельных региональных банков.

Кризис 1998 года, когда произошла обвальная девальвация рубля и отказ от выполнения обязательств по государственным ценным бумагам, самостоятельных региональных банков, самостоятельные региональные банки «пережили» относительно спокойно, а некоторые региональные банки даже упрочили свои позиции на рынке банковских услуг, за счет привлечения клиентов разорившихся крупных инорегиональных банков, чему способствовал ряд факторов (рис. 2.).

Факторы, способствующие устойчивости самостоятельных региональных банков в период кризиса 1998 года

Неслучайно, после 1998 года в центре внимания Банка России оказались региональные банки, подтвердившие свою жизнеспособность и необходимость для экономики. В последующие годы региональные банки вновь были потеснены открывшимися филиалами крупных (в основном московских) банков, чему способствовал низкий уровень капитализации региональных банков. Вместе с тем в 2000- 2007-е годы региональные банки демонстрировали достаточно устойчивую динамику развития.

В настоящее время характерной тенденцией развития банковского сектора РФ стало начавшееся в период современного финансового кризиса сокращение числа кредитных организаций, преимущественно региональных банков наряду с одновременным наращиванием капитала оставшихся банков за счет слияния и поглощения других банков. Уход с рынка региональных кредитных организаций сократит потенциал расширения банковских продуктов и услуг в регионах, тогда как уровень развития экономики в целом и банковского сектора страны во

многим определяется динамикой экономического развития регионов и состоянием их банковского сектора.

Таким образом, возможности развития местных банков не были исчерпаны в ходе эволюции кредитной системы России во второй половине XIX-начале XX в. – они не исчезли после краха Российской империи и «дошли» до наших дней. Поэтому их история представляет несомненный интерес как опыт успешных действий местных властей в области финансов и может помочь сформировать посткризисную архитектуру банковского рынка.

Трансформационный период – это время, в течение которого общество осуществляет коренные экономические, политические и социальные преобразования, а экономика страны переходит в новое, качественно иное состояние. Трактовка трансформационного процесса в экономике у разных авторов неоднозначна - «динамичные перемены в макроэкономике, отражающие итоговые результаты экономической деятельности и ее влияния на другие стороны жизни общества», период, «заканчивающийся условным выходом страны на новый уровень устойчивого экономического роста и стабилизацией социально-политических структур» [17] и др., но все определения сводятся в конечном итоге к пониманию его как преобразования экономической системы.

Содержанием трансформационной экономики является преобразование системы социально-экономических отношений. Трансформационная экономика – это по сути современная стадия развития экономической системы, характеризующаяся изменением диалектического единства количественных характеристик, то есть пропорций и соотношений между различными звеньями экономики, а также качественных параметров или характера связей между частями экономики, в которой приоритеты смещаются в сторону научной организации системы образования и создания экономики знаний. Важной особенностью развития является то, что на процессы трансформации накладываются два вида взаимосвязанных общемировых трансформационных тенденций – глобализация и информатизация, а важным признаком экономики

развитых стран является эволюционная трансформация экономики под влиянием инновационных технологий.

Процесс трансформации охватывает добывающие и сырьевые сектора; обрабатывающие отрасли; торгово-посреднический сектор; сектор услуг материального характера; отрасли услуг нематериального характера; отрасли, связанные с информационно-компьютерными технологиями. Выделение последнего в качестве самостоятельной сферы дает возможность реально оценить степень продвижения национальной экономики к информационной стадии развития. Эволюция экономики к постиндустриальной стадии сопровождается ростом числа секторов, а также изменением их значимости [16].

Таким образом, структурная трансформация экономики — это преобразование сложной социально-экономической системы, отдельные звенья которой пропорциональны друг другу, тесно связаны между собой и образуют иерархическую зависимость. В такой системе микро-, мезо-, макро-, и мегауровни связаны в единое целое с помощью отношений собственности и производственной, рыночной, финансовой, социальной и информационной инфраструктуры.

Государственная региональная политика направлена на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни. Реализация Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года предполагает необходимость предоставления регионам большей экономической самостоятельности, создания эффективного механизма, объединяющего ресурсы бюджетов, банков, отечественных и зарубежных инвесторов [8, с. 30].

Финансово-кредитные механизмы реализации стратегий социально-экономического развития регионов Российской Федерации являются главной темой многих банковских форумов, на которых обсуждаются вопросы совершенствования российской банковской системы, состояния

инвестиционного и бизнес-климата российских регионов, ценовой и территориальной доступности банковских услуг. Так, по итогам XII Всероссийского форума, состоявшегося в конце августа 2011 года, (организатором форума выступила Ассоциация российских банков) было решено продолжить работу по созданию эффективного финансово-кредитного механизма для стимулирования экономического роста в регионах, а также создать при Министерстве экономического развития РФ Совет по изучению и распространению передового опыта функционирования финансово-кредитного механизма с участием представителей банков и финансовых ассоциаций.

Особое внимание уделяется вопросам создания в регионах эффективного финансово-кредитного механизма стимулирования экономического роста на основе активизации участия региональных банков в развитии экономики страны. Взаимодействие банковского сектора и экономики региона происходит через экономические отношения, участниками которых являются как все отрасли экономики, так и сами экономические субъекты. Значимость регионального банковского сектора в этих отношениях заключается в аккумуляции и эффективном перераспределении финансовых ресурсов для обеспечения непрерывности производства и потребления товаров и услуг в отдельно взятом регионе и ускорения социально-экономического развития в целом.

Следует отметить, что несмотря на деятельность в регионах накопительных фондов, страховых и инвестиционных компаний, которые вносят свой вклад в перераспределение финансовых ресурсов территории, банки являются более значимыми, поскольку ориентированы не только на финансовое обслуживание предприятий реального сектора, но и учреждений финансового сектора экономики.

Таким образом, благодаря банковским операциям с привлеченными средствами предприятий и населения, осуществлению финансового посредничества, кредитным и инвестиционным вложениям, а также комплексному обслуживанию региональной экономики и всех ее секторов банковский сектор занимает ключевое место в формировании финансовой базы

региона и оказывает значительное влияние на его социальное и экономическое развитие.

Повышение роли банковского сектора в процессе модернизации российской экономики требует устранения диспропорций развития регионов России, усугубляющихся неравномерностью обеспечения банковскими услугами, недостаточной развитостью финансово-кредитного механизма, «формирования в банковском секторе конкурентной среды, представленной полным спектром кредитно-финансовых институтов – от крупных банков с государственным участием до малых региональных банков» [5, с. 12].

Как показывает мировой опыт, наличие в каждом субъекте Федерации независимых кредитных организаций является одним из важнейших условий для формирования в стране эффективной модели бюджетного федерализма.

Повышение роли региональных банков диктуют потребности расширенного воспроизводства трансформационной экономики и особенности ее развития, связанные не только с регионализацией нашей страны, диспропорциями ее экономического развития, но и тенденциями кластеризации национальной экономики; особенностями отношений собственности; спецификой деятельности региональных банков, обусловленных направленностью развития региона, в котором данные банки оперируют; сильной структуризацией банков в банковской системе, выражающейся в доминировании очень крупных банков и наличии довольно большого числа так называемых «малых» банков [8, с. 32].

На развитие региональных банков оказывают воздействие как внешние (общегосударственные) факторы, так и внутренние (региональные) факторы.

Среди внешних факторов выделяют прежде всего макроэкономические факторы, проводимую государством денежно-кредитную политику, политику в области банковской деятельности, а также ее законодательное и нормативное обеспечение.

К региональным факторам относятся экономические, социальные, технологические, политические факторы и конкурентная среда.

Несмотря на положительный рост экономики, отмечается продолжение периода экономической стагнации в стране, начавшейся в 2011 году. При высоких ценах на нефть как в абсолютном выражении (превышающих 100 долларов за баррель), так и в относительном (они превышают докризисный уровень), темпы всех остальных макроэкономических показателей (за исключением безработицы) в 2012 году существенно отставали от средних докризисных показателей, что оказывает существенное влияние как на банковскую систему в целом, так и на деятельность региональных банков.

Незавершенность институциональных преобразований в части выделения региональных банков, сокращение их численности, установление основных параметров банковской деятельности регионов на федеральном уровне, игнорирование роли местных банков в системе региональных экономических отношений существенно затрудняют развитие регионального рынка банковских продуктов, тогда как растущие потребности клиентов заставляют банки постоянно совершенствовать свои продукты и гибко реагировать на изменяющиеся внешние условия, одновременно обеспечивая для себя конкурентные преимущества.

Заключение

В деятельности банков регионального значения имеются объективные трудности:

- работа в локальных территориальных образованиях, имеющих ограниченную ресурсную базу, и обслуживание, как правило, предприятий малого бизнеса, испытывающего резкие колебания рыночной конъюнктуры;
- низкая капитализация, в силу которой малые и средние банки не имеют возможности привлекать дешевые ресурсы с международных и внутренних рынков капитала;
- они не имеют доступа к таким источникам, как зарубежное заимствование, участие в аукционах на размещение бюджетных средств;
- дорогое привлечение на розничном рынке ресурсов по сравнению с крупными банками;

- ограниченный набор банковских услуг на основе высоких банковских технологий, требующих крупных единовременных затрат, и др. [7, 8].

Среди проблем реальной угрозой прекращения деятельности региональных банков является постоянно ужесточающиеся требования по минимальному размеру капитала. Для региональных банков превращение роста капитала в самоцель может активизировать их уход в практически нерегулируемую сферу небанковских кредитных организаций, что вряд ли будет способствовать развитию экономики региона.

Важным инструментом осуществления финансовой и денежно-кредитной политики на региональном уровне является кредитование программ социально-экономического развития региона. С помощью такого кредитования осуществляется прямое воздействие банковского сектора на экономику и социальную сферу. В то же время объемы кредитных вложений со стороны кредитных организаций в экономику региона также зависят от многих факторов таких как состояние регионального бюджета, финансовое положение предприятий и общая экономическая ситуация в регионе.

Выводы

Банковский сектор региона непосредственно влияет на состояние экономики региона и уровень жизни населения, в первую очередь, обеспечивая экономику и население дополнительными финансовыми средствами в виде кредитов и инвестиций, путем бесперебойного осуществления расчетов, поддержания текущей ликвидности хозяйства и самого банковского сектора. В связи с этим важным является решение вопроса поддержания развития всех элементов банковской структуры, в особенности, региональных банков, и системной устойчивости всего банковского сектора региона.

Взаимосвязь и взаимозависимость успешного развития банковской системы и экономики, как отдельных субъектов, так и страны в целом, несомненны. Банки являются активными участниками реализации приоритетных национальных проектов и региональных инвестиционных программ, как в производственной, так и в социальной сфере.

Потребности расширенного воспроизводства трансформационной экономики, в том числе и на региональном уровне, вызывают необходимость создания, развития и распространения особого типа региональных банков, ориентированных на экономические и социальные нужды территорий.

Термин «региональный банк», или точнее «локальный банк» требует законодательного закрепления.

Под региональным (локальным) банком следует понимать банк, являющийся элементом финансово-кредитного механизма целостной административной системы экономического комплекса региона, в формировании капитала которого основное участие принимают местные предприятия и органы власти, ставящий перед собой главную цель – способствовать развитию своего региона, стимулированию его экономического роста и определяющий стратегию своего развития с учетом его особенностей, осуществляющий обслуживание специфического цикла воспроизводства региональной экономики посредством оказания банковских услуг и участия в комплексных программах экономического развития региона.

Эволюция региональных банков в России и зарубежный опыт функционирования региональных кредитных организаций в странах с развитой экономикой представляют несомненный интерес в плане возможного использования при формировании посткризисной архитектуры банковского рынка.

Вместе с тем существует ряд объективных причин, препятствующих эффективной реализации роли региональных банков в успешном функционировании финансово-кредитного механизма стимулирования экономического роста регионов.

Решение новых задач в условиях развития российской экономики, глобализации и внедрения информационных технологий обуславливают «необходимость создания концепции развития регионального банка, нацеленной на стимулирование местных секторов национальной экономики, выполнение социальной и благотворительной миссии» [10, с. 7].

Литература

1. Regarding Banks and Banking Activities [Electronic resource]: Federal Law of the Russian Federation No. 17-FZ (rev. dd. 23.07.2013 No. 251-FZ) dated February 3rd, 1996, Konsul'tantPlus legal reference system, Zakonodatel'stvo data bank (in Russian).
2. Andreyanova E.V. Razvitie regionalnykh kreditnykh organizatsiy kak faktor povysheniya vnutrenney konkurentsii bankovskoy sistemy (na primere Respubliki Tatarstan). Ph.D. in Economics, Diss. Abstract [Development of Regional Credit Organizations as a Factor to Increase the Internal Competition of the Banking System (in the context of the Republic of Tatarstan)]. Electronic resource. Moscow, 2011. Available at: <http://new.vgna.ru/Content/Synopsis/Андреянова.pdf>, free
3. Bankovskoye Delo [Banking Business] (Text). Under the editorship of Prof. Lavrushina O. I. Edition 4, revised and enlarged, Moscow, KNORUS Publ., 2010, 520 p.
4. Beloglazova G.N. Development Strategy of Regional Segment of Banking System. (Text). Bankovskoye Delo [Banking Business]. 2011, No. 2, pp. 34-37.
5. Voylokov A.A. Prospects of Development of Regional Credit Organizations (Text). Den'gi i kredit [Funds and Credit]. 2012, No. 11, pp. 12-16.
6. Gulko A.A. Fundamentals for Arrangement of Commercial Bank Activities. Text: Gulko A.A., Gladkova S.B., Chorba V.P. Belgorod, KONSTANTA Publ., 2009, 294 p.
7. Gulko A.A. Intensive Development of Regional Banks as a Mandatory Term for Establishment of the Efficient Financial and Credit Mechanism on Economic Growth Stimulation in the Regions. Text: Gulko A.A., Chorba V.P. Razvitie finansovykh otnosheniy v usloviyakh stanovleniya innovatsionnoy ekonomiki [Development of Financial Relations under Conditions of Innovative Economy Establishment]. Monog., under the scientific editorship of Ph.D. in Economics, Prof. Vladyka M.V., Ph.D. in Economics, Prof. Fliginskikh T.N. Belgorod, Belgorod Publishing House, 2012, pp. 177-191.

8. Gulko A.A. Kreditnaya politika regional'nogo banka v usloviyakh transformatsii modeli razvitiya bankovskogo sektora Rossiyskoy Federatsii (na materialakh Belgorodskogo regiona) [Credit Policy of Regional Banks under Conditions of Transformational Model of Banking Industry Development in the Russian Federation (a case study of the Belgorod region)]. Text: Gulko A.A., Chorba V.P., Gordeeva E.V. Monography, under the editorship of Gulko A.A. St. Petersburg: OOO Kopi-RGrupp Publ., 2013, 126 p.

9. Gulko A.A. Regarding Theoretical Aspects for Determination of the Regional Banking Segment Structure (Text). Gulko A.A., Tolstova O.E. Aktual'nyie problemy ekonomiki v usloviyakh reformirovaniya sovremennogo obshchestva: materialy zaachnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Pressing Issues of Economy in the Context of Reformation of the Contemporary Society: materials from international research and training teleconference]. Edited by Ass. Prof. Nikulina E.V. Belgorod, Belgorod Publishing House, 2013, pp. 95 – 97.

10. Zverkova T.N. Regional'nyie banki v transformatsionnoy ekonomike: podkhody k formirovaniyu kontseptsii razvitiya (Text) [Regional Banks in Transformational Economy: Approaches to Establishment of Development Concept]. Orenburg, OOO Agentstvo Pressa Publ., 2012, 214 p.

11. Milukov A.I. Financial and Credit Mechanism for Regional Development (Text). Den'gi i kredit [Funds and Credit], 2011, No. 10, pp. 6 -9.

12. Reports on development of banking sector and banking supervision in 2010, 2011, 2012 (Electronic resource). Central Bank of the Russian Federation. 2011,2012,2013. Available at: <http://www.crb.ru>, free.

13. Rykova I.N. Comprehensive Assessment of Regional Banking Systems (Text). Rykova I.N., Fisenko N.V. Bankovskoye delo [Banking Business], 2012, No. 4, pp. 24-30.

14. Rykova I.N. Nature, Types and Functions of Regional Banks (Text). Rykova I.N., Andreyanova E.V. Bankovskoye delo [Banking Business], 2011, No. 6, pp. 26-29.

15. Sarantsev V.N. Regional'naya bankovskaya sistema i eyo uchastie v investitsionnom protsesse regiona. Diss. abstract. [Regional banking system and its participation in the regional investment process]. Saratov, Publ. by Saratov State Economic University, 2009, 32 p.

16. Khuzina G.G. Nature of Transformational Process in Economic System [Electronic resource]. Problems of Modern Economics. 2010, No. 4 (36). Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3337>, free.

17. Chamokova F.A. Regional Banking Sector: Risks, Problems, Development Prospects (Text). Den'gi i kredit [Funds and credit]. 2012, No. 9, pp. 58 - 61.

18. B. Joseph Pine II, James H Gilmore The Experience Economy, Updated Edition, Harvard Business School Press, 2011, 256 p.

19. T. Mermiri The transformation economy, Arts & Business, 2012, 60 p.

20. A. Pollock The Transformation Economy, Agents of Change @ Work Blog, 2006
(http://agentsofchange.typepad.com/weblog/2006/06/the_transformat.html)

УДК 338.465

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ГАРАНТИЯ КАЧЕСТВА, БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Гончарова А.И.
студентка НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Насыщение рынка разнообразными товарами не всегда гарантирует потребителю их высокое качество, безопасность для здоровья и окружающей среды. В этих условиях потребителю необходима гарантия, подтвержденная независимой стороной, что товар соответствует определенному уровню качества. Такое подтверждение осуществляется при сертификации продукции. В Российской Федерации сертификация продукции проводится с 1993г после

принятия закона РФ «О сертификации продукции и услуг». На основании чего и работает таможенный контроль, который рассматривается как совокупность мероприятий, которые осуществляются таможенными органами в границах своей компетенции с целью обеспечения соблюдения норм таможенного законодательства, положений международных договоров.

Таможенный контроль рассматривается как совокупность мероприятий, которые осуществляются таможенными органами в границах своей компетенции с целью обеспечения соблюдения норм таможенного законодательства, положений международных договоров.

Другими словами, таможенный контроль - осуществление таможенными органами Российской Федерации специальных действий, направленных на соблюдение юридического законодательства, международных соглашений и правил, которые регулируют порядок ввоза, вывоза или транзита товаров, транспортных средств. Таможенный контроль реализует свою таможенную экспертизу - это специальное научно-практическое исследование, проводимое экспертами в целях решения задач таможенного дела. При осуществлении таможенного дела решается целый комплекс общих задач фискального контроля экономического, правоохранительного, статистического и защитного характера, требующих выполнения самых разнообразных экспертиз, для чего необходим профессионализм представителей по различным направлениям, в ряде случаев при определении рабочих стратегий вполне оправданно может быть создание дополнительных экспертных сообществ, куда входят учёные, представители органов государственной власти области, организаций и общественных объединений.

Опыт практической работы по сертификации масел растительных и продуктов их переработки показал, что сегодня на потребительском рынке России достаточно сложно купить продукцию, соответствующую своему наименованию.

В перечень показателей, подлежащих подтверждению при идентификации растительных масел и продуктов их переработки, вошли: цвет,

запах, прозрачность, показатель преломления, в случае необходимости жирнокислотный состав и физико-химические показатели.

Данная тема является актуальной в наши дни, так как на сегодняшний момент индустрия растительных масел стремительно развивается. В магазинах представлен огромный ассортимент товара и очень важно уметь отличить подделку, дефекты, знать какое масло должно быть на вкус и внешний вид, и из каких компонентов состоит.

Что касается проблем, по-прежнему острым остается качество растительного масла и его ценообразование, низкая покупательная способность населения, в результате чего возможности промышленности в полной мере не реализуются, практически отсутствуют государственные социальные программы, как своего рода поддержка бизнеса.

Введение в действие стандартов, правил создает условия для повышения качества работы экспертов, что в результате должно положительно повлиять на качество и безопасность масложировой продукции. Растительное масло - жирные (жиры растительные) продукты, извлекаемые из растительного сырья и состоящие в основном из триглицеридов высших жирных кислот. Основные источники растительного масла - масличные растения (масличные культуры).

В зависимости от исходного сырья, способов обработки после выделения масла, назначения (использования), органолептических и некоторых физико-химических показателей растительные пищевые масла в товароведении продовольственных товаров классифицируют по ряду признаков.

В зависимости от исходного сырья различают: из семян подсолнечника - подсолнечное, из семян сои - соевое, из семян хлопчатника - хлопковое, из плодов оливкового дерева - оливковое, из зародышей кукурузы - кукурузное и так далее.

В зависимости от способов обработки масел (очистки) после их выделения различают: нерафинированные, гидратированные, рафинированные, рафинированные дезодорированные и недезодорированные. По этому признаку растительные масла одного и того же наименования, способов обработки

(очистки) обладают разными органолептическими свойствами. Например, нерафинированные масла, имеющие в своем составе все сопутствующие вещества, в том числе и образовавшиеся в процессе выделения масел обычно имеют интенсивную окраску, специфические вкус и запах, определенное количество отстоя, в то время как рафинированные - прозрачны, почти бесцветны, без вкуса и запаха.

В зависимости от консистенции различают жидкие и твердые растительные масла.

Жидкие растительные масла в зависимости от способности их к высыханию делят на группы: невысыхающие (оливковое, миндальное и др.); полувывсыхающие (подсолнечное, хлопковое, кукурузное, горчичное и др.); высыхающие (льняное, конопляное и др.).

Твердые растительные масла подразделяют: на не содержащие в своем составе летучих жирных кислот (масло какао, пальмовое масло) и содержащие летучие жирные кислоты (кокосовое и пальмо-ядровое масло).

Особенности жирнокислотного состава различных масел находят свое отражение в физико-химических характеристиках растительных масел, а именно: масло каждого вида имеет характерные физико-химические константы, значения которых обычно колеблются в определенных пределах.

Каждое из растительных масел характеризуется определенной плотностью (удельным весом) и коэффициентом преломления. Растительные масла одного и того же товарного наименования, но выделенные из семян растений, выращенных в разных регионах, отличаются по физико-химическим показателям: йодному числу, числу омыления, жирнокислотным составом, а именно - соотношением между насыщенными и ненасыщенными жирными кислотами.

Особенности классификации растительных пищевых масел в ТНВЭД и ОКП.

В соответствии с Таможенным Кодексом РФ таможенные органы классифицируют товары, т.е. относят их к позициям, указанным в Товарной

номенклатуре внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД). В Кодексе также упоминается, что решения таможенных органов в отношении этой классификации товаров являются обязательными.

Поэтому в сертификатах соответствия и сопроводительных документах, подтверждающих соответствие товаров, перемещаемых через таможенную Границу, показателям качества, техническим характеристикам, требованиям безопасности для жизни и здоровья людей, обязательно указывается ссылка на код и наименование позиции ТН ВЭД, имеющие отношение к конкретному товару. Подобная же ссылка предусмотрена в сертификате и в отношении Общероссийского классификатора продукции (ОКП).

В полной мере эти требования относятся к маслам пищевым растительного происхождения.

УДК 316.624

ОБ ЭФФЕКТИВНЫХ АНТИНАРКОТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ В РЕГИОНЕ

Готчина Л.В.
д. ю. н., доцент
СПБУ МВД России
Россия, г. Санкт-Петербург

Аннотация: В статье рассматриваются эффективные антинаркотические практики с целью их рекомендации к применению в регионе. Данная тема приобретает особую актуальность в свете прогнозируемых основных тенденций регионального молодежного наркотизма на основе метода экспертных оценок. Выделены группы «риска» молодежного наркотизма на основании семейного фактора, фактора здоровья, фактора среды и правового. Приведены их авторские классификации. Проблема распространения курения марихуаны в России рассмотрена как информационная проблема. Выделены критерии эффективности профилактики в сфере образования. На основе прогнозных показателей молодежного наркотизма сформулированы лидирующие

направления региональной антинаркотической политики в отношении несовершеннолетних и молодежи на современном этапе.

Ключевые слова: регион, наркотизм, антинаркотические практики.

Введение

Практика употребления психоактивных веществ в регионе сформировала наркокультуру, она в свою очередь – наркозависимое население [7, с. 15]. Его численность продолжает расти и в настоящее время на 70 % представляет собой лиц в возрасте до 30 лет. Именно это обстоятельство позволяет нам рассматривать наркотизм, как молодежный [10, с. 6]. От того, насколько эффективно применимы антинаркотические практики зависит наркобезопасность региона [9, с. 18], особенно приграничного.

Теоретико-методологические основания исследования

В юридической и социологической литературе длительное время исследуются проблемы наркобезопасности в регионе и пути ее сохранения. Отправной точкой анализа генезиса и формирования системы антинаркотических практиках послужили различные концепции распространения наркотизма: культурологические, семейно-педагогические, социологические, правовые, социально-психологические, раскрывающие многообразные аспекты проблемы. Вывод Р. Миллера, утверждающего, что проявлением субкультуры нижнего слоя общества является преступность молодежи, и выявленная С.Я. Лебедевым ее взаимосвязь с криминальными традициями и обычаями позволили определить влияние субкультуры и на наркотизм. Теория отечественной семейной криминологии, разработанная Д.А. Шестаковым, раскрывает криминогенную роль противоречий института семейных отношений («конфликт полов») на трех уровнях: общесоциальном, непосредственного окружения (семейная конфликтность) и личностном (криминогенная семейная ситуация). Исключительно значимы криминологические исследования Ю.М. Антоняна о влиянии семьи в раннем детстве на соблюдение подростками и молодежью уголовно-правовых запретов.

Принята во внимание теория социальной аномии Э. Дюркгейма, который признает источником девиаций социальную дезорганизацию, а также мнение Р. Мертона о том, что причина девиации кроется в разрыве между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения.

При исследовании организационного механизма антинаркотических практиках использованы модели организационно-управленческих процессов, разработанные в рамках структурно-функционального подхода Р. Мертоном и Т. Парсонсом. Применены научные разработки функциональной теории организации при противодействии преступности Я.И. Гилинского [6, с. 124].

Они позволили рассматривать процессы межведомственного взаимодействия субъектов антинаркотических практик в регионе как важный структурирующий элемент системы управления.

Степень изученности проблемы

Важное значение имеет анализ опубликованных работ, раскрывающих вопросы оптимизации организационных основ. Существенные разработки имеются в социологии молодежи и социологии управления (В.П. Бабинцев, Ю.Р. Вишневский, В.И. Добрынина, И.М. Ильинский, А.А.Козлов, В.Т. Лисовский, Ю.Ю. Комлев, С.И. Левикова, Т.Э. Петрова, М.Е. Позднякова, А.Л. Салагаев, Ф.Э. Шереги); медицине и психологии (Ю.М. Антонян, Е.А. Кошкина, В.Д. Менделевич, Р.Г. Садыкова, Н.А. Сирота, Е.А. Чернов, В.М. Ялтонский); юриспруденции (Т.А. Боголюбова, Я.И. Гилинский, А.Я. Гришко, С.Я. Лебедев, А.В. Наумов, С.В. Полубинская, Е.Е. Тонков, М.Д. Шаргородский).

Методика исследования

Исследование проведено на основе изучения различных теорий, в частности, системной; теории криминологического моделирования, позволившей спрогнозировать возможные изменения молодежного наркотизма в регионе и системы его профилактики. Используются модели организационно-управленческих процессов, разработанные в рамках структурно-функционального подхода Р. Мертоном и Т. Парсонсом.

Основная часть

Экспертный прогноз тенденций регионального молодежного наркотизма неутешителен. Его основными положениями являются:

1. развитие зависимостей от новых потенциально опасных психоактивных веществ;
2. увеличение распространения синтетических наркотиков [7, с. 15];
3. преобладание в структуре способов потребления наркотиков – курения;
4. наличие региональной окраски и гендерных особенностей в российском молодежном наркотизме [9, с. 54];
5. рост числа «наркотизированных семей» [8, с. 16];
6. рост метадоновой наркомании.

Приоритетным направлением государственной антинаркотической политики в отношении несовершеннолетних и молодежи в регионе на современном этапе сохраняется эффективная система антинаркотических практик [1, с. 18]. На протяжении длительного времени основным местом ее осуществления остается сфера образования.

Первое приоритетное направление региональной государственной антинаркотической политики в отношении несовершеннолетних и молодежи на современном этапе это работа с группами «риска» и их родителями.

Выделим группы «риска» молодежного наркотизма на основании семейного фактора:

- 1) подростки, воспитываемые одним родителем;
- 2) несовершеннолетние, имеющей членов семьи с отрицательной девиацией поведения;
- 3) дети с высоким уровнем предоставленной неконтролируемой самостоятельности;
- 4) беспризорники, несовершеннолетние, находящиеся в детских домах и воспитательных колониях;

На основании фактора здоровья выделяются следующие группы риска молодежного наркотизма:

1) подростки, допускающие курение. Оно чаще всего начинается с курения марихуаны. Основная масса потребляющих начинает с каннабиса (а теперь еще спайсы!), и начинать так легче, если человек ранее курил табак;

2) дети с психическими заболеваниями [3, с. 45];

3) молодежь с дефектами психического здоровья (повышенные личностные агрессивность и тревожность, систематическая семейная стрессовость, инфантильность в поведении, замкнутость).

Фактор среды включает риски, возникающие при организации досуга [2, с. 34]. На основании него прогнозируемы следующие группы «риска» распространения наркотизма:

1) школьники в возрасте 10-12 лет, в поведении которых проявляется снижение успеваемости и отказ от занятий дополнительной развивающей программы, которая до этого времени применялась к ребенку (спорт, искусство, культура, углубленное усвоение изучаемых дисциплин);

2) подростки, досуг которых все чаще ничем не занят, наблюдается бесцельное времяпровождение во дворах и, как следствие – втягивание в дворовые компании с аддикцией в поведении;

3) дети со стабильной слабой активацией к обучению;

4) приверженцы нарркокультуры.

На основании правового фактора выделяются следующие группы «риска» молодежного наркотизма:

1) лица, потребляющие наркотики без медицинского назначения;

2) наркоманы;

3) участники незаконного оборота наркотиков[4, с. 21];

4) лица, относящиеся к микросреде первых трех групп.

Второе приоритетное направление региональных антинаркотических практик – это информационное антинаркотическое просвещение населения. В частности, распространение курения марихуаны в России – это, прежде всего, *информационная проблема*, требующая грамотного правового толкования законодательных актов и правоприменительной практики. Эта проблема

актуализировалась в связи с усилившемся лоббированием внедрения зарубежного опыта (США, Голландии, Чехии) в России, что, несомненно, требует информационного освещения полученных разрушительных результатов такого опыта.

В Чехии согласно статистике, 28 % чехов моложе 24 лет хотя бы раз в год курят траву, что является наивысшим показателем в Евросоюзе. Правительства Польши и Словакии, встревоженные легализацией наркотиков, которая представляется им «социальным экспериментом» Чехии, создали специальные приграничные подразделения полиции, так называемые «заградительные отряды» против ввоза «дури».

Третье приоритетное направление региональных антинаркотических практик на современном этапе – это профилактическая работа со здоровой молодежью. В рамках первичной профилактики востребуем комплекс мероприятий, направленный на поддержание здорового образа жизни несовершеннолетних и молодежи, предоставления им возможностей для развития социально полезных навыков и формирование в сознании молодежи понятия «полного дома», полной семьи через обязательные программы школьного, среднего специального и высшего образования.

Четвертое приоритетное направление региональных антинаркотических практик - это формирование волонтерских групп молодежи.

Показатели эффективности региональных антинаркотических практик основаны на контроле ценностных установок молодежи [5, с. 101] и устранении недостатков в семейном и педагогическом воспитании. Именно поэтому критериями эффективности профилактики в сфере образования являются:

- количество привлеченных подростков и молодежи к спорту, искусству, культуре;
- количество задействованных подростков и молодежи в культурно-массовых мероприятиях;
- количество творческих коллективов;
- функционирование молодежных волонтерских групп;

- уровень научного потенциала обучаемых;
- уровень образовательного потенциала.

Особый профилактический контроль необходим в возрасте 10-12 лет, когда вероятность снижения успеваемости и отказа от дополнительных развивающих программ у ребенка очень велика. В силу физиологических перестроек организма, периода взросления и психологической неустойчивости риск к нарковтягиванию очень велик. Сегодня необходимо осознать, что наркоманами становятся инфантильные дети, те, кто в своей возрастной группе не смог самоутвердиться в положительных достижениях спорта, искусства, культуры, образования и т.д. Потребность же в признании провоцирует принятие криминального лидерства, в том числе, связанного с незаконным оборотом наркотиков;

- формирование правовой грамотности (знание КоАП РФ, УК РФ);
- показатель профессионального сопровождения каникулярного досуга детей, прежде всего, волонтерское сопровождение лагерных смен.

Это достижимо на основе систематической подготовки в течение учебного года студентов педагогических, юридических факультетов, привлекаемых к проведению учебной практики в лагерях отдыха детей и подростков. Для этого существует крайняя необходимость разработать типовые сценарии антинаркотических методик. Так, в частности, при организации летних оздоровительных лагерных смен необходимо информировать правоохранительные органы об их организации и приглашении представителей для профилактической работы. Показателем результативности выступит количество выездов представителей других субъектов профилактики, количество проведенных ими мероприятий (правовая пропаганда, тестирование, беседа нарколога, психолога, религиозное сопровождение и т.д.).

- критерий инициативного взаимодействия с другими субъектами профилактики. Например, показателем информационного взаимодействия может послужить сообщение о разработанных профилактических программах учреждениями образования с предложением их внедрения в других субъектах. Полученные акты внедрения – контроль качества инновационного материала.

Научное обеспечение региональных антинаркотических практик требует учета:

- количества организованных конференций (результативностью выступит количество публикаций; их научность, выражающаяся в процентном соотношении участников – докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов; количество привлеченных субъектов к участию; внешнее финансирование).

Кадровое обеспечение деятельности субъекта оценивается исходя из уровня образования его сотрудников, наличия повышения их квалификации; процента заполненности штатных должностей. В отношении последнего, следует уточнить, чем выше обеспеченность сотрудниками субъекта профилактики в регионе, тем выше ее результативность, ниже уровень психологических и физических перегрузок специалистов и текучесть кадров.

Выводы

При применении антинаркотических практик специалистам необходимо стремиться к оперированию знаниями о времяпровождении каждого подростка и инициирования взаимодействия с другими субъектами профилактики в случае риска, прежде всего, семьей, культурными, спортивными учреждениями, здравоохранением, правоохранительными органами и т.д.

Для поддержания инициативности и конкурентности за профилактическое лидерство в эффективности антинаркотических практик требуется разработать типовые показатели взаимодействия, например, количество инициативных информационных, профилактических направлений в научных конференциях с отражением численности приглашенных и присутствующих из числа педагогического и студенческого состава и т.д.

Анализ прогнозных показателей молодежного наркотизма позволяет констатировать, что лидирующими направлениями региональной антинаркотической политики в отношении несовершеннолетних и молодежи на современном этапе сохраняются поддержание здорового образа жизни молодежи и предоставление им возможностей для развития социально полезных навыков. Первостепенно востребуемыми станут повышение профессиональной

компетентности специалистов и более тесное взаимодействие региональных субъектов профилактики.

Реализация указанных направлений требует от граждан антинаркотической грамотности, что поможет утвердить мотивацию здорового образа жизни у молодежи.

Литература

1. Drug Dependence and Alcohol – related problems. A Manual for Community Health Workers with Guidelines for Trainers // World Health Organization. – Geneva, 1986, 98 p.

2. Drugs and Punishment. An up to date interregional survey on drugs-related offences. Rome, 1988. February. Publication № 30. 234 p.

3. Schur, E. Crimes Without Victims/ Englewood Cliffs, 1965.

4. Seliin, T. Culture Conflict and Crime / T. Seliin. N.Y. 1938. 53 p.

5. The National drug control strategy. 1999. P. 159.

6. Гишинский, Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. 504 с.

7. Готчина, Л. В. К вопросу о социальных проявлениях молодежного наркотизма // Российский следователь. 2009. № 3. С. 15.

8. Готчина, Л. В. Молодежный наркотизм в современной России: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санкт-Петербургский университет МВД РФ. Санкт-Петербург, 2011.

9. Готчина, Л. В. Профилактика молодежного наркотизма: теория, опыт, перспективы: монография; СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Москва: Граница, 2009. С. 54.

10. Готчина, Л. В. Профилактика распространения «лёгких» наркотиков: курс лекций / Тамбов; Липецк, 2015. (издание 2-е дополненное). С. 6.

УДК 331.101.264

ГРУППОВОЙ КОНТРОЛЬ В ВОСПРИЯТИИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Данакин Н.С.

д. с. н., профессор кафедры социологии и
управления БГТУ им. В.Г. Шухова,
Конев И.В.

д. с. н., профессор кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»,
Луговская М.В.

аспирант кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Аннотация. В статье, подготовленной по результатам эмпирических социологических исследований, раскрыты особенности восприятия группового контроля персоналом организации. Выявлено, что сотрудники организации неоднозначно относятся к групповому контролю за своим поведением. Восприимчивость к групповому контролю ослабевает в молодежной возрастной группе. Негативное отношение к групповому контролю мотивируется, прежде всего, тем, что он ущемляет права и амбиции сотрудников, создает помехи для их работы. Акцентируется внимание на довольно ограниченном арсенале применяемых групповых санкций, а также на невысоких темпах пополнения этого арсенала.

Ключевые слова: групповой контроль, групповые санкции, поощрения, порицания, социальное восприятие, персонал организации.

Abstract: In this paper, based on the results of empirical sociological studies, are revealed features of perception of the group control by personnel of the organization. It was revealed that members of the organization are ambivalent to the group control over their behavior. Susceptibility to group control is weakened in the youth age group. Negative attitude to the group control is motivated primarily by the fact that it infringes upon the rights and ambitions of employees, interferes with their work. The attention is focused on a fairly limited arsenal of sanctions applied by the group, as well as the low rate of replenishment of the arsenal.

Keywords: group control, group sanctions, incentives, censure, social perception, personnel of the organization.

Одним из существенных проявлений группового влияния на поведение в организации является групповой контроль. Основой контроля через групповое давление является желание большинства членов подразделения организации следовать существующим нормам и правилам организационного поведения, которые способствуют поддержанию групповой субкультуры, обеспечению целостности данного подразделения, достижению стоящих перед ним целей, сохранению системы статусов и ролей, привычных для подразделения.

Оптимизация группового контроля организационного поведения возможна при условии анализа и адекватной оценки его реального состояния в организации. Только такая оценка позволяет ставить и решать оптимизационные задачи. Исходя из этого, нами была поставлена задача выявления того, как групповой контроль воспринимается персоналом организации. При этом, позитивное восприятие группового контроля можно отнести к существенным условиям по успешности, а негативное восприятие, напротив, – к причинам его неэффективности. Судя по результатам социологического опроса большинство респондентов «неоднозначно» (30,8%) или «по-разному» (32,7%) относятся к контролю собственного поведения со стороны коллег. На положительное отношение указывают 26,9% опрошенных, на отрицательное отношение – 7,7% (1,9% выразили безразличие к внешнему контролю). Отношение респондентов к групповому контролю связано с их гендерными и возрастными различиями (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Отношение респондентов к групповому контролю в зависимости от их пола и возраста?», %

№ п/п	Реакции	Категории опрошенных					
		Мужчины	Женщины	До 30 лет	30-40 лет	40 лет и старше	Все
1	Положительно	26,9	26,9	41,7	17,4	35,3	26,9
2	Неоднозначно	30,8	30,8	16,4	39,1	29,4	30,8
3	Безразлично	3,8	–	–	–	5,9	1,9
4	Отрицательно	7,7	7,7	8,3	8,7	5,9	7,7
5	По разному	30,8	34,6	33,6	34,8	23,5	32,7

Если гендерные различия практически отсутствуют, то возрастные различия в ответах проявляются довольно заметно. Во-первых, положительное отношение к групповому контролю сравнительно больше проявляется у респондентов в возрасте до 30 лет. Далее оно ослабевает и вновь набирает силу в возрасте свыше 40 лет. Во-вторых, с возрастом укрепляется «неоднозначное» отношение к контролю и нарастает безразличие к нему.

Эффективность группового влияния на организационное поведение связана с тем, насколько сильно ощущает себя сотрудник объектом контроля, причем эта связь неоднозначна и противоречива. Проявления группового влияния могут восприниматься, с одной стороны, как признаки внимания и заинтересованности, с другой стороны, как постоянная угроза негативных санкций. И понятно, что ощущение такой угрозы вызывает «дух сопротивления», мобилизует внутренние силы по траекториям уклонения или противодействия.

Судя по результатам социологического опроса, 9,6% сотрудников не ощущают себя объектом воздействия со стороны коллег, 46,2%, иногда чувствуют себя в таком положении, 7,7% редко чувствуют и 36,5% совсем не чувствуют.

На аналогичный вопрос отвечали также руководители подразделений. Каждый седьмой из них полагает, что их подчиненные постоянно чувствуют себя объектом воздействия со стороны коллег; 71,4% опрошенных отметили «иногда чувствуют», 14,3 – «редко чувствуют».

Имеются определенные гендерные и возрастные различия в том, в какой мере чувствуют себя респонденты объектом группового воздействия со стороны коллег (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чувствуете ли себя объектом контроля со стороны коллег?», %

№ п/п	Реакции	Категории опрошенных					
		Муж- чины	Жен- щины	До 30 лет	30-40 лет	40 лет и старше	Все
1.	Да, чувствую	15,4	3,8	–	17,4	5,9	9,6
2.	Иногда чувствую	61,6	30,8	50,0	43,5	47,1	46,2
3.	Редко чувствую	3,8	11,5	8,3	8,7	5,9	7,7
4.	Не чувствую	19,2	53,9	41,7	30,4	41,1	36,5

Самоощущение в качестве объекта внешнего воздействия сравнительно больше проявляется в ответах: мужчин-сотрудников, что расходится с их склонностью к большей самостоятельности и независимости; респондентов в возрасте 30-40 лет, что, скорее всего, также объясняется указанной выше причиной.

В ходе исследования выяснялось мнение респондентов об эффективности группового влияния точнее сказать, о том, содействует ли групповое влияние улучшению:

- отношения сотрудников к работе,
- их отношений с коллегами,
- их отношений с руководством,
- производственной дисциплины,
- психологического климата в коллективе.

Эти позиции были выделены по той причине, что она выражает предметное поле группового влияния, его основные сегменты. В таблице 3. приведены данные о распределении ответов респондентов на поставленный вопрос.

Таблица 3.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Содействует ли групповое влияние улучшению...?», в %

№ n/n		Варианты ответа			Не ответили
		Да	Нет	Трудно сказать	
1.	Отношение к работе	48,1	19,2	2,2	30,5
2.	Отношений с коллегами	28,8	32,7	2,2	36,3
3.	Отношений с руководством	23,1	30,8	3,1	43,0
4.	Производственной дисциплины	65,4	9,6	1,1	23,9
5.	Психологического климата в коллективе	26,9	30,8	2,5	39,8

Следует отметить, прежде всего, значительное число тех, кто не ответил на поставленный вопрос. Это свидетельствует о невысокой чувствительности опрошенных к эффективности группового воздействия, его предметному полю. Больше всего содействует групповое воздействие улучшению производственной дисциплины и отношению сотрудников организации к работе. Значительно меньше содействует он улучшению взаимоотношений в коллективе, психологического климата.

Оценки эффективности группового влияния различаются в зависимости от категории опрошенных (см. таблицу 4).

Таблица 4.

Сравнительные оценки эффективности группового влияния в отношении отдельных предметных сегментов, в %

№ n/n		Сотрудники			Руководители
		Мужчины	Женщины	Все	
1.	Отношение к работе	50,0	46,2	48,1	57,1
2.	Отношения с коллегами	34,6	23,1	28,8	42,9
3.	Отношения с руководством	23,1	23,1	23,1	42,9
4.	Производственная дисциплина	58,8	76,9	65,4	71,4
5.	Психологический климат в коллективе	30,8	23,1	26,9	57,1

Руководители, как видно из табличных данных, придерживаются более высокого мнения об эффективности группового влияния, нежели рядовые сотрудники, в чем отчасти проявляется, на наш взгляд, склонность руководства «выдавать желаемое за действительное».

Что касается гендерных различий, то они выражаются в том, что мужчины проявляют сравнительно больший оптимизм в отношении позитивного влияния группового влияния на взаимоотношения сотрудников и психологический климат в коллективе, женщины – в отношении его позитивного влияния на производственную дисциплину.

В ходе исследования выяснялись также причины негативного отношения респондентов к внешнему контролю. В числе основных причин были названы: «не вижу необходимости в таком контроле» (30,8%), «у меня достаточно компетентности и самоуважения, чтобы все вопросы решать в режиме самоконтроля» (13,5%), «такой контроль создает помехи для работы» (11,5%). Заметно слабее проявляются другие причины:

- такой контроль отрицательно влияет на взаимоотношения в коллективе (5,8%);

- такой контроль оказывается нередко способом «сведения личных счетов» (5,8%);

- я самодостаточный специалист и человек, поэтому отрицательно отношусь к любому внешнему контролю (5,8%).

Проявляются гендерно-возрастные различия в восприятии и оценке респондентами группового контроля.

Во-первых, сотрудники-женщины более восприимчивы к негативным аспектам группового контроля, нежели сотрудники-мужчины. Во-вторых, неоднозначно проявляются профессионально - личностные амбиции в оценке целесообразности группового контроля: у мужчин сильнее проявляется фактор «я самодостаточный специалист и человек, поэтому отрицательно отношусь к любому внешнему контролю», среди женщин – «у меня достаточно

компетентности и самоуважения, чтобы все вопросы решать в форме самоконтроля». В-третьих, более критично относятся к проявлениям и последствиям группового контроля сотрудники в возрасте 30-40 лет. В-четвертых, с возрастом усиливается ориентация респондентов на самоконтроль и, соответственно, ограничение зоны действия внешнего (группового) контроля.

Выводы. Групповое влияние на организационное поведение проявляется по-разному: в разных формах и различными способами. Одним из наиболее распространенных способов является групповой контроль, который направлен, чаще всего, на такие параметры поведения сотрудников организации, как «отношение к работе», «отношение к руководству», «отношение к коллегам», «производственная дисциплина», «взаимоотношения в коллективе». Основным вектор группового контроля – отношение сотрудников к своей работе. При этом восприимчивость к групповому контролю ослабевает в молодежной возрастной группе. Контроль со стороны группы осуществляется, как правило, в открытой и деловой форме. Основным поводом для контроля выступает необходимость обеспечения нормальной работы группы. Вместе с тем, сотрудники организации неоднозначно относятся к групповому контролю за своим поведением. Их мнения разделяются примерно на три равные категории: одни одобряют, вторые не одобряют, третьи безразличны. Негативное отношение к групповому контролю мотивируется, прежде всего, тем, что такой контроль ущемляет права и амбиции сотрудников, создает помехи для работы. Процедура группового контроля завершается вынесением соответствующих санкций. Сравнительно большее распространение имеют такие санкции, как «предъявление требований», «ограничение контактов», «возмущение», «порицание», «ирония». Обращает на себя внимание, во-первых, весьма ограниченный арсенал применяемых негативных санкций; во-вторых, невысокие темпы пополнения этого арсенала.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Иванов О.Б.
Исполнительный директор
совета муниципальных образований
Московской области,
заслуженный юрист Московской области
Россия, г. Москва

Муниципальная дипломатия – форма культурного, научного, образовательного, торгового и иного сотрудничества между муниципалитетами различных стран.

Термин «муниципальная дипломатия» следует отличать от понятия «народной дипломатии», при которой укреплению международных отношений содействуют представители общественных организаций или отдельные представители общественности.

Народная дипломатия отличается от официальной дипломатии самим процессом участия во внешнеполитической деятельности: в рамках официальной дипломатии задействованы представители органов государственной власти, в то время как в народной дипломатии действуют неофициальные представители, ученые, деятели искусства, бизнесмены, частные лица.

В рамках же муниципальной дипломатии основными акторами выступают муниципальные образования, которые взаимодействуют между собой, как правило, в рамках побратимских связей.

Считается, что идея городов-побратимов родилась во время Второй мировой войны. Первое соглашение о дружбе и сотрудничестве между городами стран-союзников по Антигитлеровской коалиции было подписано еще в 1942 году между Сталинградом и английским Ковентри - городами, практически полностью разрушенными войной.

В 1944 году канадский портовый город Ванкувер стал городом-побратимом только что освобожденного советского портового города Одессы. Ванкуверцы направили в Одессу остро необходимые материалы и средства для восстановления и провели «Неделю Одессы», посвященную российской и украинской культуре.

После окончания войны европейцы ухватились за идею установления и развития международных связей между городами как за средство взаимопонимания и предотвращения новых вооруженных конфликтов. Таким образом, спустя лишь два года после завершения военных действий между Великобританией и Германией Бристоль (Англия) и Ганновер (Германия) стали городами-побратимами. Бристольцы направили ганноверцам продовольствие и одежду, и два города инициировали серию образовательных обменов. На сегодняшний день 25 тыс. жителей этих двух городов посетили свои города-побратимы и внесли вклад в установление прочной международной дружбы.

В 1956 году президент США Д. Эйзенхауэр инициировал программу «Народ – народу», заложившую основу будущего всемирного движения городов-побратимов. Первая же делегация из США приехала с Миссией Доброй Воли в СССР, что весьма важно, учитывая сложный характер отношений между двумя странами в тот момент. А в 1957 году была основана Всемирная федерация породненных городов, по инициативе которой каждый год, начиная с 1963-го, в последнее воскресенье апреля начал отмечаться Всемирный день породненных городов.

Однако прообразы современных городов-побратимов появились, конечно, гораздо раньше. В частности, можно вспомнить Ганзейский союз – наверное, самый долговечный международный торгово-экономический союз, существовавший в XIII—XVII веках. Членами Ганзы в разное время были более 200 больших и малых городов, расположенных главным образом в бассейне Северного и Балтийского морей. Ганзейские купцы и компании пользовались значительными торговыми правами и привилегиями.

В настоящее время в мире насчитывается свыше 3 500 городов-побратимов из более чем 160 стран. Свыше ста городов России установили побратимские связи более чем с двумястами иностранных городов. Взаимовыгодное сотрудничество выражается в обмене опытом, лучшими практиками муниципального и хозяйственного управления, художественными коллективами, выставками, литературой, кинофильмами, фотоматериалами о жизни городов и т.д.

Однако с точки зрения муниципальной дипломатии особую важность побратимские связи приобретают не в мирных, а в военных и послевоенных условиях – неспроста ведь движение породненных городов берет свое начало со времен второй мировой войны. В такие периоды города, испытывающие острую потребность в продуктах, медикаментах, иных предметах первой необходимости, могут рассчитывать на гуманитарную помощь со стороны своих более благополучных побратимов.

В качестве примера можно привести гражданскую войну на Украине. Киев, хоть и заявлял и продолжает заявлять, что Донбасс – это украинская земля, официально отказался от финансирования Донецка и Луганска, поставив тем самым обычных жителей Донбасса на грань гуманитарной катастрофы.

К сожалению, по политическим мотивам благополучные европейские города-побратимы отказались от помощи терпящим бедствие людям, несмотря на то, что города Донбасса официально обращались к ним за помощью. Считаю, что таким образом европейские муниципальные власти в одностороннем порядке позорно разорвали свои отношения с городами Донбасса, и уверен, что Донецк и Луганск также сделают соответствующие выводы.

В этой критической ситуации на помощь местному населению пришли только российские города и села. Так, значительную поддержку Донбассу оказал Ростов-на-Дону – город-побратим Луганска; Москва, Смоленск, Курск – города, подписавшие с Донецком договоры о сотрудничестве, и многие другие. С уверенностью можно сказать – собирали всем миром: например, я как представитель Совета муниципальных образований Московской области лично

отвозил гуманитарную помощь, собранную областными муниципалитетами, в Луганск. Во время военных действий на Донбасс активно приезжали деятели российской культуры: писатели, актеры, певцы, музыканты.

Конечно, эта ситуация ясно показала, кто на самом деле брат жителям Донбасса, а кто просто себя так называет для «красного словца».

Безусловно, ключевые государственные решения по урегулированию конфликтов зависят от центральных властей. Однако муниципальная дипломатия, породненные города могут способствовать значительному улучшению отношений между странами и существенно ускорить принятие на государственном уровне решений о примирении конфликтующих сторон.

УДК 378:17

АТМОСФЕРНЫЙ ВОЗДУХ МАЛОГО ГОРОДА И ЗДОРОВЬЕ ЖИТЕЛЕЙ

Исрафилова Г.Ю.

Закиров Т.А.

Хайруллина Р.Ф.

Нижекамский химико-технологический институт
(филиал) ФГБОУ ВО «КНИТУ»
Россия, г. Нижнекамск

Аннотация. Выбросы градообразующей промышленности, транспорта загрязняют атмосферу малого города. Рост антропогенного воздействия ведет к активной деятельности по защите окружающей среды промышленных предприятий и муниципалитетов. Но требуется и воспитание осознанного ответственного отношения к здоровью самих жителей города.

Ключевые слова: загрязнение атмосферы, здоровье жителей, воспитание.

ATMOSPHERIC AIR OF SMALL CITY AND HEALTH OF HABITANTS

Annotation. Harmful substances of gradoobrazuutie industry, a transport is contaminated atmosphere of little city. The increase of anthropogenic conduces to strong activity of defence of environment of industrial enterprises and municipalities.

But education of the realized responsible attitude is required toward the health of habitants of city.

Keywords: contamination of atmosphere, health of habitants, education.

В последнее время особое значение приобретает атмосферный воздух, которым дышит человек. Если воду можем очистить и выбрать источники, то воздух остается в атмосфере длительное время с примесями. Современные малые города зачастую строятся рядом с предприятиями, таков и город Нижнекамск.

Оценив состояние атмосферного воздуха Нижнекамска с использованием аналитических методов, мы определили его влияние на организм человека. Объектом нашего исследования стал атмосферный воздух города Нижнекамска и его влияние на здоровье жителей города.

Загрязнение атмосферы происходит в результате выброса промышленностью, транспортом и другими предприятиями вредных веществ, пыли и тяжелых металлов. В рейтинге регионов Приволжского Федерального округа по объему выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в 2014 году Республика Татарстан занимает 3 место. На протяжении последних четырех лет наблюдается увеличение значений показателей выбросов, как от стационарных, так и передвижных источников [6]. Следовательно, можем говорить об отрицательной динамике.

Сведения о валовых выбросах от стационарных источников в 2014 году по основным городам республики показывают, что большая часть выбросов приходится на город Нижнекамск, где сосредоточен основной промышленный потенциал республики. Увеличение выбросов обусловлено ростом объемов промышленного производства.

Наибольшее значение показателя выбросов по г. Нижнекамску и по РТ принадлежит ЛОС (летучим органическим соединениям), по оксидам азота и оксиду углерода. Основное негативное влияние оказывает комплекс нефтехимических производств. Из функционирующих 38 предприятий к полимерным производствам можно отнести 11.

Согласно официальным сайтам предприятий наибольший объем выбросов в атмосферу (около 30%) осуществляет градообразующее предприятие Нижнекамскнефтехим. Суммарный вклад полимерных производств в общий объем выбросов в атмосферный воздух составил около 60% [1,4,5]. Наиболее вредные химические вещества, содержащиеся в атмосферном воздухе, которые влияют на организм человека: фенол, аммиак, формальдегид, диоксид азота, диоксид серы, оксид углерода [4].

Значительный вклад в загрязнение воздушного бассейна вносят передвижные источники, в первую очередь, автотранспорт. Согласно данным ГИБДД МВД г. Нижнекамска на протяжении пяти лет (2010-2014 гг.) наблюдается рост автомобильного транспорта. Выбросы от автотранспорта в 2014 году составили 15,79 тыс. т, что, несомненно, негативно отразилось на качестве атмосферного воздуха. Уровень загрязнения атмосферы в г. Нижнекамске в 2014 году характеризовался как «очень высокий» [6].

На основании проведенного исследования экологического состояния атмосферного воздуха необходимо определить меры по сохранению здоровья жителей города.

При строительстве новых предприятий и реконструкции имеющихся значительные затраты связаны с охраной окружающей среды. Муниципалитет города большое внимание уделяет вопросам сохранения здоровья населения города. Для этих целей расширяется зона озеленения, разбиты парки, скверы, сохранена лесная зона вокруг города. В лесных массивах построены оздоровительные профилактории, базы отдыха и спорта, детские оздоровительные лагеря, беговые, велосипедные и лыжные дорожки. В городе строятся оздоровительные площадки семейного отдыха, где под открытым небом размещены футбольные, волейбольные, баскетбольные площадки, теннисные корты, спортивные тренажеры для всех желающих.

Следует заметить, что и сами люди могут помочь себе в сохранении здоровья. Для этого можно использовать воздухоочистители. Озеленение и разведение комнатных растений обогатит воздух кислородом. Растения

ежегодно выделяют около 145 млрд. м³ кислорода. Чем больше растений будет окружать человека, тем легче ему будет дышать, работать, учиться, отдыхать.

Уменьшить концентрацию примесей в воздухе, которым мы дышим, возможно, при помощи отдыха на природе, очищения организма с помощью систем дыхательных упражнений, занятий физическими упражнениями и спортом. Ежедневные пробежки, аэробика, фитнес не только прекрасно тренируют дыхательную систему, но и развивают выносливость, улучшают здоровье, дарят прекрасное самочувствие. Для жителей, которым противопоказаны физические нагрузки, в частности пожилым людям и инвалидам время от времени необходимо очищать организм, используя лекарственные травы, мягкие медицинские препараты, способные выводить вредные вещества.

Выполнение вышеперечисленных предложений позволит создать устойчивую тенденцию снижения воздействия вредного атмосферного воздуха на здоровье человека и, как следствие, улучшение качества жизни населения г. Нижнекамска.

Литература

1. АО «Нижнекамсктехуглерод» - www.nktu.tatneft.ru.
2. Денисов В.В. «Экология города» /под ред. В.В. Денисова. – М: ИКЦ «MapT», 2008. – 832с. http://www.studmed.ru/denisov-vv-red-ekologiya-goroda_0e9738a7a82.html.
3. Министерство экологии и природных ресурсов Республики Татарстан – www.eco.tatarstan.ru.
4. ОАО «ТАИФ – НК» - www.taifnk.ru.
5. ПАО «Нижнекамскнефтехим» - www.nknh.ru.
6. Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды Республики Татарстан в 2014 году – Казань, 2015.

УДК 341

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЛЯ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ГОРОДАМИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Калужских И.В.

студентка кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»,

Кузьмина В.М.

к.и.н., доцент кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»,

Черкасова Н.Н.

к.и.н., доцент кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»

Россия, г. Курск

Международно-правовое сотрудничество в области культуры имеет большое значение в международно-правовом сотрудничестве государств. В процессе обменов культурными достижениями между государствами складывался и совершенствовался механизм правового регулирования такого сотрудничества. Система норм, которая регулирует международное сотрудничество в культурной сфере, образует основу международного культурного сотрудничества государств [1]. Правовая политика международного сотрудничества в культуре является одной из наиболее важных предпосылок для сохранения и развития культурного наследия различных стран и реализации прав их граждан в научно-образовательной и культурной сфере современного общества. Правовые нормы культурного сотрудничества формируются в соответствии с общими принципами международного права на базе специальных принципов, которые складываются применительно к различным областям достижений культуры.

К главным направлениям международного культурного сотрудничества относятся поддержка творческой деятельности, подготовка и стажировка работников культуры, совместное производство культурных ценностей и культурных благ и обмен ими, реставрация уникальных памятников истории и культуры, создание и внедрение новых технологий, технических средств, оборудования для культурной деятельности и т.п. К актуальным направлениям

также относится: взаимное признание документов об образовании, дипломов, учебных степеней и званий; развитие спорта и туризма; сотрудничество между библиотеками, архивами и другими учреждениями культуры; популяризация художественных и культурных ценностей других стран; информирование о конференциях, научных встречах и симпозиумах; организация досуга молодежи; обмен специалистами; взаимные командировки и стажировки ученых; совершенствование изучения иностранных языков; создание информационных и культурных ценностей; организация мероприятий по сохранению памятников истории и культуры; совместное производство печатной продукции; осуществление прямых контактов между работниками культуры; взаимные гастроли работников культуры [2].

Правительство Российской Федерации и Правительство Федеративной Республики Германии, стремясь к укреплению отношений между двумя странами и к углублению взаимопонимания, убежденные в том, что культурные связи во всех сферах, включая образование и науку, отвечают коренным интересам народов обеих стран, способствуют дальнейшему развитию добрососедства, партнерства и сотрудничества и тем самым содействуют осознанию европейской культурной общности и созданию общего и открытого культурного пространства в Европе заключили множество соглашений и договоров о культурном сотрудничестве.

16 декабря 1992 года было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии о культурном сотрудничестве. Это Соглашение положило основу двум странам для взаимодействия в сфере культуры. К основным положениям данного Соглашения относится [3]:

– расширение и совершенствование взаимных знаний о культуре своих стран и укрепление сознания европейской культурной общности; поощрение и поддержка государственных, общественных и других инициатив с целью дальнейшего развития всеобъемлющего культурного сотрудничества и партнерства на всех уровнях;

- обеспечение широкого доступа всем заинтересованным лицам к культуре другой страны, включая искусство, литературу и историю; проведение соответствующих мероприятий и оказание в рамках своих возможностей взаимной поддержки;
- содействие преподаванию и распространению языков обеих стран в системе школьного, среднего специального, высшего образования, а также в других учебных заведениях, включая центры обучения взрослых;
- содействие всеобъемлющему сотрудничеству в области науки и образования, в том числе между высшими учебными заведениями, научными организациями и учреждениями, общеобразовательными школами и профессионально-техническими училищами, организациями и учреждениями внешкольного профессионального обучения и повышения квалификации;
- поддержка сотрудничества в деле подготовки и повышения квалификации специалистов и руководящих кадров экономики;
- поощрение сотрудничества в области сохранения, реставрации и охраны культурных ценностей и исторических памятников;
- предоставление стипендий студентам, аспирантам и ученым другой страны для учебы, повышения квалификации и проведения научных исследований, а также стремление облегчить выдачу им разрешений на пребывание и улучшать условия пребывания в принимающей стране;
- поощрение контактов между архивами, библиотеками и другими подобными учреждениями двух стран в целях обмена специалистами, а также информационными материалами и копиями документов;
- расширение непосредственных контактов и обменов между радио- и телевизионными компаниями, а также прямых связей в области кинематографии, печати и издательского дела двух стран;
- осуществление прямых контактов между общественными группами и объединениями, включая профсоюзы, церкви, религиозные общины, творческие союзы, политические, культурные и иные фонды;

- способствование молодежным обменам, а также сотрудничеству между специалистами в области работы с молодежью и учреждениями по социальной поддержке молодежи;

- поощрение прямых связей между спортсменами, тренерами, спортивными руководителями и командами своих стран, а также в рамках своих возможностей содействие сотрудничеству в области спорта, включая школы и высшие учебные заведения;

- создание на территории двух стран культурных учреждений: культурные институты и центры, учреждения и представительства научных организаций, высшие учебные заведения, общеобразовательные школы, профессионально-технические училища, учреждения по подготовке и повышению квалификации преподавателей, центры по образованию взрослых, учреждения профессиональной подготовки и повышения квалификации, библиотеки и читальные залы.

Желая укреплять и развивать двусторонние культурные и научные связи, взаимопонимание и дружественные отношения, существующие между двумя странами и народами, а также считая, что улучшение знаний русского и немецкого языков и культур Российской Федерации и Федеративной Республики Германия будет способствовать расширению сотрудничества и взаимопонимания между народами двух стран, 9 октября 2003 года в Екатеринбурге было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия об изучении русского языка в Федеративной Республике Германия и немецкого языка в Российской Федерации, согласно которому стороны договорились [4]:

- поощрять изучение и преподавание русского языка, литературы и культуры Российской Федерации в образовательных учреждениях различных типов Федеративной Республики Германия и немецкого языка, литературы и культуры Федеративной Республики Германия в образовательных учреждениях различных типов Российской Федерации;

- способствовать повышению качества преподавания русского языка в Федеративной Республике Германия и немецкого языка в Российской Федерации и увеличению числа их изучающих, учитывая при этом пожелания родителей, школьников и студентов.

- проводить обмен квалифицированными специалистами и научно-педагогическими работниками, студентами, опытом и информацией в области современных технологий преподавания иностранных языков, учебными пособиями, библиотечно-информационными ресурсами;

- создание смешанных авторских коллективов для совместной подготовки учебников русского и немецкого языков и литературы для различных уровней и типов преподавания.

- оказание поддержки средствам массовой информации в освещении мероприятий по изучению и преподаванию русского языка в Федеративной Республике Германия и немецкого языка в Российской Федерации.

Учитывая, что молодое поколение России и Германии призвано выполнять важную задачу определения настоящего и будущего российско-германских отношений, Россия и Германия содействуют взаимному развитию и облегчению молодежных обменов. 21 декабря 2004 года в городе Шлезвиг было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия в области молодежного сотрудничества, согласно которому [5]:

- государства на взаимной основе будут оказывать всемерное содействие проведению мероприятий, направленных на активизацию и расширение российско-германских молодежных обменов, в целях развития всесторонних связей и дружеских отношений между молодежью государств;

- молодежные обмены проводятся на национальном, региональном и муниципальном уровнях, а также на коллективной и индивидуальной основе.

В соглашении указываются следующие программы и формы молодежных обменов:

- мероприятия, способствующие установлению непосредственного общения молодежи и углублению их взаимопонимания;
- обмены между образовательными учреждениями, включая обмены учителями и преподавателями;
- совместные мероприятия по общественно-политическим, историческим, социально-экономическим, экологическим и правовым вопросам;
- совместные мероприятия по вопросам культуры, науки, техники и спорта;
- двусторонние добровольные гражданские и трудовые акции молодежи;
- молодежные обмены в рамках связей между породненными городами и регионами России и Германии;
- совместные мероприятия по обмену опытом в области молодежной политики;
- совместные мероприятия в области профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов по работе с молодежью, включая прохождение практики и стажировки;
- сотрудничество представителей молодежных издательств и средств массовой информации, а также обмены молодыми журналистами;
- проведение совместных коллоквиумов в целях обменов информацией о научно-исследовательских программах и опытом по итогам научных исследований в области молодежной политики;
- совместные мероприятия представителей творческой молодежи и молодых деятелей искусств;
- совместная добровольная практика с целью ознакомления с условиями жизни, обучения и труда молодежи государства-партнера;
- мероприятия по изучению и распространению русского языка в Федеративной Республике Германия и немецкого языка в Российской Федерации;

- проведение совместных молодежных лагерей;
- совместное участие в многосторонних молодежных акциях и программах, проводимых в рамках инициатив европейских и международных организаций, с учетом национального законодательства государств.

В рамках соглашения создан Российско-Германский совет в области молодежного сотрудничества в целях реализации и развития двусторонних обменов молодежью. Он определяет приоритеты и основные направления молодежного сотрудничества, разрабатывает критерии эффективности проведения мероприятий на основе анализа и обмена опытом. Совет может предлагать программы и проекты и вносить соответствующие предложения в органы государственной власти, общественные и иные заинтересованные организации, участвующие в реализации молодежных обменов, также вправе создавать рабочие органы для решения стоящих перед ним задач.

4 февраля 2011 года в Мюнхене было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о деятельности культурно-информационных центров. Стороны согласились [6]:

- способствовать развитию сотрудничества между обоими государствами путем распространения информации в области культуры, искусств, языка, литературы, образования, науки, техники и средств информации;
- создавать специальные центры и обеспечивать российской и германской общественности свободный к ним доступ.

К функциям таких центров относится:

- организация курсов национальных языков и культур, а также осуществление программ повышения квалификации преподавателей языков;
- проведение конференций, симпозиумов, семинаров и встреч по вопросам двустороннего культурного и научного сотрудничества;

- организация выставок, показов кинофильмов и аудиовизуальных материалов, театральных представлений, концертов и других культурных мероприятий;
- создание библиотек с читальными залами, а также предоставление во временное пользование книг, иной печатной продукции и других материалов (в том числе на цифровых носителях) в области культуры, науки, образования и информации;
- осуществление публикаций и распространение информационных программ, а также других материалов по вопросам культуры, науки, образования, педагогики и спорта;
- формирование банков данных по вопросам культурных, научных и других обменов, осуществляемых между обоими государствами, а также оказание содействию в области информационных услуг; ведение собственных интернет-страниц с информацией о своей деятельности;
- создание в рамках своей деятельности советов и комитетов с участием представителей общественности, средств массовой информации, деятелей культуры, науки и спорта;
- проведение мероприятий культурного, педагогического и научного характера для соотечественников, постоянно проживающих в принимающем государстве, поддержание связей с их ассоциациями;
- организация для заинтересованных граждан обоих государств и граждан третьих стран информационных мероприятий по вопросам, связанным со сферой деятельности центров.

В 2006 году был подписан Протокол о намерениях между Федеральным агентством по культуре и кинематографии РФ и Комитетом поддержки кинематографии Германии о сотрудничестве в области кино.

21 июля 2011 года в немецком Кельне между министром культуры РФ Александром Авдеевым и министром иностранных дел ФРГ Гвидо Вестервелле был подписан договор о немецко-российском сотрудничестве в области

кинопроизводства. Это соглашение призвано упростить создание совместной российско-немецкой кинопродукции и сделать доступным использование для этой цели финансовых фондов обеих стран. Германия является одним из ключевых кинопартнером России – за период с 2006 по 2015 год было создано 16 совместных картин, многие из которых номинированы на «Оскара».

15 мая 2013 года в городе Берлин было заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия об условиях размещения Российского дома науки и культуры в Берлине и Немецкого культурного центра им. Гёте в Москве.

Кроме этого, подписаны соглашения о научном сотрудничестве России и Германии:

– Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Немецким научно-исследовательским обществом (3 июня 1999 года);

– Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Обществом имени Макса Планка (29 мая 2001 года);

– Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Берлинско-Бранденбургской академией наук (3 мая 2002 года);

– Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Обществом немецких научно-исследовательских центров имени Германа фон Гельмгольца (7 февраля 2005 года).

Таким образом, среди множества правовых актов, заключенных Россией и Германией, основополагающими для культурного сотрудничества между двумя странами являются Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии о культурном сотрудничестве (16 декабря 1992 года); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия об изучении русского языка в Федеративной Республике Германия и немецкого языка в Российской Федерации (9 октября 2003 года); Соглашение между

Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о деятельности культурно-информационных центров (4 февраля 2011 года).

Литература

1. Кузьмина В.М. Анализ международных ситуаций. - Курск: ЮЗГУ, 2016.
2. Кузьмина В.М. Теория и история дипломатии. - Курск: ЮЗГУ, 2015.
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии о культурном сотрудничестве [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902087>.
4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия об изучении русского языка в Федеративной Республике Германия и немецкого языка в Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1574.
5. Соглашение между правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия в области молодежного сотрудничества [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/5455>.
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о деятельности культурно-информационных центров [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1763.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММНО – ЦЕЛЕВОГО МЕТОДА В
УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ ЖИЛИЩНО – КОММУНАЛЬНОГО
КОМПЛЕКСА Г. БЕЛГОРОДА**

Ключник Г.Н.
Магистр Института управления
НИУ «БелГУ»

Аннотация. Основным мотивом статьи является анализ программы развития жилищно-коммунального хозяйства г. Белгорода, ее проблем и перспектив. Рассматриваются перспективы развития ЖКХ, а также возможности использования на территории г. Белгорода, для совершенствования ЖКХ программных мероприятий реализуемых другими муниципальными образованиями РФ. Делается вывод о важности совершенствования развития программы жилищно-коммунального хозяйства, для удовлетворения социально-бытовых и экономических потребностей граждан г. Белгорода.

Ключевые слова: анализ, программно-целевой метод, программа развития жилищно-коммунального хозяйства, основная проблематика, перспективы развития.

Обращаясь к программно-целевому методу как инструменту реформирования жилищно-коммунального хозяйства муниципального образования, можно отметить, что главным аспектом его применения является возможность использования формата программы в качестве инструмента управления, что позволяет планировать ресурсы в соответствии с поставленными целями, обеспечивая возможность оценки результатов принимаемых управленческих решений. Кроме того, позволяет осуществлять оценку эффективности средств, направленных на реализацию данной конкретной программы.

Программно-целевой метод предусматривает принятие и реализацию целевых программ (ЦП), направленных на выполнение основных стратегических приоритетов развития муниципального образования и ЖКК.

Использование программно-целевых методов позволяет формировать бюджет программы с учетом стратегических целей и задач муниципального образования, соблюдая при этом строгую привязку к целям и задачам на основе индикаторов результативности и эффективности¹.

Комплексная целевая муниципальная программа по «Развитию жилищно-коммунального хозяйства города Белгорода на 2015 - 2020 годы», разрабатывалась на основе анализа совершенствования развития ЖКК на программно-целевой основе. Данная целевая программа по «Развитию жилищно-коммунального хозяйства города Белгорода» представлена следующими 4 подпрограммными мероприятиями:

1. Подпрограммное мероприятие «Содержание и ремонт жилищного фонда города Белгорода». Осуществляется с целью создания комфортных и безопасных условий проживания граждан с соблюдением необходимых санитарных норм и правил, что напрямую зависит от технического состояния жилых домов и благоустройства дворовых территорий².

Реализуется путем:

- обеспечения содержания и ремонта муниципального жилищного фонда;
- обеспечения проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

Способствовало улучшению следующих показателей:

- увеличению доли муниципальных объектов коммунального хозяйства, отвечающих нормативным требованиям, до 100%;
- увеличению доли многоквартирных домов, в которых проведен

¹ Харченко К.В. Переход на государственные программы: муниципальная проекция. Белгород. С. 6.

² Постановление администрации города Белгорода от 06.11.2014 № 219 «Об утверждении муниципальной программы «Развитие жилищно-коммунального хозяйства города Белгорода на 2015 - 2020 годы».

капитальный ремонт, в общем количестве многоквартирных домов, в которых необходимо провести капитальный ремонт, до 11,4%;

- увеличению доли общей площади капитально отремонтированных многоквартирных домов, построенных до 2000 года, до 13%

- снижению уровня износа муниципального жилищного фонда до 35%;

- наличию открытой и доступной системы оценок деятельности жилищных организаций;

- ремонту 42 объектов муниципальной собственности;

- уровню внесенных взносов на капитальный ремонт муниципальных квартир - 100%;

- повышению общей площади многоквартирных домов ежегодно, в которых проведен капитальный ремонт (160,0 тыс. кв. метров).

2. Подпрограммное мероприятие «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности»¹, включает:

- осуществление оценки фактических параметров энергоэффективности по объектам энергопотребления;

- повышение энергетической эффективности в жилищном фонде;

- обеспечение выявления, постановки на учет и организации управления бесхозных объектов, используемых для передачи энергетических ресурсов.

Привело к следующим показателям результата:

- достижению индекса энергоэффективности 22,9 усл. ед.;

- снижению потребления энергоресурсов на 12% по сравнению с уровнем 2014 года

- сохранению доли объектов, имеющих энергетические паспорта, в общем количестве объектов, подлежащих энергетическому обследованию, на уровне 100%;

- количеству выявленных и поставленных на учет бесхозных объектов -

¹ Постановление администрации города Белгорода от 06.11.2014 № 219 «Об утверждении муниципальной программы «Развитие жилищно-коммунального хозяйства города Белгорода на 2015 - 2020 годы».

366 единиц.

3. Подпрограммное мероприятие «Благоустройство территории городского округа», заключается в:

- обеспечении восстановления, сохранности зеленых насаждений, правильного и своевременного ухода за ними;
- организации искусственного освещения улиц, дворовых территорий городского округа и обеспечение функционирования объектов наружного освещения;
- обустройстве придомовых территорий многоквартирных домов;
- совершенствовании архитектурно-художественного облика города, размещение и содержание малых архитектурных форм;
- создании условий для массового отдыха жителей города и организации обустройства мест массового отдыха населения;
- обустройстве и содержание на территории городского округа мест захоронения, организация ритуальных услуг;
- организации утилизации бытовых и промышленных отходов.

В рамках действия подпрограммы «Благоустройство территории городского округа» реализуется проект «Организация высадки многолетних цветов (роз) на территории города «Миллион роз».

Показатели результата от проведения подпрограммного мероприятия:

- увеличение площади зеленых насаждений общего пользования на 1 жителя до 85 кв. м;
- доведение доли протяженности сетей уличного освещения, отвечающей нормативным требованиям, от общей протяженности сетей уличного освещения до 100%;
- сохранение надежности работы объектов уличного освещения на уровне 98%;
- увеличение площади зеленых насаждений, по которым осуществляется уход, - до 302 га;
- протяженность восстановленных газонов - до 1 га ежегодно;

- 36 тыс. ед. высаженных крупномерных деревьев в течение 6 лет;
- 27 тыс. ед. высаженных кустарников в течение 6 лет;
- высаженной цветочной рассады на землях общего пользования на 3 га ежегодно;
- улучшение утилизации бытовых отходов (653 установленных контейнера нового типа для утилизации бытовых и промышленных отходов).

4. Подпрограммное мероприятие «Организация реализации муниципальной программы». Включает реализацию основных направлений муниципальной политики в целях создания благоприятных условий для устойчивого развития сферы жилищно-коммунального хозяйства городского округа «Город Белгород»¹.

Показатели результата:

Повышение уровня удовлетворенности населения жилищно-коммунальными услугами до 69,01%.

Степень достижения показателей муниципальной программы на уровне не ниже 95%.

Таким образом, можно отметить, что в целом программа определяет цели, задачи по развитию и модернизации коммунальной инфраструктуры, реформирования жилищно-коммунального хозяйства городского округа «Город Белгород» на 2015-2020 годы и включает в себя комплекс мероприятий, повышающих надежность функционирования коммунальных систем жизнеобеспечения, способствующих режиму его устойчивого достаточного финансирования, а также обеспечивающих комфортные и безопасные условия проживания людей. Программа предусматривает как решение задач устранения сверхнормативного износа основных фондов, внедрения ресурсосберегающих технологий, так и разработку и широкое применение мер по стимулированию эффективного и рационального хозяйствования жилищно-коммунальных

¹ Постановление администрации города Белгорода от 06.11.2014 № 219 «Об утверждении муниципальной программы «Развитие жилищно-коммунального хозяйства города Белгорода на 2015 - 2020 годы».

предприятий, максимального использования ими всех доступных ресурсов, включая собственные, для решения вопросов надежного и устойчивого обслуживания потребителей. Все это должно значительно повысить качество жилищно-коммунального обслуживания населения, эффективность и надежность работы его составляющих.

Однако несмотря на улучшение от реализации целевой муниципальной программы по «Развитию жилищно - коммунального хозяйства города Белгорода на 2015 - 2020 годы» в сфере ЖКХ г. Белгорода остаются нерешенными многие проблемы:

- непринятие надлежащих мер по защите имущественных интересов жителей многоэтажек;
- высокая степень износа наружных и внутренних инженерных сетей, а также строительных конструкций;
- сложность процедуры тарификации жилищных услуг и низкая их рентабельность;
- труднореализуемые способы управления многоквартирными домами и, как следствие, слабый контроль деятельности управляющих компаний;
- кадровые проблемы в жилищных организациях из-за низкого уровня оплаты сотрудников;
- недостаточное понимания большинством собственников жилых помещений в многоквартирных домах процессов управления домами.
- неудовлетворительное состояние части внутриквартальных проездов, дворовых территорий, объектов их обустройства, материально-технической базы, требующих реконструкции имеющихся объектов и строительства новых;
- недостаточное оснащение техникой, инвентарем и оборудованием;
- недостатки в системе подготовки и повышения квалификации специалистов в сфере жилищно-коммунального хозяйства;
- недостаточная координация усилий органов исполнительной власти города Белгорода;

- недостаточное финансирование мероприятий из бюджетных источников;
- отсутствие инструментов и стимулов для привлечения средств из внебюджетных источников;
- недостаточная проработанность нормативно-правовой базы для вовлечения в процесс энергосбережения всех отраслей экономики г. Белгорода;
- требуется устройство гостевых стоянок практически во всех микрорайонах города, несмотря на то, что значительная часть работ ведется в этом направлении;
- требуется решение вопросов строительства новых и реконструкции существующих сетей ливневых канализаций и водоотводов.

Крупномасштабность и сложность решения экономических, социальных и других задач управления развитием ЖКК требуют перевода существующей системы управления на программно-целевую основу, сочетающую системный и комплексный подходы к принятию и реализации управленческих решений в соответствии с условиями и требованиями адаптивной системно-теоретической концепции программно - целевого развития жилищно - коммунального комплекса¹.

Механизм совершенствования управления ЖКХ г. Белгорода необходимо основывать на следующих принципах:

1. Эффективная тарифная политика, обеспечивающая привлекательность сферы жилищно-коммунальных услуг для инвестиций;
2. Создание в сфере жилищно-коммунального управления конкурентной среды;
3. Активная антимонопольная политика;
4. Эффективное управление собственностью за счет:
 - внедрения и развития доверительного управления собственностью;

¹ Чернышов Л.Н. Методологические проблемы формирования системы управления жилищно-коммунальным хозяйством России в рыночных условиях: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00. М., 2002. С. 76.

- децентрализации управления и развития различных форм управления жилищным фондом (ТСЖ, частные Управляющие компании, прямое управление);

- разделения функций заказчика и подрядчика.

5. Привлечение к финансированию развития ЖКХ различных источников;

6. Привлечение населения к активному участию в управлении ЖКХ, образование органов территориального общественного самоуправления.

Для решения проблем ЖКХ г. Белгорода можно предложить следующие программные мероприятия, эффективно используемые в других муниципальных образованиях в г. Брянске, г. Ижевске, г. Рязани:

1) Создание сети общественных организаций в целях оказания содействия уполномоченным органам в осуществлении контроля за выполнением организациями коммунального комплекса своих обязательств.

2) Проведение открытых конкурсов по отбору управляющей организации на право заключения договора управления многоквартирными домами.

3) Проведение общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме в целях избрания Совета многоквартирного дома.

4) Участие в разработке и реализации региональной программы капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах (утверждение краткосрочных планов).

5) Приведение в соответствие с установленными нормами состояния асфальтовых покрытий дворовых территорий, зеленых насаждений, малых архитектурных форм, санитарного содержания территорий, прилегающих к многоквартирным домам, не входящих в состав общего имущества, создание эстетического облика, повышение уровня комфортности проживания.

6) Для повышения эффективности управления многоквартирными домами, существует необходимость в повышении квалификации лиц, осуществляющих управление многоквартирными домами.

Одной из основных проблем совершенствования процесса управления в сфере ЖКХ является отсутствие системы объективных и адекватных

индикаторов для мониторинга работы организаций, управляющих объектами ЖКК. Это требует создания новых эффективных технологий оценки качества управления ЖКК на основе программно-целевого метода для анализа эффективности управления предприятиями и организациями жилищно-коммунальной сферы и корректировки применяемых на микро- и мезоуровне программ управления. Апробация данного инструментария на примере г. Белгорода будет способствовать решению задач модернизации жилищно-коммунального комплекса.

Литература

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. от 30 марта 2015 г. № 64-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. - № 40. - ст. 3822.

2. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 210-ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса» (с изм. от 29 декабря 2014 г. № 458-ФЗ // Российская газета. – 2004. - № 292.

3. Концепция федеральной целевой программы «Комплексная программа модернизации и реформирования жилищно-коммунального хозяйства на 2010-2020 годы» //СЗ РФ, 15.02.2010, № 7, ст. 769.

4. Постановление администрации города Белгорода от 06.11.2014 № 219 «Об утверждении муниципальной программы «Развитие жилищно-коммунального хозяйства города Белгорода на 2015 - 2020 годы».

5. Харченко, К.В. Переход на государственные программы: муниципальная проекция. – Белгород. – 8 с.

6. Чернышов, Л.Н. Методологические проблемы формирования системы управления жилищно-коммунальным хозяйством России в рыночных условиях: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Л.Н. Чернышов. - М., 2002. - 465 с. - РГБ ОД, 71.04-8/66-5. Поступила в редакцию 16 ноября 2010 г.

**ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ «УМНЫХ ГОРОДОВ»
КАК ЦЕНТРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

Клевин А.Ю., Кугий А.И.
магистранты ФГБОУ ВО «КубГТУ»,
Новиков В.С.
к. э. н., доцент, доцент кафедры
государственного и муниципального
управления ФГБОУ ВО «КубГТУ»
Россия, г. Краснодар

Аннотация. Современное общество стремительно развивается. До сих пор ключевой ячейкой общества считалась семья, и вероятно будет таковой еще какое – то время. Однако эту маленькую основу всего социума необходимо поддерживать, должны быть средства существования, условия для ее нормального развития, для стабильности. Количество людей на нашей планете растет в геометрической прогрессии, из чего следует, что и количество семей должно увеличиваться прямо пропорционально, но это не так. Мы живем в мире ограниченных ресурсов, нестабильной экономики и отсутствии систематического контроля над происходящим в обществе. Решением этой проблемы может послужить «Умный город».

Ключевые слова: регион, умный город, приграничные территории, социально-экономическое развитие

**FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF «SMART CITIES»
AS A CENTER OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC GROWTH**

Abstract. Modern society is developing rapidly. Until now, the key unit of society considered to be a family, and will probably be that of some more - while. However, this small base of all of society needs to be maintained, must be the means of subsistence, the conditions for its normal development, for stability. The number of people on our planet is growing exponentially, which means that the number of families should be increased in direct proportion, but it is not. We live in a world of limited

resources, the unstable economy and the absence of systematic control over what's happening in society. The solution to this problem could serve as a «smart city. »

Keywords: region, smart city, border areas, socio-economic development

Так что же это такое, «Умный город»? Относительно недавно широкое распространение получил «Умный дом», где автоматические системы, без явного вмешательства человека поддерживают комфортные условия для существования его обитателей. Например: температура в помещении, наличие более или менее интенсивного освещения, контроль расхода электроэнергии и так далее. Проводя аналогию, можно предположить, что «умный город» должен выполнять ту же функцию, но в более глобальных масштабах. Обеспечить нормальное существование его жителей, при помощи внутреннего саморегулирования и внешних связей с другими центральными городами или городами-спутниками, для анализа и выработки решения. Конечно же речь не о том, что город будет делать все сам как механизм, нет, просто вектор его деятельности должен быть направлен на оптимальное соотношение ресурсов как человеческих, так и производственных [1,2,3].

Так же «умным» может быть город, ориентированный на определенный вид деятельности (вектор развития), ярким примером может быть город Припять, который был возведен специально для сотрудников Чернобыльской Атомной Электростанции и их семей, он обладал определенной инфраструктурой и транспортной сетью, чтобы полностью обеспечить работу станции. К сожалению, из-за недостатка информационно-коммуникационных технологий, город не смог полностью обезопасить своих горожан и выполнять свою функцию, что привело к катастрофе [4].

Сказанное в аннотации к представленному материалу не означает, что «Умный город» должен быть возведен с нуля. Существует множество тенденций к появлению таких городов из самых обычных приграничных городов, достаточно начать работать в нужном направлении. Современные «Умные города», такие как Токио, Сеул, Амстердам, Барселона и остальные вряд ли изначально планировались как «умные». Очевидно, что управляющие этих

городов сумели адаптировать развитие городов в соответствии с изменением социально-экономических потребностей, наметить тенденции их развития в нужных направлениях [5,6,7].

Особенности социально-экономического развития города: факторы, условия, тенденции. В этой части мы рассмотрим, благодаря чему же развивается город, что влияет на его развитие и как это происходит. Изначально должна быть концепция развития, то есть, четкое понимание того, к чему стремиться, в какой области развиваться, чем заниматься, что улучшить, что изменить, а от чего совсем отказаться. Следующий пункт – это стратегия. Необходимо сформировать стратегический план на 5, 10 или 25 лет, разницы нет, главное, чтобы были необходимые ресурсы, для воплощения этого плана в реальность.

Развитие города можно сравнить с развитием организации или предприятия, но в более глобальных масштабах [10]. Как для любого развития в любой области на развитие города оказывают влияние различные факторы, условия в которых он находится. Рассмотрим факторы, влияющие на развитие города в социально-экономическом направлении.

Мы считаем, что основных фактора три. Это количество населения, инфраструктура и бюджет. Теперь по порядку.

Население мы выносим на первый план, потому что считаем его основным. Это главный ресурс, для которого важно развитие и за счет которого это развитие происходит. Каждый член социума имеет свой взгляд на происходящее вокруг, у каждого свои потребности. Собрав статистические данные посредством опросов, анкетирования и любых других способов сбора статистики, можно определить, в чем именно нуждается большинство горожан, и наметить тенденции развития в этом направлении. Но о тенденциях поговорим позже. А сейчас переходим ко второму фактору.

Инфраструктура. Это то, что обеспечивает нормальную, полноценную жизнедеятельность горожан. В городе должны быть безопасные здания и сооружения, должен быть транспорт и дороги, предприятия и организации, которые производят товары и услуги для населения, а так же обеспечивают его

рабочими местами. Магазины, рынки, банки, и все что сможет обеспечить свободное движение денежных единиц. Все системы жизнеобеспечения, вода, газ, электричество и средства телекоммуникации. В пример можно поставить города древнего Рима, в которых возводились фантастические по тем рамкам инженерные сооружения – акведуки, служившие для подачи воды в города на десятки километров, чтобы обеспечить народ важнейшим продуктом после кислорода.

Третий фактор, последний в списке, но не последний по значимости – бюджет. Город – это грандиозная организация, которая постоянно получает, распределяет и расходует денежные средства. Размер бюджет определяет, насколько успешным может стать развитие города. Ведь имея в наличии прекрасный план по развитию и не гроша в бюджете многого добиться не получится. Поэтому основным аспектом в стратегическом плане развития города должно быть сохранение и приумножение бюджета.

Теперь поговорим об условиях. Их тоже много, как и факторов, но мы выделяем основные, на наш взгляд.

Скорость распространения информации, то есть развитие информационно-коммуникационных технологий. Благодаря техническому прогрессу, скорость обмена информацией между индивидами общества, между населением и администрацией города, между подразделениями структуры управления достигла небывалых высот. Это позволяет гораздо эффективней использовать информацию, производить своевременный мониторинг происходящего и принимать правильные решения, а так же сообщать об их принятии всем элементам управления, для которых информация будет актуальна. Улучшилась обратная связь с населением, однако, из-за больших потоков данных уходит время на их обработку и поиск действительно важных аспектов.

Постоянное развитие в мире, изменение окружающей и информационной среды. То что вчера было открытием, сегодня уже не актуально. Грубо говоря, мы все находимся в упорядоченном хаосе, вроде все известно и понятно, но все

видоизменяется, и нужно постоянно адаптировать систему управления под новые условия, нужно учитывать пожелания горожан и при этом двигаться в заданном направлении.

Внимательно изучив факторы и условия, в которых развивается город, можно увидеть, есть ли у города тенденции к развитию в каком-либо направлении или город уже находится в стадии развития. Очень важно правильно выбрать направление, чтобы все усилия, приложенные к его развитию, не пропали даром. Это может отбросить город в развитии на несколько лет назад.

В одном из 17 автономных областей Испании, а именно в Каталонии, есть город Барселона, который также является столицей области и одним из самых лучших курортов мира. Город является вторым по величине в Испании, имеет крупный средиземноморский порт и представляет собой главный экономический центр страны. Барселона стала первым городом Испании, в котором началась индустриальная революция. В 1992 году Международный Олимпийский Комитет дает Барселоне право проведения очередных Олимпийских Игр, что влечет за собой невероятно масштабную перестройку города. После нее город удостоился медали Королевской ассоциации британских архитекторов. Беспрецедентный случай вручения такой награды целому городу, а не отдельному архитектору [7,8,12].

Естественно был и период упадка, и просто отсутствия развития, но сейчас мы увидим, что это не помешало стать городу величественным.

В прошлом году Барселона получила статус «Global Smart City 2015», опередив такие города как Сингапур, Ницца и Нью-Йорк. Исследования и оценку проводила компания «Juniper Research» по следующим параметрам: умные сети, умное управление трафиком и умное уличное освещение. Огромный вклад в развитие города внесла компания Cisco Systems и Microsoft. Чем занимается компания Microsoft всем известно, и поэтому мы хотели немного осветить деятельность компании «Cisco». «Cisco» – это американская компания, которая занимается разработкой и продажей сетевого оборудования для крупных

организаций и телекоммуникационных предприятий. Специализируется на высоких технологиях. Главный офис находится в штате Калифорния в Сан-Хосе, генеральный директор Джон Чемберс. Почему мы уделяем внимание данной компании? Потому что Барселона не первый и далеко не последний город, в развитии которого участвовала «Cisco».

В январе 2014 г. «Cisco» опубликовала результаты подробного анализа экономических преимуществ Всеобъемлющего Интернета в государственном секторе. Модель «Cisco» продемонстрировала коммерческий потенциал в размере 4,6 триллионов долл. США, заложенный в технологиях Всеобъемлющего Интернета для государственного сектора в ближайшие 10 лет. Сюда относится управление водоснабжением, строительство умных домов, управление энергоснабжением, управление парковками и многое другое [9,11].

Теперь, для того, чтобы было с чем сравнивать, мы рассмотрим еще один «Умный город». Токио. Неудивительно, что Токио является «Умным городом», ведь это столица наиболее технически продвинутой в наше время страны – Японии. Так же это ее промышленный, административный и финансовый центр. В городе проживает предположительно 16 млн. человек и это при плотности населения 5 740 чел на 1 квадратный километр. Чтобы обеспечить нормальное существование такого количества людей на такой маленькой площади (2 187 кв. км) просто необходимо автоматизировать часть процессов происходящих в городе. И так, что же делает «умным» Токио?

Под Токио, в общем-то, понимается не сам город, а совокупность входящих в столичный округ 23 районов. И в одном из таких районов, в нескольких десятках километров от префектуры, в 2014 г. официально был закончен проект «умный город» Фудзисава. Город создан по плану экологически чистых, комфортных и энергоэффективных городов, которые будут в будущем. За реализацию проекта отвечала компания «Panasonic» при поддержке некоторых японских фирм, таких как «Токио Gas», «Accenture» и др. Город рассчитан на 1000 семей, площадь приблизительно 19 гектаров на территории «обычного города» Фудзисава [12].

Вена. Третьим городом в моем списке стала Вена. Надо отметить, но в 2012 г. Вена была на первом месте в рейтинге самых «умных городов» мира. Однако в 2015 г. ее нет даже в пятерке лидеров, но все равно стоит рассмотреть именно этот город, так как он так же является столицей государства и в нем есть на что посмотреть.

Это единственный город, который попал в ТОП 10 2012 г. каждой категории: инновации (5 место), озеленение (4), качество жизни (1), цифровые технологии (8). В основе лежат программы Smart Energy Vision 2050, Roadmap 2020, Action Plan 2012-2015. К осуществлению программ привлекаются акционеры больших корпораций. Вместе они трудятся над сокращением выбросов углекислого газа, изменением транспортной системы города и поисками вариантов более эффективного использования земли, – чтобы превратить свой город в главного европейского «умника» [14,15,17].

Подведем итоги исследования и сделаем анализ. Из всего выше сказанного следует, что «Умный город» это все-таки следствие, а не причина развития ИКТ и увеличения населения. И смертельной необходимости в нем нет.

Как мы выяснили, большинство «Умных городов» – это столицы государств и регионов, это города с большим количеством горожан, имеющих проблемы с энергообеспечением, загрязнением и неудобствами передвижения по населенному пункту.

Так же хочу обратить внимание на то, что программа «Умный город» или, как чаще можно встретить, «Smart City» в старых городах реализовывается, как компенсатор вредных воздействий и недостатков планировки, которые не учитывались во времена их появления. В основном это проблемы с жильем из-за нехватки территорий, что вынуждает строить сложные многоэтажные здания, проблемы газо-, водо- и энергоснабжения населения, так как все коммуникации давно устарели или пришли в негодность, проблема обслуживания большого количества жителей и связи их с администрацией и другими управленческими и контролирующими структурами, проблема транспорта и экологии.

Новые же «Умные города» строятся сразу с учетом всех этих факторов, то есть заранее планируются все коммуникации, расположение домов, улиц зеленых зон, маршрутов передвижения личного и муниципального транспорта, а так же общее предназначение города, будь то промышленный центр, или же экологически чистый район. Заранее обеспечивается связь всех систем, которые будут контролировать происходящие в городе процессы и механизмы отладки и регулирования.

Однако, настанет такое время, когда «Умные города» тоже перестанут выполнять свои функции, и на их место придут «города будущего».

Поэтому, мы считаем необходимым мониторинг всех близлежащих научных прорывов и учет их при планировке «умных городов», чтобы в случае чего провести их модификацию, а не начинать строить заново. Аналогию проведем с системным блоком компьютера. У него есть базовая комплектация, но каждый из них готов к модернизации в любое время, все модули съемные и есть место для новых. Мы не говорим о том, что прокладывая метро, нужно оставить место для возможной воздушной дороги, или места для личных вертолетов, но нужно учесть такие варианты, как новые источники энергии, новая система водоснабжения, увеличение количества горожан, а так же изменения климата.

Литература

1. Боженков С.А. Умный город в стратегии муниципального развития. Белгород: Изд-во «Константа». – 2012. – 360 с.
2. Вебер М.С. Город. – СПб.: Изд-во «Дело». – 2014. – 290 с.
3. Ганин О.Б, Ганин И.О. «Умный город»: перспективы и тенденции развития. М.: 2014.
4. Глейзер Э.Л. Триумф города: как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. М.: – 2013.
5. Компания IBM создаст «Разумный город в Южном (городе-спутнике). – БН-Газета. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.bn.ru/news/2015/06/18/219738.html>.

6. Корпорация Cisco и/или ее дочерние компании, 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cisco.com/assets/global/RU/tomorrow-starts-here/pdf/Barcelona_Jurisdiction_Profile_final.pdf.
7. Левиев М.А. «Умные города: на что способны Лион, Нью-Йорк и Москва». – М.: – 2015.
8. Метельская Е.А., Новиков В.С. Развитие предпринимательского потенциала малого и среднего бизнеса. Проблемы и перспективы виртуального предпринимательства // Экономика и предпринимательство. № 6 (47) 2014 г. (Vol. 8 Nom. 6). С. 833-838.
9. Николаев В.А. Умные города – будущее сегодня. – Санкт-Петербург. – 2015.
10. Перова А.Е., Новиков В.С. Виртуализация финансовой сферы как тенденция и адаптация к современным экономическим условиям ведения бизнеса // Финансовая аналитика. Научно-практический и аналитический журнал. - №32 (122). - 2012. август – С. 48-54.
11. Пришло самое лучшее время для безопасного развития бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisco.com/web/RU/index.html>
12. Романова А.Н. Город следит за тобой. СПб.: – 2015.
13. Россия и Запад разошлись во взглядах на «Умный город». РИА «Новый День». – 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://urfo.org/ekb/537810.html>
14. Рыбина Е.Г. Организационные и экономические методы развития «умных городов». – М.: – 2015.
15. Титова Н.П. Сады на крышах. – М.: Изд-во «ОЛМА-ПРЕСС Гранд», – 2012.
16. Яковлев Г.И. Умные города: инновации уже рядом. – М.: – 2014.
17. Ярош Н.Н. Умный город-город толерантности. – М.: – 2014.

УДК 304.2

ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП¹

Колпина Л.В.

к. с. н., доцент кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»

Россия, г. Белгород

Развитие местного сообщества тесно связано со спецификой и организацией отношений между людьми, группами, общностями, образующими его, реализуемыми ими социальными практиками, которые, в свою очередь, характеризуют их социальное здоровье или нездоровье.

Социальное здоровье представляет собой феномен, формирующийся на стыке между личностью и обществом, вследствие чего, оказывает непосредственное влияние как на личность, ее благополучие, так и на социальные процессы, в которые она включена. Определяя индивидуальное здоровье человека через его возможности реализовывать свои функции, сохранять и развивать себя и среду своего обитания, социальное здоровье следует рассматривать как совокупность параметров социальности личности, ее включенности в разнообразные формы социальных отношений, обеспечивающие ее жизнеспособность, сохранение и развитие среды.

Зарубежные исследования последних нескольких десятков лет показывают зависимость индивидуального здоровья человека, его физического и психологического благополучия от характеристик включенности в общественные отношения (таких как: уровень социального доверия, ощущение значимости, востребованности, в отношениях, социальная поддержка, удовлетворенность отношениями и т.п.).

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 16-03-00203. «Потенциал местного сообщества в формировании социального здоровья населения старших возрастных групп» Рук. – Л.В. Колпина

Проблема социального здоровья населения именно *старших возрастных групп* - их включенности в общественные отношения, доступности для них ресурсов, заложенных в этих отношениях, стоит особенно остро. Как показывает статистика, почти каждый третий пожилой человек испытывают затруднения при самообслуживании, четвертый – проживает одиноко, и столько же периодически не хотят жить. В декларациях ООН говорится о множественных процессах социального исключения, которым подвергаются пожилые люди, что сужает возможности их адаптации, самореализации, усугубляясь снижением их функциональности, связанной с возрастными изменениями.

Ряд исследований, проведенных под руководством или с участием автора в 2008-2014 годах в Белгородской области показывает, что в сравнении с другими возрастными группами, круги общения пожилых людей существенно сужены, значительно ниже качество их социального капитала, а сами они характеризуются более низким уровнем социального доверия. Превалирующий у них экстернальный локус-контроль в различных социальных средах обуславливает восприятие ими межличностной и общественной ситуации как не зависящей от их усилий, демотивирует их социальную активность, стимулируя развитие социальной апатии.

Необходимость обеспечения условий для поддержания и укрепления социального здоровья пожилых людей обусловлена не только его влиянием на индивидуальное здоровье в целом. Являясь показателем качества жизни пожилого человека, в условиях глобальной тенденции постарения населения социальное здоровье пожилых становится важным фактором социально-экономической стабильности общества. Так, в условиях, когда материальное обеспечение растущего числа пожилых людей и уход за ними ложится на плечи постоянно уменьшающегося числа людей трудоспособного возраста, императив включенности пожилых граждан в трудовые отношения обусловлен не только их потребностями, но и необходимостью снижения экономической нагрузки на работающее население.

Но эффективное использование профессионального потенциала пожилых людей затруднено, что обусловлено не только низкими показателями физического здоровья, которыми характеризуются россияне старших возрастных групп, в сравнении с их «западными» ровесниками, не только проблемами их трудоустройства, тем более, по специальности. Проведенные нами исследования показывают низкий уровень и социального здоровья работающих пенсионеров, снижающий их ориентацию на профессиональное долголетие. Так, пожилые люди реже респондентов других возрастов говорят, что могут рассчитывать на надежность коллег, обязательность в выполнении ими своей доли обязанностей. В трудной жизненной ситуации рассчитывают на помощь коллег по работе лишь 5,9% опрошенных старшей возрастной группы, против 14,3% других возрастов. Значения индекса востребованности в отношениях с коллегами у пожилых людей в 2010 и 2012 гг. находились в диапазоне от (-) 4,75 до 8,6, тогда как в других группах – от 36,6 до 57,9, а востребованности в профессиональной сфере - 4,6 против 49,9. в среднем по другим возрастным группам. Работающие пожилые люди в два раза чаще, чем респонденты остальных возрастов, сообщают, что не пользуются помощью со стороны коллег и в три раза чаще сами они не оказывают ее им, что иллюстрирует их определённую социальную и психологическую исключенность из социальных практик этого типа.

Следующий аспект, обуславливающий важность социально здоровых практик в среде пожилых людей связан с тем, что в условиях постарения общества пожилые люди становятся массовой социально-политической силой, обладающей значительным потенциалом, но и требующей специфического внимания к ее нуждам и особенностям. Их социальное здоровье в виде способности к социальной интеграции, консолидации усилий для решения общих проблем, обеспечивает этой группе возможность адаптировать социальную действительность к своим нуждам и потребностям.

Следует отметить, что, существенная часть пожилых людей обладает большим жизненным опытом в решении общественно значимых проблем, и, как

показало наше исследование – выраженной мотивацией к участию в такой работе. Выражают готовность выступить в роли общественников 70% населения в возрасте от 60 лет и старше. Наибольшую заинтересованность пожилые люди проявляют к работе в клубах по интересам и благотворительности (до 60%), участию в территориальном общественном самоуправлении, общественных организациях, волонтерской работе (до 50%). Однако в настоящее время такого рода общественным активизмом характеризуется не более 5% пожилого населения.

Создание условий для социальной инклюзии пожилых граждан, реализации ими социально здоровых практик, обеспечивающих им возможность адаптации, самореализации и социального творчества, содействовало бы решению части проблем, и пожилых людей, и сообщества, к которому они принадлежат.

В документах ВОЗ отмечается, что одна из действенных стратегий укрепления здоровья и благополучия этой категории состоит в создании условий, при которых пожилые не чувствовали бы себя одинокими, изолированными от внешнего мира; указывается, что важным фактором, влияющим на качество жизни пожилых людей, является социальная поддержка, особенно отношения с родственниками и друзьями, а основные потребности пожилых людей связаны со стремлением быть самостоятельными, иметь право и возможность выражать свое мнение и ощущать свою принадлежность к местному сообществу.

Местное сообщество действительно обладает большим социально-саногенным, оздоравливающим потенциалом, особенно на уровне территориального местного самоуправления (ТОС), что обусловлено его физической доступностью для пожилых людей, непосредственной включенностью органов ТОС в повседневные проблемы жителей территорий и интересом самих пожилых граждан к работе в рамках ТОСа.

В рамках ТОС возможно формирование, как микроуровневых социальных практик (в первую очередь, соседских, дружеских), обеспечивающих

повседневное общение, взаимопомощь и поддержку, так и мезоуровневых, связанных с самореализацией и общественным активизмом, позволяющих существенно расширить ролевой репертуар пожилых граждан, обогатить их социальный капитал, повысить социальное самочувствие.

Территориальное общественное самоуправление, согласно Федеральному закону от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ), является одной из форм участия населения в местном самоуправлении и определяется как самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Практики, которые могут быть реализованы в рамках ТОС, и направленные на формирование социального здоровья населения старших возрастных групп, можно разделить на несколько категорий: а) социальная поддержка, ориентированная на помощь пожилым людям со сниженными возможностями, прежде всего, физического функционирования (бытовая помощь, уход, социально-психологическая поддержка – чтение им книг, общение); б) общественный активизм – деятельность пожилых граждан, направленная на решение проблем конкретной территории или группы населения, проживающей на ней (участие в народных дружинах, организация ремонтов, проведение «зарядки» и т.д.). Здесь важно отметить, что ТОСы могут принять активное участие в организации оплачиваемых общественных работ; в) соседские сети взаимопомощи. Здесь имеется в виду содействие пожилым людям в организации ими помощи другим жителям территории (репетиторство, помощь в воспитании детей и т.п., консультации в своих областях знаний); г) участие в группах, организациях, мероприятиях, связанных с общением, саморазвитием и самореализацией пожилых людей (организация и участие в проведении конкурсов, встреч, празднований, и пр.); д) мероприятия муниципальных учреждений, ориентированные на пожилых людей, реализуемые на площадках ТОС (мероприятия, связанные с повышением грамотности пожилых людей в

различных областях жизнедеятельности – ЗОЖ, правовая, компьютерная грамотность и пр.).

Основными механизмами, обуславливающими возможность организации и развития таких практик, является просвещение населения и информационное обеспечение функционирования ТОС. Просвещение предполагает знакомство населения, в том числе, пожилого, с потенциалами, заложенными в ТОС и механизмами их актуализации. Информационное обеспечение предполагает создание информационных ресурсов (доски объявлений, листовки), и, в первую очередь, в сети И-нет, где будет отражена информация о потребностях, возможностях, запросах, предложениях представителей конкретной территории, различных событиях, вестись, в том числе, просветительская работа. Интерактивные возможности такого ресурса позволят участникам сообщества обсуждать те или иные проблемы и пути их решения, создавать виртуальные клубы, просто общаться. В настоящее время в городских сообществах России в основном созданы условия для Интернет-коммуникации; пожилые горожане все активнее используют возможности компьютера, Интернета в реализации своих потребностей. Что же касается Белгородской области, то курсы компьютерной грамотности для пожилых людей здесь организованы практически в каждом муниципальном образовании.

В заключении отметим, что ряд исследований показывает: после выхода на пенсию жители городов испытывают гораздо большую фрустрацию, связанную с социальной эксклюзией, в сравнении с жителями сел. В этом свете проблема реализации потенциала городского сообщества в формировании социального здоровья населения старших возрастных групп выглядит особенно актуальной. А потому, возможности, заложенные в ТОС, должны стать востребованными пожилыми горожанами, содействовать облегчению их коммуникации в рамках территориального сообщества, росту чувства принадлежности к нему, собственной значимости в отношениях; помогать в решении, как их индивидуальных проблем, так и населения территориального сообщества.

Литература

1. Архипов И.В. Проблема качества жизни пожилых // Пенсионное обозрение.- 2015. - №2. Режим доступа: <http://www.pensionobserver.ru/arxiv/2-22-aprel-iyun-2015-g/blagosostoyanie-pozhilyix-lyudej-problema-vsego-obshhestva/blagosostoyanie-pozhilyix-lyudej-problema-vsego-obshhestva>.

2. Европейский план действий по укреплению потенциала и услуг общественного здравоохранения // Отчет 62 сессии Европейского регионального комитета ВОЗ. - 2012. - 46 с.

3. Лищук В. А., Мосткова Е. В. Основы здоровья: актуальные задачи, решения, рекомендации. - М.: Изд-во ВНИИМТ. – 1994.

4. Lenhart A. et al. Social Media & Mobile Internet Use among Teens and Young Adults. Millennials //Pew Internet & American Life Project. – 2010.

7. Thoits P. A. Mechanisms linking social ties and support to physical and mental health //Journal of health and social behavior. - 2011. Т. 52. - №. 2. - P. 145-161.

УДК 316.3

КОНТРОЛЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Луговская М.В.
аспирант кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Контроль как функция управления в социальной сфере выступает как разновидность социального контроля, имеющего прочную традицию в качестве социологической категории.

Социальный контроль - это одно из сложных явлений общественной жизнедеятельности. Он охватывает разнообразные сферы социальной действительности и находит специфическое выражение в рамках многих общественных процессов. Но, прежде всего, естественно, он связан с проблемой власти и государственного управления, - той проблемой, которая актуализируется в современных российских условиях.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что социальный контроль выступает необходимым атрибутом общественного развития, это объективно детерминированный процесс, специфика которого определяется особенностями конкретных этапов эволюции общества. Контроль правомерно рассматривать как органический элемент (функцию) системы социального управления. От систематичности, действенности контроля во многом зависит качественная сторона управления, его оперативность, гибкость, оптимальность. Функция контроля играет существенную роль в исполнении законов и обеспечении социальной стабильности общества.

Контроль как социальная функция носит двуединый характер: он направлен, во-первых, на выполнение конкретных управленческих решений, во-вторых, на поддержание, соблюдение социальных норм, создающих необходимые условия для реализации намеченных программ общественной жизнедеятельности. Контрольная функция служит одним из путей организованного воздействия на поведение социальных субъектов в целях решения тех или иных общественных задач.

В общественной жизни контроль проявляется, главным образом, в виде применения тех или иных санкций (принуждение, наказание) либо каких-то мер поощрения, стимулирования позитивной активности граждан. На наш взгляд, сущность социального контроля заключается в том, что он способствует разрешению противоречий, возникающих в процессе функционирования и развития общества. Его осуществление связано с объективной необходимостью сохранения динамического равновесия субъекта и объекта в процессе общественных преобразований и реформ. Социальный контроль содействует поддержанию целостности и организованности общества, укреплению конституционного порядка, совершенствованию исторически конкретных общественных отношений.

Для преодоления опасных тенденции, возникающих на пути развития общества необходимы не только решительность, готовность к переменам, но и действенные средства для реализации назревших задач. К их числу, несомненно,

относятся не только властные структуры правового государства, но и элементы гражданского общества, осуществляющие важные функции в сфере социального контроля.

Такой вывод диктуется не только логикой теоретических рассуждений, практическими уроками, которые наше общество вынесло из недавнего прошлого. Разумеется, нельзя рассматривать правовую государственность и конституционный контроль, осуществляемый системой троевластия, как некое универсальное средство, обеспечивающее успех любой стратегии. Он эффективен лишь в контексте разумной, научно-обоснованной социальной политики. Но ясно другое: социальный контроль - не формальный элемент, а сущностная, объективно необходимая черта нашего времени.

В связи с этим важно подчеркнуть, что призыв к совершенствованию социального контроля не следует воспринимать как требование его ужесточения. Дело в том, что бесконтрольность является не только криминогенным фактором. Практика показала: любое ослабление социального контроля (или, говоря социологическим языком, дисфункции в его деятельности) ведет к множеству негативных последствий - нарастанию элементов стихийности в общественном развитии, кризису социальной системы, распространению негативных явлений в сфере духовной жизни.

Совершенствование контроля позволяет более активно и последовательно бороться с проявлениями бюрократизма в деятельности государственного аппарата, сводить к минимуму волокиту и формализм в осуществлении управления, добиваясь неукоснительного исполнения правовых норм и управленческих решений.

В связи с этим огромное значение имеет функционирование системы «сдержек и противовесов», возникающей и действующей в результате разделения властей в демократическом конституционном государстве. По сути дела такая система выступает в качестве эффективного политико-правового механизма, способствующего, с одной стороны, обеспечению целей и задач государства, а с другой - защите прав и свобод гражданина.

Многие современные отечественные политики, воспитанные на авторитарных традициях политической жизни недавнего прошлого, с большим трудом усваивают элементарную истину: в демократическом обществе единственным сувереном - источником и ограничителем государственной власти является народ, гражданин, личность. И нельзя силой навязать ему чуждые его интересам политику, законы, юридические нормы. Вот почему, как мы пытались показать, всесторонняя теоретическая разработка и практическая оптимизация контроля со стороны законодательной, исполнительной и судебной власти демократического государства приобретает ныне приоритетное значение. Это, в первую очередь, необходимо для обеспечения успешной и эффективной деятельности всех звеньев социального контроля.

Можно выделить ряд основных направлений оптимизации контрольной деятельности. Пристального внимания заслуживает проблема совершенствования правовой основы социального контроля путем развития нормотворческой функции государства. Очень важно, чтобы в процессе правотворчества законодатель учитывал конкретные особенности социальной действительности. Он должен как бы «соизмерять» содержание и задачи разрабатываемых норм с возможностями конкретных механизмов социального контроля. Без учета этих реальных факторов правотворческая деятельность будет носить декларативный, формальный характер, а продвижение по пути к правовому государству будет осуществляться лишь на словах, а не на деле.

При определении критериев эффективности необходимо обращаться к категориям цели и результата. Меру приближения к цели, результативность можно рассматривать как важнейший показатель эффективности. При этом результативность контроля должна быть соотнесена с общей системой социальных ценностей и норм, а также целей, которые ставит перед собой конкретное общество. Это требование зачастую нарушалось в условиях чрезмерной централизации управления экономикой, тоталитарных методов в организации государственной деятельности, вследствие чего рождалась бюрократическая практика «контроля ради контроля». Такая практика, типичная

для застойного периода истории нашей страны, является весьма вредной и недопустимой на современном этапе, когда ставятся и решаются задачи формирования правовой демократической государственности.

В условиях становления правового государства очень важно обеспечить такие условия, чтобы в полной мере раскрывался социально-контрольный потенциал каждой ветви государственной власти. Это возможно лишь в атмосфере демократизации всей общественной жизни, развития основных институтов народовластия. Реализация принципов демократии ставит целый комплекс сложных проблем перед органами контроля.

Жизнь показывает, что наиболее перспективным, глубинным резервом усиления действенности контроля служит развитие инициативы социальных групп, коллективов и ассоциаций, широких кругов населения. Будучи объективной тенденцией в процессе социального контроля в гражданском обществе, демократизация не происходит автоматически, стихийно, а реализуется через сознательную деятельность организаций, партий, органов прессы и других социальных субъектов.

Предпосылкой практических мер в этом направлении, на наш взгляд, выступает развитие эмпирических и теоретических исследований данной проблемы. Прежде всего, следует отметить значение конкретно-социологических исследований реального процесса социального контроля, осуществляемого тремя ветвями власти, с применением новейших методик, средств обработки информации и т.д. Пока таких изысканий осуществляется очень мало.

Для их развития необходима разработка теоретической базы, а именно- формирование теории социального контроля на основе методологических принципов и концептуальных положений политической социологии, теории государства и права, сравнительного правоведения.

Теория социального контроля должна включать и тактическую, прикладную часть - систематизированный набор теоретически осмысленных практических рекомендаций для оптимизации контроля в различных сферах

жизнедеятельности общества. Эта задача носит комплексный характер и может быть решена лишь усилиями специалистов различного профиля.

Необходимо продолжить формирование системы государственно-общественного контроля, так как сейчас отдельные элементы этой системы действуют зачастую разрозненно. Координация элементов этой системы должна основываться на программно-целевом механизме реализации социальной политики и управления в социальной сфере, опираться на соответствующую нормативную основу: социальное законодательство и государственные минимальные социальные стандарты (ГМСС).

Необходимо выработка единых принципов и подходов, реализуемых в государственном, муниципальном, ведомственном, внутриорганизационном, независимом (аудите) и общественных видах контроля, при сохранении «естественной» специфики каждого из них.

В решении этой задачи большую роль играет развитие технологий управленческого контроля (в формах предварительного, текущего, последующего контроля и мониторинга, осуществляемых с помощью методов: анализа, обследования, проверки, ревизии), которые должны иметь соответствующее социологическое обеспечение.

Литература

1. Данакин, Н.С. Групповое влияние на организационное поведение / Н.С. Данакин, К.Н. Евминов, И.В. Конев. – Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2014.
2. Данакин, Н.С. Социально-технологические основы совершенствования управленческого контроля в организации / Н.С. Данакин, В.В. Шкилёв. – Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2010.
3. Фролов, С.С. Социология организаций: учебник / С.С. Фролов. – М.: Гардарики, 2001.

ФЕНОМЕН ЛИМИНАЛЬНОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ¹

Мельникова Р.И.

д.с.н., профессор, заведующая базовой научно-
производственной кафедрой муниципального
управления ВИЭСУ
Россия, г. Воронеж

А.В. Маматов

к.т.н., профессор, проректор по учебной
работе и информатизации НИУ «БелГУ»

А.В. Пастюк

аспирант кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Социальные трансформации последних лет, связанные с деконструкцией советского государства, повлекли за собой значительные изменения в структуре идентичности населения бывших союзных республик. В особенной степени эти процессы коснулись идентичности населения нового приграничья. Если на протяжении советской истории граница между республиками СССР не имела решающего влияния на идентичность населения, то возникшие в постсоветской период барьеры для коммуникации жителей некогда одного государства обусловили, как возникновение новых идентичностей, так и трансформацию старых.

Особый интерес в данном контексте представляет российско-украинское приграничье. Несмотря на возникновение новой границы, ей была присуща преобладание контактной функции над барьерной, что обусловило сохранение транскультурных связей и коммуникаций. Данный тезис подтверждается в работах многих отечественных авторов, изучающих специфику развития приграничных регионов России и Украины [1,2,3,4]. Вместе с тем, близость

¹ Статья подготовлена в рамках Задания №2015/2459 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев).

границы способствовала формированию в приграничных регионах особой идентичности, во многом отличной от идентичности населения внутренних регионов обоих государств. На наш взгляд, наиболее подходящей для изучения данного феномена является теория лиминальности.

Теория лиминальности была в наибольшей степени раскрыта В. Тернером, который понимал под ней возникающую между двумя стабильными состояниями переходную ситуацию или переходное состояние [5, 150]. Находясь в переходном или пороговом состоянии, жители приграничных территорий испытывают на себе влияния большого числа разносторонних факторов. В свою очередь, согласно теории В. Тернера, лиминальные индивиды «находятся в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [6, 169]. Вместе с тем, лиминальность следует рассматривать не только в контексте состояния «перехода» от одной целостности к другой. Лиминальность позволяет оценить вне системность анализируемого объекта. При этом, крайне важным свойством лиминальности выступает её пространственно-временное измерение или хронотоп, в рамках которого она зафиксирована. Более того, «ее можно рассматривать как потенциальный период тщательной проверки центральных ценностей и аксиом культуры, в которой она происходит» [5: 232].

Однако если Тернер понимал под лиминальностью состояние перехода к другой целостности, то отечественный ученый А.И. Бобков видит в неё прежде всего «практику разрушения существующей структуры с целью возвращения экстатического состояния самобытности» [7]. Вместе с тем, оба представленных подхода могут быть в полной мере использованы в рамках исследования идентичности российского-украинского приграничья.

С позиции первого подхода, необходимо отметить, что лиминальность идентичности приграничных регионов предполагает, прежде всего, значительные её отличия от идентичности общегосударственного, общенационального или цивилизационного уровня. Вместе с тем, региональная идентичность представляет собой структурный вариант идентичности высшего

уровня. В свою очередь, лиминальность предполагает, что данный структурный вариант имеет наибольшие отличия от ядра идентичности, под которым мы понимаем совокупность усредненных и наиболее общераспространенных объектов самоидентификации (ценностей, социальных норм и институтов, традиций, символов и др.). При этом, данный вариант остается в границах предельного состояния, не предполагающего перехода к другой или возникновению новой идентичности.

С целью исследования различий в базовых ценностях внутренних и граничащих с Украиной регионов России проведено собственное исследование, включающие анкетирование населения Белгородской и Костромской областей (N=667)¹. Как уже было отмечено, именно базовые ценности представляют собой один основополагающих элементов идентичности различного уровня. Несмотря на то, что была выявлена некоторая общность ценностей населения приграничного и внутреннего регионов, например, равновесие между консерватизмом и открытостью к новому, также можно отметить ключевое отличие, а именно значительный перевес самотрансцендентности населения, которая понимается, как социальная ориентация и социальная открытость. Данный результат означает значительное преобладание таких базовых ценностей, как конформность, универсализм, безопасность и благожелательность над ценностями гедонизм, достижение, власть – богатство, самостоятельность, риск – новизна.

Сравнивая полученные данные с общеевропейскими, следует отметить, что уровень самотрансцендентности населения приграничной Белгородской области, являясь более высоким, чем по России в целом, тем не менее, существенно отличается от среднеевропейских показателей (Нидерланды, Великобритания, Бельгия) и находится на уровне государств восточной части Европы, например, Украины [8].

¹ Исследование проведено в апреле 2015 года в Белгородской и Костромской областях. Использована квотная половозрастная выборка соответствующая генеральной совокупности. Ошибка выборки составляет не более 3,2%.

В этой связи, логичным видится предположение, что идентичность населения приграничных регионов России и Украины представляя собой предельные состояния общероссийской и общеукраинской идентичностей соответственно, имеют значительное число общих черт, сформировавшихся в рамках транскультурной коммуникации и преобладания контактной функции границы над барьерной.

С целью подтверждения или опровержения данного предположения был проведен количественный опрос населения приграничных регионов России и Украины (N=1000)¹. Для более глубокого изучения сходств и различий ценностных ориентаций населения в рамках количественного исследования респондентам было предложено по 10-бальной шкале оценить следующие ценности: безопасность, благожелательность, готовность помочь другим, причастность к коллективу, подчинение общим нормам, самостоятельность, инициатива, традиция, сохранение привычного образа жизни, власть, богатство, личный успех, жизнь в свое удовольствие, риск, конкуренция и стремление к переменам (Таблица 1.).

Как видно из представленной таблицы значимость ценностей для жителей приграничных регионов России и Украины совпала только по трем показателям – «Безопасность», «Традиция, сохранение привычного образа жизни» и «Причастность к коллективу, подчинение общим нормам». Вместе с тем, ранжирование ценностей позволяет увидеть тот факт, что, несмотря на различия в общей структуре распределение ценностей по уровню значимости в целом совпадает.

Таблица 1.

Количественный анализ ответов респондентов на вопрос: «Оцените в баллах значимость лично для Вас следующих ценностей»

¹ Исследование проведено в июне 2015 года в Белгородской, Брянской, Воронежской и Курской областях России и Луганской, Сумской, Харьковской и Черниговской областях Украины. Использована квотная половозрастная выборка соответствующая генеральной совокупности. Ошибка выборки составляет не более 3,5%.

Оцените в баллах значимость лично для Вас следующих ценностей (Россия)	Приграничные регионы России	Приграничные регионы Украины	Оцените в баллах значимость лично для Вас следующих ценностей (Украина)
	Среднее значение	Среднее значение	
Безопасность	8,3	7,8	Безопасность
Личный успех	7,7	7,2	Благожелательность, готовность помочь другим
Доверие к людям	7,2	7	Личный успех
Благожелательность, готовность помочь другим	7,1	6,9	Богатство
Самостоятельность, инициатива	7,1	6,7	Доверие к людям
Жизнь в свое удовольствие	7	6,6	Самостоятельность, инициатива
Традиция, сохранение привычного образа жизни	7	6,5	Традиция, сохранение привычного образа жизни
Богатство	6,7	6,3	Жизнь в свое удовольствие
Причастность к коллективу, подчинение общим нормам	6,5	6	Причастность к коллективу, подчинение общим нормам
Стремление к переменам	6,5	5,9	Риск, конкуренция
Власть	6,2	5,9	Стремление к переменам
Риск, конкуренция	5,8	5,3	Власть

В первую группу ценностей, являющихся наиболее значимыми для населения, были отнесены:

- безопасность и личный успех для России;
- безопасность, личный успех, благожелательность и готовность помочь другим для Украины.

Вторую группу ценностей составили:

- доверие к людям, благожелательность и готовность помочь другим, самостоятельность и инициатива, жизнь в свое удовольствие, традиция и сохранение привычного образа жизни, богатство для России
- богатство, доверие к людям, самостоятельность и инициатива, традиция и сохранение привычного образа жизни, жизнь в свое удовольствие для Украины.

К третьей группе ценностей были отнесены:

- причастность к коллективу, подчинение общим нормам, стремление к переменам, власть, риск и конкуренция для России;
- причастность к коллективу и подчинение общим нормам, риск и конкуренция, стремление к переменам, власть для Украины.

Таким образом, результаты ранжирования ценностей дают все основания полагать, что, несмотря на различия в общей структуре значимости ценностных ориентаций населения приграничных регионов России и Украины, группы ценностей по значимости в целом совпадают. Исключением является только ценность «Благожелательность, готовность помочь другим», которая в случае с Украиной переходит в группу наиболее значимых ценностных ориентаций. В качестве общей тенденции следует выделить низкую значимость категории ценностей «Открытость к изменениям» (риск, конкуренция, стремление к переменам, самостоятельность, инициатива), только одна из этих ценностей попала во вторую группу значимости у респондентов. Одновременно с этим ни одна из ценностей категории «Самотрансцендентности» не попала в группу наименее значимых.

Таким образом, лиминальные идентичности населения приграничных регионов России и Украины, имеют значительный уровень общности, как минимум в отношении одного из основополагающих элементов идентичности – базовых ценностях.

Второй из рассматриваемых нами по отношению к лиминальности подходов предполагает возвращение к экстатическому состоянию самобытности. В результате полевых исследований М.П. Крылова и А.А. Гриценко подчеркивается, что «население части городов Белгородской и Курской областей чаще ощущает более сильную духовную (культурную) близость в качестве «земляков» с населением Сумской и Харьковской областей, чем с жителями Орловской области» [9: 12]. Во многом это объясняется общностью культурно-исторического развития данного региона. Значительная часть российско-украинского приграничья в XVII-XVIII веках входила в состав единого культурно-исторического региона Слобожанщина. Харьков и Белгород

– два исторических центра Слобожанщины, где оседало беглое крестьянство, селившееся в слободах – селах, свободных от крепостного права и помещичьего землевладения.

Следует отметить, что лиминальность в целом была присуща для Слобожанщины в рамках культурно-исторического контекста. Находящаяся здесь засечная черта отделяющая крымских татар от Русского государства сама по себе подчеркивает предельный и пограничный характер данного региона между двумя культурами и цивилизациями.

Влияние общности культурно-исторического развития на современное состояние идентичности населения приграничных регионов также подчеркивается в работах М.П. Крылова и А.А. Гриценко. На основании проведенного в российско-украинском приграничье социологического исследования им удалось выделить территории с общей идентичностью населения, располагающиеся параллельно государственной границе и напоминающие контуры исторических регионов – Слобожанщины и Гетманщины [4]. По мнению исследователей, в границах Слобожанщины продолжает сохраняться ощущение близости и сопричастности русских и украинцев. Однако за пределами исторической общности, даже в рамках одних современных региональных эффекты, связанные с ментальной близостью жителей России и Украины значительно ослабевают.

Важным для нашего исследования является тот факт, что по результатам иных социологических исследований, в рамках которых респондентам задавался прямой вопрос «Кем вы считаете себя в первую очередь?», отмечалась низкая степень идентификации себя населением непосредственно с культурно-историческим регионом и общностью. Так, по результатам исследования В.А. Колосова к жителям Слобожанщины себя отнесли только 2,6% опрошенных Харьковчан и Белгородцев [1].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что идентификация с культурно-исторической общностью (в данном случае со Слободской Украиной) не выходит в сознании населения на первый план, жители приграничных регионов

не ощущают себя в полной мере жителями Слобожанщины. Вместе с тем, общность характеристик идентичности в рамках границ исторического региона указывает на некоторую степень влияния общей истории на процессы культурно-цивилизационной идентификации российско-украинского приграничья. Тем не менее, в данном случае нельзя говорить о разрушении существующей структуры идентичности выделенной нами в рамках второго подхода.

В заключение необходимо отметить исследования процессов самоидентификации населения приграничных регионов России и Украины требует применения различных теоретических подходов и концепций, ввиду комплексности и многофакторности процессов трансформации идентичности в современных стремительно меняющихся социальных условиях. Одной из таких концепций выступает теория лиминарности, позволяющая исследовать идентичность, как в условиях предельности в рамках структурной вариативности идентификации целой общности, так и в контексте единства культурно-исторического развития, что в особенной степени актуально для российско-украинского приграничья.

Литература

1. Колосов В.А., Вендина О.И. Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / М. : Новый хронограф, – 2011. – 352 С.
2. Бубенко П.Т., Сапрыка В.А., Гайдукова Г.Н. Социологический анализ проблем и перспектив российско-украинского приграничного и межрегионального сотрудничества // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-5. – С. 1078-1082.
3. Вардомский Л.Б. Новые факторы приграничного сотрудничества стран СНГ // Конкурентоспособность и модернизация экономики. – 2004. – С. 263-274.
4. Крылов М.П., Гриценко А.А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско- украинском и российско-белорусском порубежье:

историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 2. – С. 28-42.

5. Тернер В. Символ и ритуал / М.: Наука, – 1983. – 277 с.

6. Turner V. The Ritual Process. Structure and Antistructure / Harmondsworth: Penguin Books, – 1969. – 222 p.

7. Бобков А.И. Социальная лиминальность и сконструированная этноархаика: различие смыслов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 74-78

8. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 5-22

9. Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье / автореф. дисс. ... канд. географ.наук. – М., – 2010. – 25 с.

УДК 339.5

ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Немченко О.А.
к.э.н., доцент кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»,
Кристюк Н.П.
студентка НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Таможенно-тарифное регулирование внешнеторговой деятельности в Российской Федерации представляет собой метод государственного регулирования внешней торговли товарами, осуществляемый путем применения ввозных и вывозных таможенных пошлин. Следовательно, таможенно-тарифное регулирование выполняет следующие функции: регулятивную, защитную, фискальную. Посредством выполнения указанных функций решаются следующие основные задачи внешнеторговой политики:

- выравнивание условий конкуренции для товаров импортного и отечественного производства, без создания преимуществ для тех или других;
- ограничение допуска на отечественный рынок импортных товаров;
- пополнение доходной части федерального бюджета.

Основным инструментом таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности являются таможенные пошлины. Сведенные воедино ставки таможенных пошлин называются таможенным тарифом. Таможенный тариф Российской Федерации – свод ставок таможенных пошлин, применяемых к товарам, перемещаемым через таможенную границу Российской Федерации и систематизированным в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС. Наибольшую роль в таможенно-тарифном регулировании внешнеторговой деятельности в Российской Федерации играют ввозные таможенные пошлины.

На величину ставки ввозной таможенной пошлины оказывают влияние такие элементы таможенно-тарифного регулирования, как код товара по ТН ВЭД ЕАЭС, страна происхождения и таможенная стоимость.

В зависимости от страны происхождения товара можно выделить базовые, максимальные и преференциальные ставки ввозных таможенных пошлин.

Базовые ставки ввозных таможенных пошлин применяются к товарам, происходящим из государств, которым Российская Федерация предоставляет в торгово-политических отношениях режим наиболее благоприятствуемой нации.

Максимальные ставки ввозных таможенных пошлин – к товарам, происходящим из государств, которым не предоставлен режим наиболее благоприятствуемой нации.

Преференциальные ставки таможенной пошлины в размере 75% базовой ставки применяются в отношении товаров, происходящих из развивающихся стран – пользователей национальной системой преференций Российской Федерации.

По способу определения выделяют адвалорные, специфические и комбинированные ставки таможенной пошлины. Адвалорная ставка устанавливается в процентах к таможенной стоимости облагаемых товаров. Специфическая ставка таможенной пошлины взимается с веса, объема, штуки товара. Комбинированный способ таможенного обложения предполагает одновременное использование как адвалорных, так и специфических ставок таможенной пошлины.

Одной из основных функций таможенных органов является взимание таможенных пошлин, поэтому в целях реализации фискальной функции таможенной пошлины таможенные органы осуществляют следующие операции:

- контроль правильности определения классификационного кода по ТН ВЭД ЕАЭС;
- контроль правильности определения страны происхождения по товарам;
- контроль таможенной стоимости;

- контроль правильности исчисления и своевременности уплаты таможенных пошлин.

Белгородский таможенный пост входит в единую систему таможенных органов Российской Федерации. Поэтому в перечень функций, реализация которых возложена на пост, включены функции по обеспечению соблюдения участниками внешнеторговой деятельности мер таможенно-тарифного регулирования, такие как:

- контроль правильности исчисления и уплаты таможенных платежей;
- принятие в пределах своей компетенции решения об определении и о контроле таможенной стоимости товаров;
- принятие в пределах своей компетенции решения по определению страны происхождения товаров;
- принятие в пределах своей компетенции решения по классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Структура Белгородского таможенного поста разработана таким образом, чтобы эффективно выполнять все возложенные на него функции и быть активным звеном таможенной системы Российской Федерации.

Выполнение Белгородским таможенным постом возложенных на него функций по контролю соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования характеризуется показателями деятельности поста по взиманию таможенных платежей за 2011-2015 годы. В 2015 году на Белгородском западном таможенном посту было взыскано на 21,62% больше таможенных пошлин и налогов, чем в 2014 году, что в стоимостном выражении составило 837,7 млн. рублей.

Обеспечение соблюдения участниками внешнеторговой деятельности мер таможенно-тарифного регулирования при ввозе товаров в регионе деятельности Белгородского таможенного поста входит в компетенцию отдела таможенного оформления и таможенного контроля. В рамках осуществления указанной функции инспектора отдела на основании представленных участниками внешнеторговой деятельности к таможенному оформлению документов совершают операции контроля:

- правильности указанного кода товара по ТН ВЭД ЕАЭС в целях определения ставки подлежащей уплате ввозной таможенной пошлины;
- правильности заявленной страны происхождения товара для применения тарифных льгот;
- правильности рассчитанной таможенной стоимости, как налоговой базы для исчисления таможенной пошлины;
- правильности исчисления и полноты взимания суммы ввозной таможенной пошлины.

В условиях мирового экономического и финансового кризиса снизились объемы поступлений в доходную часть федерального бюджета за счет взимания таможенных пошлин в связи с уменьшением внешнеторгового оборота Белгородской области. По данным таможенной статистики только за два месяца 2015 года объем внешней торговли региона снизился в сравнении с аналогичным периодом 2014 года на 15% или на 1129,8 млн. долл. США.

Основные направления реализации таможенно-тарифной политики Белгородской таможни в условиях мирового финансового и экономического кризиса должны соответствовать целям социально-экономического развития Белгородской области. Поэтому деятельность таможенных органов по обеспечению соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования должна обеспечивать:

- макроэкономическую стабильность региона;
- повышение конкурентоспособности региональных предприятий на внешнем рынке;
- развитие международного экономического сотрудничества.

В этой связи основной стратегической целью деятельности таможенных органов на ближайшие три года является повышение уровня соблюдения таможенного законодательства Российской Федерации, обеспечение полноты и своевременности уплаты таможенных пошлин, налогов и таможенных сборов. Поэтому за период 2015-2018 годы для смягчения воздействия мирового

финансового и экономического кризиса на региональную экономику предполагается решение таможенными органами следующих тактических задач:

1. обеспечение сокращение задолженности перед федеральным бюджетом по уплате таможенных пошлин;
2. совершенствование таможенного законодательства Российской Федерации;
3. принятие мер по повышению уровня законности принимаемых таможенными органами решений в сфере таможенно-тарифного регулирования.

Кроме того, важное значение в целях обеспечения таможенными органами соблюдения участниками внешнеторговой деятельности мер таможенно-тарифного регулирования, предусмотренных законодательством Российской Федерации, имеет совершенствование организации таможенного контроля. В частности, имеется в виду оптимизация последовательности осуществления операций таможенного контроля, связанных с контролем соблюдения участниками внешнеторговой деятельности мер таможенно-тарифного регулирования: контроля правильности классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС, страны происхождения товара, таможенной стоимости и правильности исчисления и своевременности уплаты таможенных пошлин.

Таким образом, эффективное обеспечение таможенными органами соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности в современных экономических условиях позволит обеспечить реализацию фискальной функции таможенной пошлины, а также усилить её регулирующее воздействие на национальное производство. Кроме того, решение данной задачи позволит обеспечить эффективную и разумную защиту отечественных производителей от недобросовестной конкуренции со стороны зарубежных товаропроизводителей и экономическую безопасность страны, а главное – стабилизацию экономики России в ближайшей перспективе.

Литература

1. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением

Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17) (ред. от 08.05.2015) [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 50. – Ст. 6615.

2. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности [Текст] : федер. закон от 08 декабря 2009 г. №164 – ФЗ (ред. от 30.11.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 57. – Ст. 1–5.

3. О таможенном тарифе [Электронный ресурс] : федер. закон от 21 мая 1993 года № 5003-1 (ред. от 04.03.2014) Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Версия Проф».

4. Водянов, А.А. Таможенно-тарифная политика в контексте новых макроэкономических реальностей [Текст] / А.А. Водянов // Российский экономический журнал. – 2010. – № 5. – С. 87–95.

УДК 657.631

ОСОБЕННОСТИ АУДИТА ЭФФЕКТИВНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Немченко О.А.
к.э.н., доцент кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»,
Пересыпкина И.В.
магистрант НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

В современных условиях имеются объективные предпосылки для внедрения нового вида государственного аудита – аудита эффективности использования государственных ресурсов. Это требует изменения, модернизации ряда сложившихся в государстве систем управления финансовыми потоками (особенно бюджетного процесса), внедрения международных стандартов отчетности, корректировки функций финансовых ведомств страны. Необходимо провести большой объем научно-методической, организационно-практической и нормативно-правовой работы. Переход на новый вид государственного аудита использования государственных ресурсов,

особенно в условиях реализации современной концепции бюджетной системы страны, одна из важнейших задач Счетной палаты РФ и контрольно-счетных органов.

Переход бюджетного процесса на принципы результативности использования бюджетных средств, требует создания адекватных механизмов государственного аудита, позволяющих определять степень достижения запланированных социально-экономических результатов. Такие механизмы содержит аудит эффективности использования бюджетных средств, широко применяемый в государственном финансовом контроле зарубежных стран. Мировой опыт свидетельствует, что данный аудит оказывает существенное влияние на качество принятия и исполнения органами исполнительной власти решений в сфере управления государственными финансами, а также способствует повышению ответственности, прозрачности и подотчетности их деятельности.

В России аудит эффективности развивается применительно к аудиту использования государственных средств. Сущность данного вида аудита и его методические основы раскрыты в Методике проведения аудита эффективности использования государственных средств. Согласно Методике, под аудитом эффективности понимается проверка деятельности органов государственной власти и получателей государственных средств в целях определения эффективности использования ими государственных средств, полученных для выполнения возложенных на них функций и поставленных задач. По своему содержанию нормативно-методические документы, используемые для проведения подобного контроля, представляют традиционные методики ревизионного контроля, результаты которого представляются органам управления.

Методические особенности аудита эффективности связаны с формулировкой целей аудита, выделением специальных объектов аудирования, критериев оценки эффективности деятельности и методов получения доказательств в отношении этих аспектов аудита. Управленческий аспект

должен учитывать при описании особенностей деятельности организации и системы внутреннего контроля, а экономический аспект определяет направления контрольных процедур, методы их получения и содержание выводов, необходимых для достижения целей аудита.

Отечественный и зарубежный опыт оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов РФ основывается на сильной взаимосвязи между динамикой показателей социально-экономического развития территории и эффективностью деятельности публичных органов регионов и муниципалитетов, которые в ходе своей непосредственной деятельности и способствовали достижению данных показателей.

Проанализировав российский и зарубежный опыт оценки эффективности, был выявлен ряд следующих проблем:

1. Организационные проблемы. Отсутствует видимая взаимосвязь деятельности органов государственного аудита с региональным развитием.

2. Политические. Перенесение современных политтехнологий в сферу оценки, в результате чего теряется объективность оценки.

3. Методологические. Существующие методики оценки стоимости даже относительно простых объектов несовершенны, подходы к оценке стоимости страдают эмпиризмом, что ведет к появлению различных данных. Финансовыми показателями очень сложно оценить результаты проведенных мероприятий, так как они проявляются по истечении определенного периода времени.

Поэтому в диссертационном исследовании предложен сбалансированный набор показателей, сочетающий финансовые и нефинансовые показатели, которые способны дать дополнительную информацию об экономической эффективности, обращенной в будущее.

Предложенные базовые показатели эффективности на основе сбалансированной системы показателей, определяемых исходя из принятого содержания деятельности органов государственного аудита и структуры бюджетных показателей, учитывают несколько видов деятельности: контрольную, аналитическую, экспертную, аудитную.

На основе принятых целей деятельности органов государственного аудита (ОГА), критериев и показателей эффективности работы контрольно-счётного органа можно оценивать ежемесячно в текущем режиме и нарастающим итогом в течение года.

При проведении аудита эффективности необходимо рассматривать состав показателей эффективности, надёжность систем получения информации для формирования этих показателей; уровень и качество бюджетных услуг при использовании результатов опросов потребителей этих услуг; влияние результатов работы органа государственного управления и результатов реализации программ на окружающую среду; адекватность системы управленческого контроля. Это связано с тем, что государственный аудит является частью управленческого процесса, а его результаты должны использоваться для принятия конкретных управленческих решений по повышению эффективности расходования бюджетных средств и быть доступными для заинтересованной общественности.

При проведении государственного аудита главной становится задача выделения основных структурообразующих расходов и выбора критериев эффективности. Необходимо определить, какие результаты контроля (качественные и в количественном выражении) следует использовать, чтобы на их базе и на основе выделенных критериев сформулировать показатели эффективности.

Так, после принятия закона о бюджете на соответствующий год можно полагать, что точкой отсчёта эффективности государственных или муниципальных расходов становится ожидаемая эффективность, которая была определена при обосновании проекта соответствующего бюджета. То есть закон о бюджете устанавливает целесообразное и эффективное с точки зрения задач государственной политики расходование бюджетных средств.

Роль государственного аудита в данном случае заключается в помощи исполнительным органам власти в реализации бюджетных назначений в строгом соответствии с законом о бюджете, путем выявления несоответствия показателей качества расходования средств с установленными законом нормами,

анализа причин этих несоответствий и выработки предложений по устранению выявленных причин и восстановлению законности расходов государственных средств. Поэтому, говоря об эффективности использования государственных средств, следует иметь в виду и качественный результат и количественно выраженную степень приближения произведенных затрат к намеченной цели, то есть в сопоставлении с расходами, заложенными в экономической классификации бюджета.

Оценить эффективность использования государственных средств можно только с помощью системы критериев и показателей, иначе оценка, данная на основе предпочтения того или иного критерия или показателя, будет односторонней. Не может быть абсолютных, раз и навсегда данных показателей эффективности использования государственных средств. Экономическая специфика государственных расходов такова, что она требует разных качественно-количественных оценок результатов их реализации.

Итак, для оценки эффективности государственных расходов определяются соответствующие критерии и показатели, которые для каждого контрольного мероприятия вырабатываются особо в зависимости от поставленных целей, решаемых в ходе аудита эффективности задач, ожидаемых его результатов и т.д. Критерии, как правило, базируются на научных достижениях в соответствующей области, на существующих стандартах и инструкциях, а также на результатах предварительного изучения механизмов контроля за управлением тех или иных расходов, той или иной программой. Критерием оценки эффективности может служить также положительный пример, сравнение с результатами работы при реализации аналогичных проектов, программ, других расходов.

Так, при проведении государственного аудита субъектом ведомственной структуры расходов бюджета в качестве критериев могут быть выбраны полнота и результативность исполнения государственных функций и состояние сферы его ответственности; при проведении аудита эффективности исполнения государственных заказов (услуг) той или иной организацией – своевременность, полнота и экономичность исполнения государственного заказа; при проведении

аудита эффективности исполнения государственных программ – экономичность и результативность; при проведении аудита эффективности использования бюджетных средств – соотношение бюджетных затрат и результатов от их использования.

Критерии определяются на основе:

- действующих законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность или сферу действия объекта аудита эффективности;

- общепринятых норм, которыми руководствуется объект аудита эффективности в практической деятельности;

- материалов предыдущих контрольных мероприятий.

Разработка критериев проводится с целью обеспечения объективности оценки эффективности использования государственных средств. Поэтому они должны, во-первых, отражать особенности той сферы деятельности объектов, которая подвергается аудиту, во-вторых, соответствовать целям аудита и, в третьих, быть достаточными, чтобы на основе их совокупности можно было бы сделать аргументированные выводы о степени эффективности использования государственных средств и разработать предложения по устранению причин, если таковые будут установлены, порождающих их неэффективное использование. Кроме того, критерии должны быть четко сформулированы, чтобы исключить возможность какой-либо их интерпретации, и сравнимы с другими критериями, используемыми при проведении аудитов эффективности на других объектах с аналогичной сферой деятельности. Они не должны вызывать возражений у законодательной власти и быть доступными к пониманию средствами массовой информации и общественностью.

Для исключения разногласий с руководством объектов аудита эффективности выработанные критерии доводятся до руководства этих объектов.

По каждому критерию определяются направления деятельности, по которым осуществляется оценка, и относящиеся к ним соответствующие количественные или качественные критериальные показатели.

Если критерии служат мерилем достижения цели, то показатели – это, прежде всего, различные количественные измерители самого критерия. Однако, в зависимости от цели, предмета и объекта аудита эффективности при оценке эффективности государственных расходов могут быть использованы и качественные критериальные показатели.

Непосредственная оценка эффективности использования государственных ресурсов осуществляется членами экспертного совета, формируемого контрольно-счетным органом, проводящим аудит эффективности, в следующей последовательности:

- во-первых, на основе собранной и проанализированной информации устанавливаются количественные критериальные показатели;
- во-вторых, на основе материалов контрольного мероприятия определяются качественные критериальные показатели и осуществляется их экспертная оценка;
- в-третьих, на основе установленных количественных критериальных показателей и экспертных оценок по качественным показателям осуществляется экспертная оценка по каждому критерию.

При этом следует иметь в виду, что характеристика эффективности использования государственных средств может иметь в большей степени качественный, нежели количественный характер.

Создание действенной системы внутреннего контроля, на которую и ляжет основная нагрузка по проверке достоверности отчетности и соблюдению законодательства экономическими субъектами, освободит внешние органы государственного финансового контроля от проверок целевого характера расходования государственных средств и сосредоточиться на аудите эффективности. При этом новая форма контроля должна включать не только анализ результативности бюджетных проектов, но и причин неэффективного

использования государственных средств и на основе этого разрабатывать рекомендации по совершенствованию бюджетного процесса и действующего законодательства, а также, при необходимости, экономической политики государства.

Таким образом, неотъемлемым условием перехода к аудиту эффективности является наличие политической воли, реальное желание законодательной власти контролировать и оценивать деятельность исполнительной власти. Как правило, такие предпосылки создаются в ходе проведения и совершенствования административных реформ.

Литература

1. Об аудиторской деятельности [Электронный ресурс]: закон РФ от 30 декабря 2008 г. №119-ФЗ (ред. от 01 декабря 2014 г.) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Разд. «Законодательство».

2. Афанасьев, М.П. Взаимосвязь аудита эффективности и финансового анализа [Текст] / М.П. Афанасьев // Финансовый контроль. 2010. – № 10. – С. 50.

3. Афанасьев, М. Модернизация государственных финансов [Текст] / М. Афанасьев – М. : Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2009. – 440 с.

4. Голодова, Ю.С. Рынок аудиторских услуг России: анализ результатов, проблем и перспектив [Текст] / Ю.С. Глущенко // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2010. – №8. – С. 86 - 90.

РОССИЙСКО-ИТАЛЬЯНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Нестеренко В.Л.
студентка кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»,
Кузьмина В.М.
к.и.н., доцент кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»,
Черкасова Н.Н.
к.и.н., доцент кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»
Россия, г. Курск

Многие регионы Италии в последнее время, особенно в связи с кризисом, начинают активно выходить на международный рынок. Кризис сильно ударил по крупным итальянским компаниям, что отразилось на их финансовом состоянии. В то же время количество членов Итало-Российской торговой палаты в кризис выросло. В отличие от предпринимателей многих других стран ЕС, итальянцы практически не сократили своего присутствия в России в период кризиса, а в последнее время их активность здесь даже возросла. Основное присутствие итальянских малых предприятий в России приходится на сектор одежды, обуви, кулинарии [1].

Итало-Советская торговая палата была учреждена в 1968 году как инструмент делового сотрудничества Италии с СССР. В таком виде она просуществовала до 1992 года, когда ей пришлось искать новые форматы работы в новых экономических условиях, разрабатывать иной спектр услуг для российского и итальянского бизнеса. С 90-х годов Итало-Российская торговая палата стала уделять значительно больше внимания поддержке малых и средних компаний, ведущих деятельность на территории России и Италии. Хотя Итало-Российскую торговую палату в 1968 году создавали такие промышленные гиганты, как, например, Fiat, Eni, Pirelli, изначально подразумевалось, что организация будет содействовать привлечению в проекты крупного бизнеса

небольших фирм. В том же проекте Fiat по созданию автозавода «Жигули» в Тольятти (итальянская Fiat стояла у истоков создания завода «Автоваз» и первых моделей автомобилей ВАЗ в 60-70-е годы) участвовали сотни, если не тысячи малых и средних итальянских компаний, обеспечивших производство необходимыми компонентами. В подписанном 14 октября 1994 года Президентом России и премьер-министром Италии Договоре о дружбе и сотрудничестве между Россией и Италией отмечалось, что акцент в деятельности Итало-Российской торговой палаты будет сделан именно на оказание практической помощи малым и средним фирмам, не имеющим опыта и не располагающим квалифицированным персоналом в области внешнеэкономической деятельности. Сейчас более 90% членов палаты - представители малого и среднего бизнеса, организация помогает им выходить на международный уровень. Естественно, речь не идет о политической поддержке - такого рода вопросы решают посольства, консульства, торгпредства. Итало-Российская торговая палата помогает на «повседневном уровне» - предоставляет консультации, разъясняет налоговые и таможенные правила, устанавливает деловые контакты, помогает в получении виз. Российский предприниматель может заказать у нас маркетинговое исследование интересующих его секторов итальянского рынка [7].

Стороны также содействуют в создании совместных предприятий в своих странах. Около 300 российско-итальянских совместных предприятий уже созданы в России. Такие предприятия действуют в швейной, кожевенной, пищевой, электротехнической, нефтехимической и других отраслей промышленности. Работают свыше 20 смешанных компаний с участием российских предприятий и организаций в Италии. Они торгуют машинами, рыбопродуктами, древесиной, нефтепродуктами металлами, химическими веществами, лекарствами, и др. В 1993 г. ГАЗПром с итальянской Eni Group подписали соглашение о сотрудничестве в газовой отрасли. Это соглашение является хорошим примером усилий для улучшения двустороннего торгового баланса. Оно также может рассматриваться как важный шаг на пути к

интенсивному двустороннему промышленному и технологическому сотрудничеству, которое в настоящее время происходит в области энергетики. Реализация данного Соглашения позволит внести существенный вклад в развитие и использование энергетических ресурсов России, а также позволит создать новые рабочие места в Италии (по производству капитальных и потребительских товаров и услуг, с немало итальянских поставщиков, принимающих участие в этом процессе).

Между тем, Итало-Российская торговая палата плотно взаимодействует с правительствами Италии и России через участие в Межправительственном совете по экономическому, научно-техническому и финансово-кредитному сотрудничеству. Палата также является исполнительным секретариатом Комитета предпринимателей по деловому сотрудничеству между Россией и Италией, действующего под эгидой Межправительственного совета. На заседаниях комитета предприниматели осуждают волнующие их вопросы - законодательство, визы, квоты, миграционную политику. Надо отметить, что Комитет является местом, где предприниматели могут не только высказаться, но и на месте получить оперативную реакцию со стороны представителей посольств России и Италии.

Сотрудничество между регионами России и Италии получило свое дальнейшее развитие в 2011 году. В основе двусторонних связей на межрегиональном уровне лежат как исторически сложившиеся связи, так и инициативы, получившие свое продолжение в последнее время на основе существующих межгосударственных механизмов.

В данном контексте необходимо отметить, что развитие межрегиональных связей соответствует интересам итальянского бизнеса, и это обстоятельство, в свою очередь, отражается и в торгово-политических подходах правительственных кругов Италии к вопросу о развитии прямых экономических отношениях между регионами России и Италии.

Здесь можно назвать ряд причин:

– рост конкурентной борьбы на мировых рынках побуждает крупный и средний итальянский бизнес переходить от сделок коммерческого характера к инвестиционному сотрудничеству;

– реализацию инвестиционных проектов, по вполне понятным причинам, проще и быстрее осуществлять на уровне регионов, минуя центральные органы власти;

– итальянские предприятия, давно работающие в России, четко понимают, что рынки Москвы и Санкт-Петербурга насыщены и для развития своего бизнеса им необходимо работать с регионами;

– федерализация Итальянского государства, передача многих полномочий от центра областным органам, в том числе передачи права осуществлять внешнеэкономическую деятельность, упрощают некоторые организационные и бюрократические аспекты внешнеэкономической деятельности итальянских предприятий;

– преобладание в итальянской экономике малых и средних предприятий (их более 1,5 миллионов) делает невозможным их выход на внешние рынки через центральные органы содействия экспорту товаров или капиталов. Отсюда – заинтересованность малого и среднего бизнеса Италии в контактах на региональном уровне и, как следствие, выход на внешние рынки при содействии либо областных органов власти, либо областных агентств по содействию экспорту;

– аналогичным образом, предприятия российских регионов заинтересованы в контактах с иностранными, в том числе с итальянскими бизнесменами, при содействии или при посредничестве областных администраций.

В силу вышеуказанных причин межрегиональные связи между субъектами Российской Федерации и областями Италии имеют экономическую основу и одновременно являются одним из важнейших элементов всего комплекса торгово-экономических отношений между Россией и Италией [3].

Среди основных регионов, развивающих в течение последнего времени торгово-экономические связи с итальянскими компаниями и нацеленных на углубление двустороннего сотрудничества можно отметить следующие субъекты Российской Федерации.

Липецкая область.

Компания «Индезит Компани» (до 2004 г. – «Мерлони Элеттродоместичи») в рамках развития производства в Липецкой области (Особая Экономическая Зона) осуществляет программу по инвестированию 95 млн. евро в период с 2007 г. по 2011 г. в увеличение производственной мощности завода стиральных машин, дальнейшую модернизацию завода холодильников, расширение логистического центра. С 2002 по 2006 годы «Индезит Компани» инвестировала в Россию около 250 млн. евро.

С 1 мая 2010 года начала деятельность компания ООО «Индезит рус», которая наделена функциями импортера. Регистрация компании ООО «Индезит рус» позволяет осуществлять продажу техники как европейского так и российского производства через логистический центр в Липецке. На период 2010-2012 г.г. компания планирует инвестировать 40 млн. евро в создание логистического центра в данной ОЭЗ: складские помещения будут увеличены на 23 000 кв. м, таким образом, общая площадь составит 77 000 кв.м. По заявлениям руководства «Индезит Компани», компания продолжит исполнение взятых на себя инвестиционных обязательств в рамках развития производственного комплекса в Липецкой области.

Республика Татарстан

На территории республики развивается Особая экономическая зона «Алабуга» с участием с участием итальянской автомобильной компании ФИАТ. С 2008 году осуществляется производство автомобилей «FiatDucato». В этот же период на территории Республики Татарстан было начато производство седана «FiatLinea» [3].

Ведется работа по реализации соглашения между компанией ОАО «Камаз» и входящей в состав группы компаний «Фиат» компанией «Кейс Нью Холланд»

(CaseNewHolland) о создании двух совместных предприятий по производству сельскохозяйственной и строительной техники. 22 марта 2010 года состоялось подписание соглашения акционеров, в результате чего компания «Кейс Нью Холланд» стала участником совместных предприятий.

Доли в новой компании «CNH-KAMAZ Industrial BV» принадлежат партнерам на равной паритетной основе. Деятельность нового СП будет осуществляться на производственных площадях ОАО «Камаз» в Набережных Челнах. Реализация проекта на первом этапе планируется на 46 тыс.кв.м. производственных площадей. В долгосрочной перспективе при расширении модельного ряда и росте объемов зарезервировано еще 54 тыс. кв. м. Произведенная техника предназначена для поставок, прежде всего, на внутренний рынок России, а впоследствии – и в другие страны СНГ. Запланированные начальные инвестиции в 70 млн. долл. позволят выпускать до 4000 ед. техники в год, включая семейство комбайнов с двигателями мощностью 300 л.с., два вида тракторов с 300-535-сильными моторами, а также строительную технику.

«Евробой» и «Текнимонт» работают над реализацией соглашения с ООО «ХайТек Консалтинг» и ОАО «Нижекамскнефтехим», предусматривающего организацию производства полимерных композитных материалов (г. Нижнекамск), в частности полимерного нетканого полотна «Спандбонд».

ООО «ЗАСС Алабуга», принадлежащее итальянской компании «Де Лонги» занимается производством бытовых масляных электрообогревателей и других бытовых электроприборов.

Итальянская «Текнимонт» осуществляет строительство завода по производству полипропилена на базе ОАО Нижнекамскнефтехим».

Свердловская область

Сотрудничество осуществляется по широкому кругу вопросов, как на уровне региональных администраций, так и в рамках инвестиционных соглашений между отдельными компаниями [5].

Между правительствами Свердловской области и области Лигурия в 2002 году было подписано Соглашение о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и гуманитарной областях. Работа в рамках данного соглашения получила развитие в дальнейшем, в том числе, в рамках состоявшегося в г. Сан-Ремо (Лигурия) в 2008 году заседания Рабочей группы по созданию промышленных округов, сотрудничеству в сфере малого и среднего бизнеса.

Продолжается деятельность Рабочей группы «Италия – Свердловская область» в качестве последних инициатив, в частности, обсуждались предложения Администрации Свердловской области о строительстве на территории области фармацевтического завода с участием итальянской компании.

Серьезные позиции в Свердловской области имеет итальянский энергетический концерн «ЭНЕЛ», который реализует инвестиционную программу модернизации расположенной на территории области Среднеуральской ГРЭС (входит в состав ОГК-5).

Итальянская группа «Буцци Уничем» завершила реализацию инвестиционного проекта по строительству линии по производству цемента сухим способом в городе Сухой Лог Свердловской области. Компания «Буцци Уничем» является основным акционером нового совместного предприятия. В августе 2010 года состоялось открытие «пятой технологической линии» производительностью 1,3 млн. тонн цемента в год. С учетом уже действующих 4 линий, предприятие может выпускать до 3,6 млн. тонн цемента в год. Общая сумма инвестиций составила более 240 млн. евро.

В ходе состоявшегося в октябре 2010 года в г. Екатеринбурге бизнес-форума «Россия-Италия: активизация межрегионального сотрудничества» губернатором Свердловской области А.С. Мишариным и председателем Совета директоров «Банка Интеза» подписано соглашение о сотрудничестве.

Республика Башкортостан

Представители администрации Республики Башкортостан приняли участие в состоявшемся в ноябре 2010 года заседании Рабочей группы по созданию промышленных округов и по сотрудничеству в сфере малого и среднего бизнеса. В рамках мероприятия был подписан протокол о намерениях между Правительством Республики Башкортостан и Итало-Российской торговой палатой. Стороны данного документа выражают заинтересованность в развитии сотрудничества в области проведения совместных мероприятий по развитию внешнеэкономической деятельности и оказания содействия в реализации совместных проектов (в кожевенном производстве, высокотехнологичном машиностроении, производстве оборудования для переработки сельскохозяйственной продукции, организации технопарков с участием предприятий малого и среднего бизнеса), а также проведении выставочно-ярмарочных мероприятий.

В соответствии с высказанной заинтересованностью руководства Республики Башкортостан ведется проработка вопроса установления отношений двустороннего сотрудничества Республики с областью Венето.

Московская область [4]

Продолжается сотрудничество ОАО «Вертолеты России» (входит в корпорацию «Оборонпром») и итальянской фирмы «Аугуста Вестланд» («AugustaWestland»), являющейся одним из крупнейших в Европе производителей вертолетной техники. Стороны приступили к реализации проекта по лицензионному производству вертолетов AW139. Ведется подготовка производства на площадях ОАО «Камов» в Московской области, где также будет размещен и российско-итальянский сервисный центр для обслуживания вертолетов. Общая стоимость строительства оценивается в 12 млн. евро. По информации Генерального проектировщика ОАО «ИстСтрой» на проектные работы потребуется 6-7 месяцев, а на строительные работы 3-4 месяца. Производство вертолетов AW139 планируется начать в 2011 году, при этом ежегодно будет производиться до 24 вертолетов.

В 2010 году состоялось открытие совместного предприятия итальянского пищевого концерна «Кремонины Групп» по производству мясных полуфабрикатов. Производство расположено в Московской области (г. Одинцово). На начальном этапе предполагается, что мощность цеха по производству гамбургеров составит 25 тыс. тонн продукции в год, а в дальнейшем может достигнуть 50 тыс. в год. Складские помещения составляют более 13 тыс. тонн. Срок окупаемости проекта, инвестиции в который составили 100 млн. евро, - 10 лет. Завод будет обслуживать рестораны сети быстрого питания «Макдональдс», расположенные на российской территории.

Санкт-Петербург

По имеющейся информации, накопленные итальянские инвестиции превысили 30 млн. долларов США, большая часть из которых является прямыми инвестициями.

В настоящее время реализуется проект по организации в Санкт-Петербурге производства легкорельсового подвижного состава (выполнение Меморандума о намерениях, подписанного в рамках шестого раунда расширенных межгосударственных консультаций 3 декабря 2009 года). Предусмотрено привлечение итальянских технологий (концерн «Финмекканика») в Российскую Федерацию в рамках реализации данной инициативы.

Калужская область

В марте 2010 г во Флоренции состоялось подписание инвестиционного соглашения между Калужской областью и компанией «Берлин Хеми», входящей в итальянскую Группу компаний «Менарини», о строительстве фармацевтического завода. В настоящий момент «Менарини» является ведущей фармацевтической компанией в России с долей рынка около 4 %. «Берлин Хеми» разместит свое производство в технопарке Грабцево на земельном участке в 5 гектар. На первом этапе в Калуге будет запущена линия упаковки лекарственных препаратов (2013 год), позже начнет работать производство лекарственных препаратов полного цикла (2014 год). Общий объем инвестиций составляет 30

млн. евро. При выходе на проектную мощность на заводе будет создано 150 рабочих мест.

В рамках заседания состоявшегося в июне 2010 года в Калуге заседания Рабочей группы по созданию промышленных округов, сотрудничеству в сфере малого и среднего бизнеса соглашение между Правительством Калужской области и итальянской компанией «Боццола С.П.А.» о развитии сотрудничества в агропромышленном комплексе. Прямые инвестиции компании «Боццола С.П.А.» в связи с реализацией на территории Калужской области комплекса по приемке, хранению и отпуску зерновых и масленичных культур должны составить 50 млн. евро в период до 2013 г.

Успешно реализуется проект создания производства по переработке фруктов, в котором участвует итальянская компания.

Ярославская область

Сотрудничество Ярославской области с итальянскими компаниями фактически было начато в рамках состоявшегося в ноябре 2010 года заседания Рабочей группы по созданию промышленных округов и по сотрудничеству в сфере малого и среднего бизнеса. По итогам состоявшихся в ходе мероприятия переговоров был подписан Протокол о намерениях между «ОТС DoorsSrl», «DomenicoCaffarcchiaAgenzia» и ООО «Титан» (Ярославская область) о создании в г. Ярославле «Дома Италии». Установленные контакты получили свое дальнейшее развитие, в начале 2011 года по приглашению администрации Ярославской области состоялся визит делегации итальянских предприятий («С&D», «Полигал Сервис» и др.). В рамках данного мероприятия достигнуты предварительные договоренности о развитии сотрудничества в области возобновляемых источников энергии и переработки мусора.

Ульяновская область

По итогам состоявшегося в ноябре 2010 года заседания Рабочей группы по созданию промышленных округов и по сотрудничеству в сфере малого и среднего бизнеса были подписаны Протокол о намерениях между Правительством Ульяновской области и «LegaNavaleItaliana» -

Сабаудиа/Латина (о создании «экопорта») и Протокол о намерениях между «WorldAreaHoldingSrl» и НПО «Автопроммеханизация» (Ульяновская область). Двустороннее торгово-экономическое сотрудничество Ульяновской области с итальянскими компаниями получит свое развитие в ближайшей перспективе, на май 2011 года в Ульяновске запланировано проведение очередного заседания Рабочей группы по созданию промышленных округов и по сотрудничеству в сфере малого и среднего бизнеса. В рамках данного мероприятия будут организованы 6 круглых столов по следующим темам: сотрудничество в сфере возобновляемых источников энергии, альтернативной энергетики, энергосберегающих технологий; портовые ОЭЗ и сотрудничество в сфере судостроения; сотрудничество в области машиностроения (автомобилестроение, авиастроение и производство комплектующих, оборудование для легкой промышленности); сотрудничество в сфере деревообработки, производства мебели, предметов интерьера, производства строительных и отделочных материалов; сотрудничество в сфере пищевой и перерабатывающей промышленности, а также финансовые инструменты поддержки сотрудничества между малыми и средними предприятиями. Основной акцент делается как на расширение экспорта из России, так и на привлечение итальянских инвестиций.

Из последних инициатив в рамках российско-итальянского регионального сотрудничества следует отметить следующие.

В августе 2010 года состоялся визит делегации провинции Больцано-Южный Тироль в Алтайский край, в ходе которого был подписан договор о сотрудничестве между Алтайским краем и провинцией Больцано-Южный Тироль. Один из проектов предполагает создание и реализацию концепции единого горнолыжного комплекса на базе города-курорта Белокуриха (стоимость проекта 120 тыс. евро).

В мае 2010 года состоялся Экономический форум в г. Бари. В рамках мероприятия было подписано Соглашение о сотрудничестве между г. Сергиев Посад и г. Бари. В ноябре 2010 года состоялся визит делегации г. Сергиев Посад

во главе с мэром города С.Коротковым в г. Террачино, в ходе которого был подписан Протокол об экономическом и культурном сотрудничестве между г. Террачино и г. Сергиев Посад. Кроме этого, делегация Сергиева Посада ознакомилась с деятельностью агропромышленного и рыболовного сектора – ведущих отраслей региона, состоялась встреча с председателем Торговой палаты г. Террачина.

Активно развивается продвижение в Италии инвестиционных возможностей Пермского края. В ходе 2010 года состоялась презентация российского региона. С учетом высказанной администрацией региона заинтересованности работа по установлению двусторонних торгово-экономических отношений будет продолжена.

В ходе 2010 года состоялись презентации и подписание соглашений о сотрудничестве Ивановской и Пензенской областей с регионом Ломбардия. В частности, губернатором Ивановской области М.А. Менем и президентом области Ломбардия Формигони был подписан Протокол о намерениях между Ивановской областью и областью Ломбардия. Также был подписан Протокол о намерениях между Пензенской областью и областью Ломбардия.

В конце 2010 года состоялся визит представительной делегации администрации и деловых кругов Челябинской области во главе с Губернатором М.В. Юревичем. Состоялась презентация экономического потенциала Челябинской области в Институте внешней торговли Италии и в Ассоциации итальянских промышленников (Конфиндустрия). Помимо Рима делегация посетила предприятия г. Генуя, Милан, Пьяченца. Установленные двусторонние торгово-экономические контакты получили свое развитие в 2011 году.

Курская область

Внешняя торговля Курской области сегодня охватывает все страны СНГ и более 50 государств дальнего зарубежья. Внешнеторговый оборот Курской области по итогам 2007 года увеличился к уровню 2006 года на 35,9% и достиг 1101,0 млн. долл. США, в том числе экспорт – 657,2 млн. долл. США и импорт – 443,8 млн. долл. США. Номенклатуру экспортируемых товаров составляют:

продукция черной металлургии в т.ч. руды и концентраты железные, продукция нефтехимического комплекса, машиностроительная продукция, продовольственные товары и сырье для их производства, кожевенное сырье и изделия легкой промышленности, древесина и изделия из нее. Ведущими экспортерами Курской области являются: ОАО «Михайловский ГОК», ЗАО «Курскрезинотехника», ООО «Курский завод «Аккумулятор», ООО «Курская кожа», Курское ОАО «Счетмаш», ООО ТД «Электроаппарат», ЗАО «ГОТЭК», ОАО «Кореневский завод низковольтной аппаратуры», ОАО «Геомаш», ОАО «Курскмедстекло», ООО «Текстильторг».. В стоимостной структуре импорта ведущее место занимают машины и оборудование, продукция нефтехимического комплекса, древесина и изделия из нее, продовольственные товары, продукция черной металлургии, изделия легкой промышленности.

В 2010 году, несмотря на сложный посткризисный период мирового экономического развития, как для Италии, так и для России, российско-итальянское сотрудничество на межрегиональном уровне получило дальнейшее развитие. Кроме того, активизировался процесс проведения презентаций долгосрочных планов развития и инвестиционных возможностей российских регионов непосредственно в Италии. Следует отметить, что география проведения подобных презентаций в Италии значительно расширилась вследствие как интересов самих российских регионов, так и расширения круга итальянских регионов, заинтересованных в развитии сотрудничества с Россией [2].

Таким образом, в современных условиях процесс развития межрегиональных связей приобретает все более интенсивный характер и во многих случаях становится определяющим фактором развития торгово-экономического сотрудничества между субъектами РФ и итальянскими областями.

Представляется необходимым, с учетом важности сотрудничества по созданию итальянской модели промышленных округов, как можно шире вовлекать в работу по этому направлению новые российские регионы. В

настоящее время в деятельности Рабочей группы по промышленным округам вовлечены около 20 российских и 10 итальянских регионов. Кроме того, имеющаяся практика показывает перспективность заключения двусторонних межрегиональных соглашений и протоколов о намерениях по различным направлениям сотрудничества, что позволяет организовать плановую работу по реализации имеющихся перспектив взаимодействия.

Литература

1. Кузьмина В.М. Анализ международных ситуаций.-Курск: ЮЗГУ, 2016.
2. Кузьмина В.М. Теория и история дипломатии.- Курск: ЮЗГУ, 2015.
3. Контракт века: Фиат и политические предпосылки советско-итальянской экономической связи [Электронный ресурс]. - Режим доступа: // regconf.hse.ru/.../12943cfffda1b3bc333c318afc0e9a9b7653f082.doc
4. Маслова Е.А Россия Италия: итоги ушедшего года [Текст]: статья / Е.А. Маслова // Россия и государства Аппенинского полуострова на современном этапе. - М., 2012. - С.94-105.
5. Сотрудничество Свердловской области с Итальянской Республикой [Электронный ресурс]. - Режим доступа // <http://mvs.mid> http://www.psm-hydraulics.ru/files/file_b337b25061de2df63a3cd697a806f0c0.pdf <http://ural.ru/italiya>.
6. Уральское машиностроение стало приоритетным направлением для итальянских инвесторов [Электронный ресурс]. - Режим доступа // <http://www.pumori.ru/news/industry/2010/11/10/817>.
7. Россия и Италия договорились интенсифицировать сотрудничество в промышленном секторе [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20100416180309.shtml>.

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА В РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ¹

Реутов Е.В.

доцент, профессор кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»

Колпина Л.В.

к. с. н., доцент кафедры социальных
технологий НИУ «БелГУ»

Россия, г. Белгород

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении специфики трансформации культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов России и Украины в условиях усиления конфликтности межгосударственных отношений. В статье на основе данных массового и экспертного опросов респондентов России и Украины доказывается, что в последние десятилетия в граничащих между собой регионах этих стран происходит изменение культурно-цивилизационных идентичностей, связанное, прежде всего, с принятием странами новой трактовки истории и определением новых друзей и врагов. Процессы формирования культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличаются динамикой и вектором изменений. Применительно к российским приграничным регионам следует говорить о модификации идентичности, а к украинским - о радикальных изменениях на основе конфликтного противопоставления позиций государств и народов друг другу. Культурно-цивилизационная идентичность российских регионов распространяется на приграничные регионы Украины, в то время как в соседствующих с Россией регионах Украины она тяготеет к дистанцированию от России при, одновременно, высокой ориентации на нее.

¹ Статья подготовлена в рамках Задания №2014/420 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев)

Ключевые слова: Россия, Украина, культурно-цивилизационная идентичность, приграничный регион, кризис.

THE RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS CRISIS INFLUENCE ON TRANSFORMATION OF CULTURAL AND CIVILIZATION IDENTITY OF BORDER REGIONS POPULATION

Summary. The purpose of the work consists in detection of specifics of transformation of cultural and civilization identity of the border regions of Russia and Ukraine population in the conditions of strengthening of a conflictness of the interstate relations. It is proved in the article on the basis of data of mass poll and the poll of Russian and Ukrainian experts that in the last decades in the regions of these countries adjoining among themselves there is a change of cultural and civilized identity, caused, first of all, due to the new history interpretation acceptance by the countries and new friends and enemies determination. The cultural and civilized identity formation processes in Russia and Ukraine significantly differ in dynamics and in vector of changes. If in the Russian border regions there is more likely an identity modification, in Ukrainian – it is its radical change on the basis of conflict opposition of states and the people positions to each other. If the Russian border regions population identifies itself with inhabitants of adjacent Ukrainian regions in the cultural and civilized relation, in the regions of Ukraine adjoining to Russia their inhabitants are inclined to a distancing from Russia in a bigger measure. Cultural and civilized identity of Russian regions has more settled lines whereas in Ukraine it is characterized by diffusion, instability, mosaicity.

Such situation is caused by a historical difference of «starting» positions of both countries, specific factors of each country development at the present stage. The difference of «starting» positions is caused by that after the USSR collapse the formation of Russia and Ukraine as sovereign states demanded the sociocultural bases that support political trends of countries differentiation, the important place among which was taken by the process of original, authentic civilized and cultural identities formation. However for Russia as the USSR right receiver, including, the aspect of its

civilized and cultural identity with traditionally expressed «imperial» component, such problem didn't rise so sharp as for Ukraine which had to define new installations, values, priorities in all spheres of activity, to carry out cultural and civilized self-determination with formation of the corresponding identity. As a result, the Russian border regions were more focused on sociocultural integration with Ukrainian. In Ukraine the reidentification mechanism with the Soviet identity became more active which became a new cultural and civilized identity formation basis including for its border regions.

Keywords: Russia, Ukraine, cultural and civilized identity, border region, factors, conditions, crisis

Введение

Проблема культурной и цивилизационной идентификации последние годы активно обсуждается в научном дискурсе [1; 5; 7; 10; 11; 13; 14; 15]. Культурно-цивилизационная идентичность представляет собой совокупность представлений человека о своей принадлежности к конкретной культурно-цивилизационной общности и характеризует соотношение личности или группы с исторически сложившейся системой ценностей, форм сознания и структур, стилей поведения, групповых форм культурных стандартов. Как любой другой вид социальной идентичности, она задает специфику социальных практик, обеспечивает «чувство принадлежности к собственному сообществу, придает смысл и значимость самой жизни, укрепляет чувство взаимной ответственности и сопричастности, уменьшая тем самым чувства одиночества и отчуждения [5]», что особенно важно в «эпоху кризиса идентичности», характерного для большинства современных обществ [4; 6.], что обусловлено, в первую очередь, процессами глобализации [3; 9; 10].

Культура является универсальным механизмом самоопределения, «самости» как на индивидуальном, так и на групповом, в том числе, национальном и даже наднациональном уровнях: «культурные образцы являются центром организации всей совокупности подсистем в системе действия» [12:698]. Среди культурных образцов или «культурной системы

действия» (в терминологии Т. Парсонса) особое место занимают устойчивые образования, связанные с историческим развитием общества, сформированные под влиянием системных для него факторов. Эти факторы имеют двухуровневый и более характер. На первом уровне действуют природно-климатические, геополитические, лингвистические, демографические и др. факторы, определяющие базовую специфику тех или иных обществ, их отношения с окружением. Данная группа факторов формирует политическое, нормативно-ценностное, религиозное своеобразие обществ. И это своеобразие, по прошествии определенного исторического времени само становится основой «культурной матрицы» обществ.

Естественно, процесс глобализации способствует размыванию культурно-цивилизационной идентичности. С одной стороны, во всем мире осуществляется экспансия культурных образцов, истоки которых лежат в европейской и североамериканской (западно-христианской) культурах. С другой – сами эти образцы все более утрачивают свою культурную специфику, унифицируясь под влиянием идеологии рыночной экономики и массового потребления. В обществах, принадлежащих к ареалу западно-христианской культуры, происходят процессы социальной атомизации и нормативно-ценностной дифференциации. При этом они также испытывают сильнейшее миграционное давление со стороны обществ, принадлежащих к иным культурно-цивилизационным типам.

Глобализационные процессы, совпавшие по времени с распадом СССР и образованием новых постсоветских государств, усилили кризис традиционных идентичностей на территории современного евразийского пространства. Одним из следствий этого стало утверждение специфического типа социокультурной аномии, выступающей в форме комплекса неопределенностей, детерминирующих сознание и поведение значительной части граждан и, в конечном итоге, - неустойчивость, нелинейность общественных процессов. Одновременно на территории постсоветского пространства идет процесс становления новых типов культурно-цивилизационных идентичностей,

выступающих как сложная комбинация традиционных представлений и реалий, обусловленных глобализацией мирового развития и новыми интеграционными возможностями.

Осмысление новых культурно-цивилизационных трендов интересно проследить на основе сравнения ситуации, сложившейся в приграничных регионах России и Украины, поскольку в прошлом они характеризовались сравнительной культурно-цивилизационной однородностью, что всегда находило свое проявление в специфике российско-украинских отношений. Исторические пути России и Украины не просто неразрывно связаны, но зачастую неразделимы. Сам концепт «украинства» как специфической этнокультурной общности сформировался достаточно поздно - на рубеже XIX-XX веков. Даже в эпоху постсоветской суверенизации большинство россиян считали (и продолжают считать) украинцев частью «русского мира». И русскими, и, хотя и в меньшей степени, украинцами, проживающий рядом народ длительное время рассматривался как братский, иногда - практически как тот же самый этнос - с некоторой культурной и поведенческой спецификой. Однако в современной геополитической ситуации стали формироваться новые условия и факторы, дезинтегрирующие ранее достаточно однородную социокультурную систему и предоставившие возможности для индуцирования новых культурно-идентификационных моделей.

После распада СССР у многих его бывших граждан, переживших кризис советской идентичности, стали формироваться новые ее виды. При этом, национально-государственная идентичность нередко отходила на второй план по сравнению с этнической, конфессиональной, а в ряде случаев - корпоративной, региональной и локальной [2]. Но если у подавляющего большинства россиян в 1990-2000-е гг. данный набор идентичностей эволюционировал в направлении признания в качестве определяющей идентичности национально-государственной, то в отдельных (и значительных по объему) сегментах украинского общества превалировала идентификация с Россией, «русским миром».

Так или иначе, становление России и Украины в качестве суверенных государств, а также наступивший после Евромайдана кризис в российско-украинских отношениях, усилили процессы культурно-цивилизационного разотождествления. Определение их вектора и специфики является не только интересной в теоретическом плане, но и имеющей прикладное значение задачей, поскольку новые культурно-идентификационные модели могут, как способствовать приграничной и межгосударственной интеграции, так и создавать химерические антисистемы, разрушая традиционные связи, содействуя взаимной изоляции.

Методика

Задача данной статьи заключается в выявлении особенностей трансформации культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов России и Украины в условиях усиления конфликтности межгосударственных отношений.

Эмпирической базой работы послужили результаты социологического исследования на тему «Исследование процессов формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины», реализованного в 2014-2015 гг. исследовательской группой из специалистов кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета под руководством профессора В.П. Бабинцева. В его рамках были осуществлены опросы: экспертный (2014 г., N= 42) и массовый (2015 год, N=1000). В качестве экспертов выступили представители государственных структур и научных сообществ России (22 человека) и Украины (20 человек), имеющие опыт приграничного сотрудничества и/или научные публикации по данной теме. В процессе осуществления массового опроса были охвачены четыре российских и четыре украинских региона по 500 респондентов из России и Украины.

Основная часть

Становление России и Украины как самостоятельных государств с неизбежностью потребовало формирования соответствующей этой задаче

аутентичных национально-государственных идентификаций. При этом формирование данных идентификаций осложнялось наличием культурно-цивилизационной общности, осознаваемой большинством населения двух стран. В том числе поэтому действия политических элит обоих государств (в особенности Украины) в постсоветский период были направлены, прежде всего, на демаркацию социокультурных границ и поиск соответствующих различий (тезис Л. Кучмы «Украина – не Россия»).

Так, для украинской власти на протяжении всего постсоветского периода, во всех президентских циклах важнейшим инструментом политического дистанцирования от России, формирования новой украинской идентичности являлась политически мотивированная трактовка истории. Новой трактовке истории ведущую роль в процессах культурно-цивилизационной идентификации украинцев отвело более половины (57,14%) опрошенных нами экспертов. В основу такой трактовки была положена акцентуация на конфликтных эпизодах российско-украинских взаимоотношений и их гиперболизация (битва при Конотопе, Голодомор, деятельность УПА и др.). Соответствующим образом политическими и интеллектуальными элитами отбирались и ключевые исторические символы (тот же Голодомор и УПА, а также «тризуб», фигуры С. Бандеры и Р. Шухевича).

В качестве второго по значимости инструмента и индикатора формирования новых культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов эксперты отметили изменение конфигурации друзей и врагов (42,86%). Непоследовательный курс В. Януковича в отношении ЕС и России в конце 2013 г. послужил катализатором политического кризиса, приведшего к смене власти и усилившего раскол украинского общества. О региональных различиях внешнеполитических ориентаций свидетельствуют данные опроса Киевского международного института социологии. Если в западных регионах Украины в декабре 2015 г. за вступление в ЕС проголосовали бы 78,1% респондентов, то в восточных, граничащих с Россией - только 28,7% [16].

Существенным образом процесс формирования новых идентичностей, по мнению экспертов, также маркируют: появление иных идеологий (30,95%), утверждение новых ценностей (28,57%), символов (26,19%), норм поведения (21,43%), отказ от совместного советского наследия (19,05%).

Таким образом, тенденции последних десятилетий отражают появление определенных различий в социокультурной матрице двух обществ, которые маркируют процесс спецификации культурно-цивилизационных идентичностей населения этих стран.

При этом необходимо иметь в виду, что сами по себе эти страны не гомогенны в социокультурном плане, в силу чего такая социокультурная демаркация происходит по-разному. И Россия, и Украина представляют собой общества с сильнейшими социокультурными (и даже цивилизационными) разломами. В России – это противоречия между традиционной, в основе своей православной культурой, не менее традиционной исламской культурой и прозападной либеральной культурой, не говоря уже о многочисленных промежуточных и периферийных вариантах или еще более экзотических субкультурах. В Украине, несмотря на декларируемое сплочение перед лицом «внешней угрозы», продолжается социополитическое размежевание юго-востока, центра и запада страны. В силу этого и процессы «разотождествления» и формирования аутентичных идентичностей не гомогенны. Судя по данным экспертного опроса, особенно значительна эта разница в Украине. Практически половина экспертов (47,62%) убеждена, что процесс изменения идентичностей в приграничных регионах Украины проявляется значительно слабее, чем в центральных (о том же относительно российских регионов сообщает лишь пятая часть экспертов – 21,43%), и еще пятая часть (21,43%), – что почти не проявляется (с чем в отношении российского приграничья соглашаются 23,8% экспертов).

Итак, приграничные регионы обеих стран в социокультурном отношении являются более комплементарны друг другу, нежели внутренние территории государств. Тождественность многих параметров культурно-цивилизационной

идентичности населения приграничных регионов обеих стран подтвердил и проведенный нами массовый опрос. В частности, жители, и российского, и украинского приграничья в качестве типичных качеств, характеризующих представителей своей культуры, называют трудолюбие, дружелюбность, щедрость, а также лень.

Ценностное ядро общественного сознания населения российских и украинских регионов также обладает существенным сходством. Его образуют, в первую очередь, ценности безопасности и личного успеха. Примыкают к ним ценности доверия к людям, благожелательности и готовности помочь другим, самостоятельности и инициативности, а также сохранения традиций и привычного образа жизни. Наименьшей значимостью обладают следующие ценности: стремление к переменам, власть, риск и конкуренция.

Сходство в ответах украинцев и россиян, проживающих в российско-украинском порубежье, заметно и в их политико-экономических ориентациях, отражающих, в частности, доминирующий патернализм и признание ведущей роли государства в экономике.

Ментальное сходство жителей приграничных регионов России и Украины определяется реальной культурно-цивилизационной общностью, сформированной на протяжении веков вследствие вовлеченности в одни и те же исторические и социальные процессы и взаимонаправленных миграционных потоков. Это следует и из ответов опрошенных нами экспертов, абсолютное большинство которых считает, что оба государства принадлежат, и к одной славянской культуре (64,29%), и к одной славянской цивилизации (71,43%).

При этом в приграничных регионах двух стран отчетливо ощущается политико-культурная асимметрия, связанная с исторически сложившимися представлениями о ведущей роли России в организации политического и культурного пространства, которые в 2000-е годы оформились в виде концепции «русского мира». Так, респонденты из Украины чаще россиян склоняются к тому, что совместное историческое прошлое служит объединению двух стран (27,7% против 20,8%); 27,0% украинцев против 11,6% россиян убеждены, что

более всего большую часть истории взаимоотношений России и Украины определяло добровольное сотрудничество. А.Н. Михайленко отмечает, что значительная часть населения приграничных районов России и Украины сохранила «советскую» идентичность, отождествляет себя не с новыми независимыми государствами, а с гражданами бывшего СССР [8].

Население российского приграничья находится в несколько иной, чем жители Украины, ситуации. Российская ситуация характеризуется большей экономической, политической, социокультурной стабильностью и определенностью. Значительную роль в стабилизации общественных настроений продолжают играть патриотические мотивы, основанные на «крымском консенсусе» и противопоставлении России Западу. Так, согласно данным Левада-центра, 80% опрошенного по репрезентативной национальной выборке российского населения (N=1600) считает, что у сегодняшней России есть враги. Отвечая на вопрос «Как вы считаете, России сейчас действительно угрожают многочисленные внешние и внутренние враги - или эти разговоры о врагах ведутся для того, чтобы запугать население и сделать его послушной марионеткой в руках у власти», абсолютное большинство респондентов (54%) рассматривают такую угрозу как действительную [17]. Подобного рода установки благоприятствуют укреплению культурно-цивилизационной идентичности россиян и, в частности, населения приграничных российских регионов, не только через механизмы положительной идентификации, но и через конфликтное противопоставление с другими государствами и народами.

В силу значительного ассиметричного российского влияния на украинское порубежье формирование новых культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличается динамикой и вектором изменений. В российских приграничных регионах речь идет, скорее, о некоторой модификации идентичности и даже ее укреплении, а в Украине – о ее разбалансировке и радикальных изменениях в ходе формирования, которые в существенной мере происходят путем противопоставления государств и народов друг другу.

Так, признаком устойчивости культурно-цивилизационной идентичности жителей российского приграничья служит консенсус абсолютного большинства опрошенных относительно своей принадлежности к российской культуре (70,8%). Для сравнения: наибольшая доля жителей украинского приграничья относит себя к представителям «мировой культуры» (24,2%), еще 18,6% - европейской, и только 15,8% - украинской, немногим меньше - русской (11,8%) и евразийской (11,2%). Ни один из предложенных типов культурной идентификации не набрал у украинцев даже трети голосов, что отражает мозаичность их культурно-цивилизационной идентичности. Отвечая на вопрос «Кем вы ощущаете себя, прежде всего», население приграничных регионов России чаще всего выбирает варианты ответа: «россиянином» (43,2%) и «русским» (29,4%), что также является показателем адекватной для России культурно-цивилизационной идентификации. У жителей же приграничных украинских регионов наблюдается широкий разброс идентификаций, но наиболее распространенная - с «русскими», о чем сообщили 45,6% опрошенных.

Таким образом, полученные данные позволяют характеризовать актуальную культурно-цивилизационную идентичность населения приграничных регионов Украины, в сравнении с российскими, как неустойчивую, динамичную, мозаичную.

Помимо ассиметричного российского влияния на украинское пограничье, причина различий в динамике формирования идентичностей видится нам также в исторической разнице «стартовых» позиций обеих стран. Она обусловлена тем, что после распада СССР формирование России и Украины в качестве суверенных государств потребовало социокультурных оснований, поддерживающих политические тренды дифференциации стран, среди которых важное место занял процесс формирования самобытных, аутентичных цивилизационно-культурных идентичностей. Однако для России как правопреемницы СССР, в том числе, и в аспекте ее цивилизационно-культурной идентичности с традиционно выраженным «имперским» компонентом, такая проблема не встала столь остро, как для Украины, которой пришлось определять

новые установки, ценности, приоритеты во всех сферах жизнедеятельности, осуществлять культурно-цивилизационное самоопределение с формированием соответствующей идентичности.

В результате в украинском приграничье, наряду с высокой ориентацией на Россию, активизировался механизм разотождествления с советской идентичностью, подготавливающий основу для становления новой. Это выразилось, во-первых, в формировании установки на обособление, дистанцирование.

Следует отметить, что формирование установки на обособление идет весьма противоречиво, что, с одной стороны, соотносится с противоречивым характером процесса формирования украинской идентичности, а с другой - является результатом высокой зависимости этой установки у населения обеих стран от сложившейся политической ситуации в российско-украинских отношениях.

Конфликтное противопоставление позиций стран друг другу в виде «зеркальной» подозрительности стало естественным и основным механизмом разотождествления общей «советской» идентичности и поиска новых аутентичных культурно-цивилизационных оснований, в большой мере, по причине высокой степени культурно-цивилизационного родства России и Украины.

Разницу в динамических характеристиках идентичностей населения приграничных регионов Украины и России можно объяснить и спецификой объектов идентификации. Так, из экспертных оценок следует, что население приграничных регионов России больше тяготеет к идентификации с микро- и макросоциальными образованиями (семья, государство, нация), а приграничных регионов Украины – с социокультурными объектами микро- и мезоуровня (семья, местное сообщество, общественные организации), что свидетельствует о меньшей значимости национально-государственной идентичности для украинцев.

Данные, полученные в результате массового опроса, показывают, что невозможность для населения приграничных регионов Украины в полной мере идентифицировать себя с украинским культурным кодом в некоторой степени компенсируется усилением идентичности локального характера, чего нет у россиян. О том, что ощущают себя представителями своего региона, жителями города и района, в сумме сообщили 27,8% украинцев, тогда как среди россиян эта доля составила всего 11,6%. Этим, во-многом, объясняется и подтверждается большая стабильность российской культурно-цивилизационной идентичности, мозаичность и динамизм украинской.

В настоящий момент отношения России и Украины находятся в точке бифуркации и возможность формирования комплементарных культурно-цивилизационных идентичностей, обуславливающих конструктивное взаимодействие и сотрудничество между населением приграничных регионов обеих стран, зависит от действия властей. Но подавляющее большинство экспертов (66,67%) не знает примеров решений и действий российских и украинских властей в приграничных регионах, направленных на формирование культурно-цивилизационных идентичностей. А те, кто высказал осведомленность об их наличии, в качестве примеров смогли назвать лишь создание Еврорегиона «Слобожанщина» (16,67%) - достаточно формального по результативности института, а также экономические и научно-образовательные проекты сотрудничества Харьковской и Белгородской областей (4,76%).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что в приграничных регионах России и Украины последние два десятилетия происходят изменения культурно-цивилизационных идентичностей, что связано, прежде всего, с принятием странами новой трактовки истории и определением новых друзей и врагов.

Становление России и Украины как самостоятельных государств происходит в условиях высокого сходства социокультурных характеристик, что еще более характерно для российско-украинского приграничья.

Доказательством этому является тождественность ценностного ядра культурно-цивилизационной идентичности населения российско-украинского приграничья, его политико-экономических ориентаций, предметов гордости, с которыми оно идентифицируется.

Социокультурная комплементарность российско-украинского приграничья обусловлена влиянием на него российско-советской идентичности, являющейся аутентичной для россиян. Это влияние объясняется не только общим советским прошлым, но и российским происхождением части жителей украинского приграничья в нескольких поколениях, структурным и социально-психологическим российским перевесом в микросоциальных практиках жителей регионов сопредельных государств, а также их представлением об общности цивилизационных корней российского и украинского обществ.

Формирование культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине существенно отличается динамикой и вектором изменений. В российских приграничных регионах речь идет, скорее, о некоторой модификации идентичности и даже ее укреплении, а в Украине – о ее разбалансировке и радикальных изменениях в ходе ее формирования.

Помимо указанного выше российского влияния, эти отличия объясняются и неспособностью украинского государства противопоставить ему собственные социокультурные ценности, символы и пр., которые могли бы обеспечить формирование самобытной украинской идентичности, условия для положительной национальной идентификации украинского населения, укрепления его положительной национальной самооценки.

В такой ситуации основными механизмами формирования аутентичной украинской идентичности выступают обособление и негативация, основанные на конфликтном противопоставлении себя российскому обществу, которые входят в противоречие с выраженной российской ориентацией населения украинского пограничья.

Россиянам в наследство досталась советская идентичность, которая вполне аутентична российской и не требует формирования принципиально иной. А

ситуация относительной экономической, политической и социокультурной определенности, стабилизация общественных настроений на волне патриотических мотивов и имперских настроений, основанных на «крымском консенсусе» и противопоставлении России как Украине, так и Западу, напротив содействует ее укреплению.

Диффузность культурно-цивилизационной идентичности украинцев и устойчивость российской, также отчасти обусловлена некоторой разницей в инструментах их формирования. Украинцы, в отличие от россиян, существенное место в формировании представлений о своей национальной культуре отводят рассказам родственников и знакомых, а минимальное - СМИ и Интернету, тогда как у россиян последние играют значимую роль.

И если население приграничных регионов России больше тяготеет к идентификации с микро- и макросоциальными образованиями (семья, государство, нация), то Украины – с социокультурными объектами микро- и мезоуровня (семья, местное сообщество, общественные организации). Этим, во многом, объясняется и подтверждается большая стабильность российской культурно-цивилизационной идентичности и мозаичность, динамизм украинской.

Выводы

1. В российско-украинском приграничье происходит процесс трансформации культурно-цивилизационных идентичностей, связанный, в первую очередь, с новой трактовкой истории и определением новых друзей и врагов.

2. Формирование культурно-цивилизационных идентичностей в России и Украине отличается динамикой и вектором изменений. В российских приграничных регионах происходит некоторая модификация доставшейся «в наследство» российской идентичности, и даже ее укрепление на основе «крымского консенсуса», а в Украине – ее разбалансировка и радикальные изменения в ходе ее формирования.

3. Если население приграничных регионов России больше тяготеет к идентификации с микро- и макросоциальными образованиями, то жители Украины – с социокультурными объектами микро- и мезоуровня.

4. В условиях неспособности украинского государства противопоставить российскому социокультурному влиянию аутентичные социокультурные ценности, символы и пр., культурно-цивилизационная идентичность населения украинского приграничья существенно отличается от культурно-цивилизационной идентичности населения других регионов Украины.

5. На данном этапе возможность формирования комплементарных культурно-цивилизационных идентичностей, обуславливающих конструктивное взаимодействие и сотрудничество между населением приграничных регионов обеих стран, зависит преимущественно от политической воли руководства государств.

Литература

1. Adler P. (2012). Beyond cultural identity: Reflections on multiculturalism. Mediators everything mediation

2. Dzjakovich E.V. (2010) Transformacii lokal'nyh identichnostej v sociokul'turnom prostranstve rossijskih regionov. M.: Labirint.

3. Eze D. (2014). Nigeria and the crisis of cultural identity in the era of globalization. Journal of African Studies and Development, 6(8), 140-147.

4. Friedman, J. (1994). Cultural identity and global process (Vol. 31). Sage; Guzzini, S. (2012). The return of geopolitics in Europe?: social mechanisms and foreign policy identity crises (No. 124). Cambridge University Press

5. Kondakov I. V., Sokolov K. B., & Khrenov N. A. (2011). Tsivilizatsionnaya identichnost v perekhodnuyu epokhu: kulturologicheskiy, sociologicheskiy i iskusstvovedcheskiy aspekty [Civilizational identity in the transition period: culturological, sociological and artistic aspects]. Moscow, Progress Tradition

6. Le Rider, J. (1993). Modernity and Crises of Identity: Culture and Society in fin-de-siècle Vienna. Continuum Intl Pub Group

7. Larrain J. (2013). Ideology and cultural identity: Modernity and the third world presence. John Wiley & Sons.
8. Mihajlenko A.N. (2012). Tri teoreticheskih podhoda k izucheniju rossijsko-ukrainskogo prigranich'ja. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*, 12 (54), 166-176.
9. Mustafa K. O. Ç. (2006). Cultural identity crisis in the age of globalization and technology. *TOJET: The Turkish Online Journal of Educational Technology*, 5(1).
10. Niezen R. (2008). A world beyond difference: Cultural identity in the age of globalization. John Wiley & Sons. *National Identity in the Era of Globalization: Crisis and Reconstruction. Social Sciences in China*, 35(2), 139-154.
11. O'Hagan J. (2007). Discourses of Civilizational Identity. In *Civilizational Identity*(pp. 15-31). Palgrave Macmillan US.
12. Parsons T. (2002). *Social'naja sistema i kul'tura / Pod red. V.F. Chesnokovoj i S.A. Belanovskogo. M.: Akademicheskij Proekt.*
13. Raskin D. I. (2008). Russian nationalism and issues of cultural and civilizational identity. *Russian Politics & Law*, 46(6), 28-40.
14. Strizhakova Y., Coulter, R. A., & Price, L. L. (2012). The young adult cohort in emerging markets: Assessing their glocal cultural identity in a global marketplace. *International Journal of Research in Marketing*, 29(1), 43-54.
15. Tyser J., Scott, W. D., Readdy, T., & McCrea, S. M. (2014). The role of goal representations, cultural identity, and dispositional optimism in the depressive experiences of American Indian youth from a northern plains tribe. *Journal of youth and adolescence*, 43(3), 329-342.
16. V kakom integracionnom napravlenii dolzhna idti Ukraina: Evropejskij Sojuz, Tamozhennyj Sojuz, (2015). [Online] Available: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=584&page=1> (february12, 2016).
17. Vneshnepoliticheskie orientacii, (2015). *Jekspress-vypusk ot 13.10.2015.* [Online] Available: <http://www.levada.ru/old/13-10-2015/vneshnepoliticheskie-orientatsii> (january 31, 2015)

ТЕНДЕНЦИИ И ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ МИГРАЦИИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СИБИРИ¹

Рязанцев С. В.
член-корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор, руководитель Центра демографии
Института социально-политических
исследований РАН;
профессор МГИМО, РУДН и НИУ «БелГУ»,
Лукьянец А. С.
к. э. н., ведущий научный сотрудник
Центра социальной демографии Института
социально-политических исследований РАН
Россия, г. Москва

Ключевые слова: миграционные процессы, Дальний Восток, Сибирь, приграничные регионы, регулирование миграции.

Аннотация. В статье рассматриваются факторы и тенденции внутрироссийской и международной миграции в приграничных регионах Дальнего Востока и Сибири. Выявлены особенности развития миграционной ситуации в приграничных территориях. Обобщен зарубежный опыт регулирования миграции в интересах демографического развития в приграничных зонах. Данный опыт адаптирован к приграничным районам Сибири и Дальнего Востока.

TRENDS AND APPROACHES TO REGULATION OF MIGRATION IN BORDER REGIONS OF THE FAR EAST AND SIBERIA ²

Sergey V. Ryazantsev,
Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Doctor of
Economics, Professor, Head of the Center of a Social Demography and Economic
Sociology, Institute of Socio-Political Researches (ISPR) of the RAS,
Moscow (Russia).
Artem S. Lukyanets,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-36-20930 мол-а-вед

² The study was conducted within the project RFBR № 15-36-20930 mol-s-ved

PhD, Senior Researcher of the Center of Social Demography and Economic Sociology, Institute of Socio-Political Researches (ISPR) of the RAS, Moscow (Russia).

Keywords: migration, the Far East, Siberia and the border regions, migration regulation.

Abstract. This article discusses the factors and trends of domestic and international migration in the border regions of the Far East and Siberia. The features of the migration situation in the border areas. Generalized foreign experience in managing migration for the benefit of demographic development in the border areas. This experience is adapted to the border regions of Siberia and the Far East.

Сибирь и Дальний Восток являются крупнейшими по площади политико-географическими территориями Российской Федерации, которые имеют протяженную государственную границу. В Сибирском федеральном округе (СФО) из 12 субъектов, 7 имеют внешнюю границу: Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Алтайский и Забайкальский края, Новосибирская и Омская области. В Дальневосточном федеральном округе (ДФО) из 9 субъектов семь – приграничные: Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области, Еврейская автономная область (АО), а также Чукотский АО. При этом численность населения и хозяйственная освоенность данных территорий являются очень низкими. И хотя в последнее время в результате относительной стабилизации демографических показателей в целом по РФ, несколько улучшилась ситуация в восточных регионах России, однако в целом демографическая ситуация остается неблагоприятной как в целом по федеральному округу, так и по приграничным субъектам.

С распадом СССР и с началом политических и экономических реформ, приведших к резкому падению уровня жизни населения, Россия погрузилась в глубокий демографический кризис, связанный, в первую очередь, с резким сокращением рождаемости населения, на фоне возросшей смертности (в первую очередь от внешних причин). Однако в приграничных субъектах Сибири и Дальнего Востока негативное воздействие в большей степени оказывает

миграция, а точнее внутренняя миграция. Основной тенденцией современной миграционной ситуации в России можно считать расширение зоны оттока населения, сокращение зоны его притока и постепенное усиление поляризации территории страны по результативности миграционных потоков.

В приграничных субъектах Сибири и Дальнего Востока общий миграционный прирост не является основным показателем, поскольку его составляющие, внутренняя и международная миграция разнонаправлены. В 2014 г. за счет внутрироссийского оттока численность населения в Сибирском Федеральном округе сократилась на 45,8 тыс. чел. (или 0,24% от всей численности), в Дальневосточном на 35,7 тыс. чел. (0,6% от всей численности). Наиболее информативным показателем является коэффициент миграционного прироста (табл. 1).

Таблица 1

Динамика коэффициента миграционного прироста за счет внутрироссийской миграции в 2000-2014 гг., за год, на 10 тыс. чел. населения

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Сибирский ФО	-11,0	-13,0	-13,5	-22,4	-22,2	-0,8	-23,7
Республика Алтай	8,9	5,3	-0,4	-23,6	-25,4	-16,7	-19,1
Республика Бурятия	-41,3	-44,0	-35,5	-49,0	-49,4	-16,3	-21,3
Республика Тыва	-32,3	-26,6	-58,9	-126,9	-120,3	-11,3	-88,1
Алтайский край	-10,8	-30,0	-27,1	-50,7	-48,4	-49,4	-32,2
Забайкальский край	-55,2	-28,6	-50,5	-91,2	-79,3	-87,3	-70,3
Новосибирская область	3,0	-1,7	26,4	32,9	44,5	41,2	21,3
Омская область	-15,8	-5,9	-19,0	-31,1	-34,4	-38,4	-31,2
Дальневосточный ФО	-52,9	-33,8	-48,2	-51,5	-57,5	-62,9	-57,3
Камчатский край	-116,9	-67,0	-59,9	-124,8	-124,0	-108,6	-101,7
Приморский край	-28,7	-24,3	-38,1	-27,7	-31,6	-45,3	-31,9
Хабаровский край	-12,6	-2,2	-22,0	-0,5	-35,5	-19,7	-43,7
Амурская область	-41,9	-24,5	-43,7	-75,3	-57,7	-75,1	-61,4
Сахалинская область	-79,4	-56,2	-65,0	-49,9	-55,4	-69,7	-68,8
Еврейская автономная область	-10,8	-58,6	-36,6	-98,6	-90,6	-126,9	-113,0
Чукотский АО	-509,5	-79,2	-175,9	53,9	-68,6	-120,0	-81,2

Из всех рассматриваемых приграничных субъектов только Новосибирская область имеет положительное сальдо от внутренних перемещений. Больше всего

внутренняя миграция наносит «урон» Еврейской автономной области, Камчатскому краю, Республике Тыва и Чукотскому автономному округу.

Был проведен корреляционный анализ факторов оттока населения. В качестве результативного признака был взят миграционный прирост (убыль) от внутренней миграции, а факторными признаками были выбраны: ВРП на душу населения, индекс потребительский цен, уровень безработицы в регионе, уровень преступности в регионе, среднедушевые денежные доходы. Главным результатом проведенного сопоставления факторов миграционного оттока стало отсутствие корреляции между уровнем миграционного оттока и среднедушевыми доходами. Как показали расчеты, данный фактор коррелирует с перечисленными показателями только в Алтайском крае, Новосибирской и Сахалинской областях. В Республиках Алтай, Тыва и Бурятия корреляция отсутствует по всем факторам. Для Забайкальского края наиболее значимым стал показатель, характеризующий уровень преступности, для Новосибирской области – уровень безработицы, для Омской области – ВРП на душу населения. В субъектах Дальнего Востока значимым фактором является индекс потребительских цен, данный фактор наиболее influential в Камчатском крае, Сахалинской области и Чукотском АО. В Еврейской АО корреляция между выбранными факторами отсутствовала.

Международная миграция, как по исследуемым федеральным округам, так и по приграничным субъектам является фактором увеличения численности населения (табл. 2). Во всех субъектах в 2014 г. как и за редким исключением с 2010 г. был зафиксирован прирост населения. Из приграничных субъектов Сибири в абсолютном выражении наибольшие число мигрантов прибыло в Новосибирскую область – 7785 чел., Омскую область – 6852 чел. и Алтайский край – 4423 чел.

Динамика коэффициента миграционного прироста за счет международной миграции
в 2000-2014 гг., за год, на 10 тыс. чел. населения

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Сибирский ФО	7,4	4,1	10,9	23,6	18,2	19,1	19,5
Республика Алтай	14,5	7,1	6,0	9,3	8,2	8,6	20,0
Республика Бурятия	1,2	-0,2	2,2	4,2	2,8	4,6	8,2
Республика Тыва	2,1	-0,1	1,9	1,6	1,2	0,2	8,4
Алтайский край	19,0	5,0	9,5	27,0	22,6	22,6	18,5
Забайкальский край	2,4	-0,3	6,4	7,3	10,2	9,2	8,5
Новосибирская область	17,3	8,3	11,2	48,9	36,2	32,6	28,5
Омская область	-12,0	-4,6	5,8	22,0	18,8	24,3	34,7
Дальневосточный ФО	1,1	1,0	4,7	23,3	25,8	10,0	17,5
Камчатский край	-0,4	-0,1	45,0	74,2	122,2	71,0	4,1
Приморский край	8,8	1,7	2,3	33,2	26,0	8,6	11,5
Хабаровский край	-2,4	0,0	2,4	14,2	31,5	-2,5	24,8
Амурская область	-4,1	-0,4	-0,4	1,9	5,1	4,5	45,8
Сахалинская область	-8,4	0,6	2,6	46,3	24,7	25,3	9,5
Еврейская АО	-24,9	4,6	2,0	4,0	2,2	3,2	5,9
Чукотский АО	-45,9	4,9	8,6	47,1	2,7	50,6	51,0

В относительном выражении (с учетом численности населения), наибольший прирост в 2014 г. от международной миграции был в Омской и Амурской областях, а также Чукотском АО. Из представленных выше таблиц видно, что международная миграция в целом не смогла полностью компенсировать убыль от внутренней.

Соотношение внутренней и внешней миграции в приграничных субъектах
Сибири и Дальнего Востока

	Абсолютный прирост/убыль			Коэффициент мигр. прироста		
	внутренняя	внешняя	общий	внутренняя	внешняя	общий
Сибирский ФО	-45795	37649	-8146	-23,7	19,5	-4,2
Республика Алтай	-402	421	19	-19,1	20,0	0,9
Республика Бурятия	-2079	803	-1276	-21,3	8,2	-13,1
Республика Тыва	-2748	262	-2486	-88,1	8,4	-79,7
Алтайский край	-7692	4423	-3269	-32,2	18,5	-13,7
Забайкальский край	-7668	926	-6742	-70,3	8,5	-61,8
Новосибирская область	5830	7785	13615	21,3	28,5	49,8
Омская область	-6150	6852	702	-31,2	34,7	3,5
Дальневосточный ФО	-35675	10923	-24752	-57,3	17,5	-39,8
Камчатский край	-3253	131	-3122	-101,7	4,1	-97,6
Приморский край	-6178	2230	-3948	-31,9	11,5	-20,4
Хабаровский край	-5859	3324	-2535	-43,7	24,8	-18,9
Амурская область	-4983	3718	-1265	-61,4	45,8	-15,6
Сахалинская область	-3376	465	-2911	-68,8	9,5	-59,3
Еврейская автономная область	-1933	101	-1832	-113,0	5,9	-107,1
Чукотский АО	-414	260	-154	-81,2	51,0	-30,2

В 2014 г. только в Республике Алтай и Омской области внешняя миграция полностью компенсировала внутрироссийский отток.

Если несколько лет назад о международной миграции говорили, как о «лекарстве» от депопуляции и снижения численности населения, то сегодня многие ученые и эксперты стали задаваться вопросом, о том в каком соотношении можно заместить коренное население, преимущественно русское, мигрантами из зарубежных стран. Приграничные субъекты Сибири и Дальнего Востока теряют в 95% случаев именно русское население. Замещение происходит в большей степени представителями из стран СНГ не славянского происхождения. Традиционно, для Дальнего Востока основной и самой многочисленной этнической группой были китайцы. В целом миграция из стран Юго-Восточной и Восточной Азии всегда доминировала и представлялась выходцами из Китая, КНДР и Вьетнама (в последние годы).

Начиная с 2000 –х гг. резко увеличилась миграция из стран СНГ, а именно из Средней Азии. Это объясняется определенным образом фактом насыщения центральных регионов и, в частности, Москвы и Санкт-Петербурга, где трудовые мигранты из Средней Азии стали конкурировать между собой за рабочие места. Если в 2000 г. на всей территории ДФО было зарегистрировано 270 чел. из Таджикистана, то в 2014 г. – 1820 чел. Еще большими темпами рос миграционный поток из Узбекистана. В те же годы число мигрантов из Узбекистана составляло 1151 чел. и 5782 чел. соответственно.

Как показал опыт последних десятилетий, последствия миграции могут быть неоднозначными. Регулируемая государством миграция может приносить позитивные эффекты для экономики, демографической ситуации, социального развития и культурной жизни отдающих и принимающих стран. Регулируемые миграционные потоки могут компенсировать недостаток трудовых ресурсов и стимулировать освоение незаселенных территорий, позитивным образом изменять половозрастную структуру населения и вносить разнообразие в культурную жизнь, тем самым способствуя социально-экономическому развитию государств. Нерегулируемая миграция, напротив, может стимулировать рост теневой экономики, повышать преступность, сокращать заработную плату местных работников, усиливать межнациональную напряженность.

Многие экономически развитые страны долгое время пытались механически восполнять численность населения мигрантами, прежде всего, трудовыми. Возник даже термин «замещающая миграция», который обозначал миграционные потоки, компенсировавшие сокращение численности населения или отдельных возрастных контингентов населения. Однако, как показала практика, масштабная замещающая миграция принесла с собой массу культурных, социальных и даже политических проблем. В настоящее время миграционная политика экономически развитых стран становится все более жесткой в отношении неквалифицированной рабочей силы, она отдает предпочтение людям с высокой квалификацией и учебным мигрантам. Кроме

того, все большее внимание они уделяют демографической политике, направленной на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми. В большинстве экономически развитых стран, вступивших в полосу демографического кризиса, осуществляют демографическую политику, преследующую цель повышения рождаемости.

Учитывая опыт регулирования миграционных процессов в приграничных регионах зарубежных стран, для приграничных регионов Дальнего Востока и Сибири Российской Федерации следует использовать стратегию ограниченного доступа иностранных граждан на рынок труда и постоянное место жительства. Для реализации данной идеи необходимо реализовать следующие направления миграционной политики.

Во-первых, целесообразно обосновать пределы допустимого формирования диаспор из соседних стран (% от численности населения), а также создать условия, ограничивающие создание компактных поселений на основе этнического и земляческого принципов, реализовать программы этнокультурной и языковой адаптации и интеграции иммигрантов. Данная мера позволит обеспечить этнополитическую стабильность страны в приграничных регионах и эффективно интегрировать мигрантов в российское общество. Опасность представляют этнически замкнутые сообщества мигрантов («этнические анклав»), которые не интегрируются в российское общество и не становятся его полноправными гражданами. Порой эти «капсулированные» анклав замкнуты в буквальном смысле (например, китайские и вьетнамские анклав типа «рынок – общежитие»), где существуют условия для распространения трудовой эксплуатации. Замкнутость общин может усиливать негативное отношение и недоверие к мигрантам со стороны местного населения, приводит к обострению межнациональных отношений. Если такие этнические районы формируются в непосредственной близости от государственной границы, то создаются реальные предпосылки к территориальным претензиям со стороны соседнего государства - территории проживания основного этноса (имеется исторический опыт отторжения США штата Техас и ряда других у

Мексики через подобный вариант). В настоящее время происходит обратная тенденция – рост мексиканского населения в приграничных штатах США. Приграничные штаты США – Калифорния и Техас – сосредотачивают около 2 млн. мигрантов каждый, большинство из которых происходит из Мексики. Активный рост мексиканских мигрантов отмечается также в пограничных штатах второго порядка. Учитывая тенденции быстрого роста численности мигрантов в приграничных регионах, власти США приняли программу особого контроля за пересечением границы с Мексикой (строительство стены, патрулирование приграничных районов, особые проверки при выдаче виз и пересечении границы, выявление потенциальных иммигрантов при въезде в страну).

В законодательной практике многих стран мира применяются несколько подходов к регулированию этнического состава миграции и особенностей расселения мигрантов. Прежде всего, это опыт США по введению квот на миграцию по этническому принципу, а позднее по географическому принципу. В Швеции опыт программы расселения 100 тыс. беженцев («всех по всей Швеции») за пределами крупных городов в определенной пропорции по отношению к коренному населению. В Бельгии – политика ограничения расселения мигрантов в конкретных населенных пунктах. Во Франции установление норм концентрации иностранцев на уровне 10-15%. В Дании правило, ограничивающее вселение в один подъезд дома более одной семьи иммигрантов. Кроме того, во многих странах мира существуют ограничения на приобретение земли иностранцами в приграничных районах страны.

Посольства стран Европы, США, Канады, Австралии и других в списке необходимых документов для выдачи визы требуют обратный билет из страны, медицинскую страховку, снимают отпечатки пальцев. При пересечении границы представители пограничной службы в обязательном порядке делают ксерокопию паспорта и обратного билета каждого иностранца, пересекающего границу. Более того, все авиакомпании мира обязаны снимать копии документов пассажиров на случай уничтожения документов мигрантом в полете с целью

попытки просить по прибытию убежища в стране без документов. После крупнейших террористических актов США реализовали программу VISIT, предусматривающую взятие отпечатков пальцев у всех, въезжающих в страну иностранцев, с 5 января 2004 г. Жесткий контроль был введен в 115 аэропортах и 14 крупнейших морских портах. Отпечатки пальцев и фотография иностранца заносятся в компьютерную базу данных, где сравниваются с биометрическими досье террористов и преступников. Подобные подходы к открытому или скрытому регулированию этнической миграции позволяют странам регулировать этнический состав населения и расселять мигрантов, исходя из собственных национальных интересов.

Во-вторых, для обеспечения баланса интересов местного населения и мигрантов необходима разработка и реализация комплекса программ по адаптации и обучению русскому языку мигрантов через систему образования, общественные организации, средства массовой информации.

В настоящее время сложилось два основных способа интеграции иммигрантов в общество – модель ассимиляции и модель взаимного сосуществования культур. К странам с ассимиляционной моделью относятся США, Франция, Германия, Швейцария. Их основная идея – создание этнически гомогенного государства, в котором ни одна из этнических или религиозных групп существенно не выделяется из основной массы граждан страны. Другие страны – Великобритания, Канада, Австралия, Нидерланды, Бельгия, Швеция и Дания – придерживаются политики взаимного сосуществования культур, допускают существование этнокультурного разнообразия в обществе. Для приграничных регионов Дальнего Востока России характерны тенденции формирования и интеграции китайской диаспоры. В настоящее время китайская диаспора («хуацяо») расселена в 150 странах мира и насчитывает более 60 млн. чел. В большинстве своем китайская диаспора сосредоточена в странах Азии, главным образом, в странах, расположенных в непосредственной близости от КНР – Малайзии, Индонезии, Таиланде, Сингапуре, Вьетнаме, Филиппинах, Мьянме. Значительная по численности китайская диаспора находится в США и Канаде. В

последние десятилетия наиболее мощный поток иммиграции из Китая был направлен именно в Северную Америку. В 1992-2002 гг. только по официальным данным Службы иммиграции и натурализации, на постоянное жительство в США прибыло еще более 700 тыс. жителей материкового Китая и Тайваня. Несколько меньше, но весьма заметно присутствие китайцев в некоторых странах Европы, Японии, Корее, Бразилии, Австралии и ряде других стран. Доля китайцев в населении максимальна в Сингапуре – около $\frac{3}{4}$ населения. В Канаде китайцы составляют около 4%, в Австралии и Новой Зеландии – по 3% населения. Китайская диаспора в Европе насчитывает около 600 тыс. человек. Большинство китайцев мигрировали на континент через бывшие колонии европейских стран. Наиболее многочисленна диаспора в Великобритании, где проживет 230 тыс. чел. В основном китайцы сосредоточены в Лондоне, Ливерпуле и Манчестере. В Лондоне существует «чайнатаун». Во Франции проживает 210 тыс. китайцев, которые мигрировали преимущественно из бывших французских колоний. Многие проживают в городах, в Париже существует китайский квартал. В Нидерландах китайская диаспора насчитывает 60 тыс. чел., мигрировавших из Индонезии и Суринама, в Германии – около 20 тыс. чел., в Швеции, Бельгии и Австрии (по 5 тыс.), в Италии и Швейцарии (по 4 тыс.), в Португалии (около 3 тыс. чел.). В европейских странах основной упор в интеграционной политике уделяется вопросам интеграции мигрантов из Китая и других стран в образовательную систему и языковую систему принимающих стран. Причем языковая и социокультурная интеграция включает не только самих мигрантов, но и членов их семей, включая детей. Европейский опыт интеграции заключается в декларации государством политики языковой интеграции и подкреплении ее специальными программами адаптации и интеграции с привлечением ресурсов и средств государственных структур, международных организаций, объединений мигрантов. Как показывает опыт наиболее эффективными можно считать образовательные программы обучения мигрантов языку и культуре принимающей страны, развитие межкультурного

обмена, реализацию совместных социальных проектов по совершенствованию инфраструктуры населенных пунктов.

В-третьих, на федеральном уровне необходима реализация мер политики «выравнивания» по перераспределению ресурсов развития между развитыми столичными и менее развитыми приграничными регионами. Россия при наличии громадных слабо заселенных территорий в приграничных регионах Дальнего Востока не должна идти по пути дальнейшей концентрации населения исключительно в Европейской части, что усиливает ее геополитическую уязвимость. Мера призвана ограничить рост населения крупных городов и остановить «обезлюживание» территорий страны, которые в условиях социально-экономических диспропорций между регионами активно отдают население крупным мегаполисам. Полученные средства могут направляться через внебюджетные фонды и инвестироваться в экономику регионов, отдающих мигрантов. Подобная мера укладывается в схему «бюджетного выравнивания», которые применяются для снижения диспропорций между регионами страны во многих федеративных государствах (Швейцарии, Австралии, Канаде, Индии, США). Опыт регионального управления доказал эффективность в рыночной экономике США, где успешно были реализованы целый ряд проектов по выводу конкретных регионов из депрессивного состояния. В том числе это Федеральная программа развития Аппалачских гор, Программа долины реки Теннеси. Также можно назвать программы инфраструктурного характера (программы-проекты), ориентированные на решение конкретных проблем регионов – сооружение Национальной системы междуштатных шоссе, Национальная программа городского строительства, строительство Транс-Аляскинского нефтепровода. Реализация проектов позволила создать США развитую инфраструктуру в неосвоенных районах, остановить миграционный отток населения из этих регионов, сделать более равномерным рисунок расселения населения страны.

В-четвертых, необходима разработка программы расселения населения в приграничных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока с учетом современных социально-экономических и геополитических реалий, которая должна включать следующие меры: а) выделение государственных средств на первичное обустройство переселенцев из федерального бюджета в зависимости от количества мигрантов, принятых регионом; б) выделение целевых средств из федерального бюджета районам, принимающим мигрантов на льготные кредиты и безвозмездные ссуды на строительство жилья и ведение бизнеса, причем как для мигрантов, так и местного населения; в) освобождение от налогов российских граждан, проживающих в этих регионах, а также на малый и средний бизнес на 1-2 года; г) предоставление российским гражданам возможности получения земли и недвижимости в долгосрочную аренду для ведения производственной деятельности; д) предоставление льгот в области получения гражданства иностранцам, которые хотят инвестировать средства в экономику приграничных регионов России (при условии создания ими определенного количества рабочих мест для российских граждан). Мера позволит остановить отток населения из приграничных регионов Дальнего Востока и Сибири, привлечет мигрантов на постоянное место жительства, прекратится деформация системы расселения, а приграничные регионы будут заинтересованы в привлечении большего количества мигрантов. Мера была реализована в практике регулирования переселений в дореволюционной России и первые годы советской власти и позволила заселить свободные территории Дальнего Востока и Сибири. Канада, благодаря привлекательным условиям миграционной политики (мигрантам предоставлялась земля для возделывания пшеницы, проводилась активная пропагандистская компания, транспортные компании получали плату за каждого фермера), в 1910-1914 гг. смогла привлечь 1,6 млн. чел. Были решены две задачи: заселены ранее пустовавшие западные провинции страны и во многом именно благодаря миграции с 1880 по 1910 гг. производство пшеницы в Канаде выросло более чем в три раза. Подобный опыт используют также США: при вложении

более 500 тыс. долларов в экономику и создании 5 рабочих мест для американских граждан, мигрант может стать обладателем «зеленой карты». В Австралии, в случае переселения на постоянное место жительства в приоритетный для государства регион, иммигрант может получить австралийское гражданство в ускоренном порядке за 2 года.

В-пятых, привлечение в экономику и на постоянное место жительства в приграничные регионы Дальнего Востока и Сибири близких в этническом, социально-культурном и геополитическом отношении мигрантов из стран бывшего СССР (прежде всего, из Украины), в том числе по государственной программе возвращения соотечественников. Мера позволит оперативно удовлетворить реальные потребности приграничных регионов в трудовых ресурсах; сократит сектор экономики, связанный с эксплуатацией нелегальной иностранной рабочей силы; придаст импульс развитию экономики приграничных территорий. Миграция соотечественников и квалифицированных специалистов позволит решить проблему дефицита трудовых ресурсов на краткосрочную перспективу и снять затраты с точки зрения интеграции. Во многих странах мира работодатели обязаны в приоритетном порядке принимать на работу своих граждан, если вакансии остаются незаполненными, то привлекается иностранная рабочая сила из стран с близкими языковыми и социокультурными параметрами. Практику привлечения мигрантов из бывших колоний использовали Франция, Великобритания, Португалия, Испания. В настоящее время Сингапур проводит последовательную политику в отношении иностранных работников. При соблюдении формальных критериев (уровень образования опыт работы и заработной платы) высококвалифицированным работникам и соотечественникам предоставляется возможность получения вида на жительства и гражданство в упрощенном режиме.

В-шестых, создать рекрутинговые компании с участием государства и частного капитала по поиску, приему, оформлению и временному трудоустройству на арендных условиях трудовых мигрантов в разных

отраслях российской экономики, распространению оперативной информации о вакансиях и потребностях работодателей в России. Мера позволит предотвратить неорганизованный приток мигрантов в Россию и сделать трудовую миграцию более организованной, отвечающей потребностям рынка труда. Роль распространителей информации и посредников между работниками и работодателями могут успешно выполнять рекрутинговые формы, которые могут создаваться как самостоятельные коммерческие предприятия, так и как коммерческие центры при службах занятости. Россия должна ориентироваться в первую очередь на страны СНГ. Имеется успешный исторический опыт. Еще во времена СССР заключались договоры на организованную поставку рабочей силы из Средней Азии на некоторые крупные предприятия (например, ЗИЛ). Трудовые мигранты из нового зарубежья – хорошо адаптированная к российскому рынку труда рабочая сила, владеющая русским языком, обладающая сходным менталитетом. В перспективе трудовые мигранты смогут пополнить постоянное население страны. Опыт Австралии показывает, что эффект дает политика создания «сети рабочих мест», когда частные, общественные и государственные службы занятости заключают контракты на оказание услуг по трудоустройству безработных и привлечению иностранных работников.

В-седьмых, усилить контроль над использованием работодателями труда мигрантов, условиями их занятости и социальным обслуживанием со стороны миграционной инспекции, а также ужесточить наказание (вплоть до уголовного преследования) работодателей, эксплуатирующих труд мигрантов. Сейчас не только экономически выгодно использовать недокументированных мигрантов, пользуясь их бесправием, но также крайне трудно и долго получить разрешение на привлечение легальных мигрантов. Поэтому ужесточение наказания должно происходить параллельно с либерализацией процедур регистрации и получения разрешения на привлечение иностранных работников. Миграционные инспекции должны проверять оформление использования иностранной и иногородней рабочей силы,

правильность социальных начислений на оплату труда, условия труда, своевременность и полноту выплату заработной платы фирмами и предприятиями, где заняты мигранты, а также общежития и гостиницы, где проживают трудовые мигранты. Необходимо многократное увеличение штрафов с работодателей, принявших на работу нелегального мигранта. В некоторых странах введена даже уголовная ответственность. Опыт Гонконга показывает, что после введения в 1980 г. строгих санкций по отношению к работодателям, включая крупные штрафы и заключение в тюрьму за каждый случай нелегального трудоустройства иммигрантов, значительно снизился приток нелегальных мигрантов в страну.

В-восьмых, провести легализацию некоторой части недокументированных трудовых мигрантов в приграничных регионах Дальнего Востока и Сибири, которые имеют работодателя и рабочее место, а также не совершали уголовных преступлений и желают работать на территории РФ. Миграционная «амнистия» может включать несколько условий, в том числе мигранты должны владеть русским языком, иметь работу, встать на налоговый учет, не быть отмеченными органами правопорядка в совершении преступлений и пр. Амнистии мигрантов в разное время использовали страны с самым жестким миграционным режимом с целью снизить давление груза нелегальной миграции на экономику. Так, амнистии нелегальных мигрантов проводились в США (1987 г.), Австралии (1980 г.), Венесуэле (1980 г.), Греции (1998 г.), Италии (1998 г.), Франции (1981 г.), Испании (1991 г.) и ряде других стран. За рубежом основным условием амнистии нелегальных мигрантов является наличие места работа или источника дохода. В Греции заявитель должен продемонстрировать уплату взносов в фонд социального страхования не менее чем за 40 рабочих дней. В Италии требуется предъявить трудовой договор или лицензию на занятие частной практикой или деятельностью. Иногда заявитель должен подтвердить возможность приобретения или аренды жилого помещения. Мера позволит вывести в легальное пространство 2-3 млн. недокументированных трудовых мигрантов. В приграничных регионах Дальнего

Востока можно легализовать около 100 тыс. мигрантов. Эти мигранты работают в российской экономике, их легализация расширит налоговую базу и доходы региональных бюджетов.

Литература

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/>
2. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. – М.: Росстат, 2014. – 693 с.
3. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? // Народонаселение. - 2015. - № 2. - С. 64 – 73.
4. Рязанцев С.В. Работники из стран Центральной Азии в жилищно-коммунальном секторе Москвы (рабочий доклад). - М.: Субрегиональное бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии, 2010. (www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/projects/migration.htm).
5. Рязанцев С.В., Боженко В.В. Тенденции развития и проблемы регулирования трудовой миграции в Россию // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. - № 6. - 2012. – С. 33-41.

Reference

1. Unified interdepartmental information and statistical system. // URL: <http://www.fedstat.ru/>
2. Statistical Yearbook. Statistical Yearbook, Moscow, Federal State Statistics Service, 2014, 693 p.
3. Ryazantsev S.M., Pismennaya E.E., Khramova M.N. Return migration of compatriots in Russia: Is there a migration potential?, Population, 2015, № 2, P. 64-73.
4. Ryazantsev S.V. Workers from Central Asia in the housing sector in Moscow (working paper), Moscow, Sub regional Office for Eastern Europe and Central Asia

(www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/projects/migration.htm).

5. Ryazantsev S.V., Bozhenko V.V. Development trends and problems of labor migration in Russia, Scientific Review, Series 2, Humanities, № 6, 2012, P. 33-41.

УДК 331

БЕЗРАБОТИЦА В РОССИИ: МАСШТАБЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ СТАБИЛИЗАЦИИ

Счастливенко Т.В.
ст. пр. кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ»,
Вигуро А. О.
студентка НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Аннотация. В статье указаны масштабы безработицы в России и приведены рекомендации для решения проблем возникающих на рынке труда. Авторы считают, что одними из наиважнейших социально-экономических проблем нашего времени являются проблемы в области рынка труда, занятости и безработицы. В условиях закрепления рыночных отношений в нашей стране эти проблемы проявились особенно остро, так как государственная политика в области занятости пока довольно пассивна и ориентирована на достижение краткосрочных целей.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, экономически активное население, уровень безработицы.

Annotation. The article indicated the scale of unemployment in Russia and provides recommendations to address the problems arising in the labor market. The author believes that one of the most important socio-economic problems of our time are the problems in the labor market, employment and unemployment. In the context of strengthening market relations in our country, these problems appeared particularly acute. This can be explained by the fact that government policy in the field of employment is a fairly passive and focused on achieving short-term goals.

Keywords: labor market, employment, unemployment, economically active population, unemployment rate.

Проблема занятости и безработицы - одна из главных в развитии экономики во всем мире. От уровня безработицы зависит многое, и, прежде всего такие факторы как уровень преступности, уровень жизни населения, наличие квалифицированной рабочей силы, уровень эмиграции [1, с.122].

В каждой стране без исключения существует определенный, «естественный» уровень безработицы (например, на сегодняшний день естественный уровень безработицы составляет 5,5 % в США, ~7 % в России), но если он является слишком высоким, это может привести к разрушительным последствиям [2, с. 432]. Поэтому задачей каждого государства является минимизация уровня безработицы. Для этого предпринимаются различные меры: создание новых рабочих мест, изменение системы образования, соответствующей современным условиям рынка труда, создание благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса и др.

Численность экономически активного населения РФ в возрасте 15-72 лет (занятые + безработные) в сентябре 2015г. составила 77,0 млн.человек, или 53% от общей численности населения страны. В численности экономически активного населения 72,9 млн.человек классифицировались как занятые и 4,0 млн.человек - как безработные с применением критериев МОТ [4].

Уровень безработицы (отношение численности безработных к численности экономически активного населения) в сентябре 2015г. составил 5,2% (без исключения сезонного фактора).

По сравнению с августом 2015г. численность занятого населения в сентябре 2015г. уменьшилась на 422 тыс.человек, или на 0,6%, численность безработных - на 35 тыс.человек, или на 0,9%. По сравнению с сентябрем 2014г. численность занятого населения (без Республики Крым и г.Севастополя) уменьшилась на 79 тыс.человек, или на 0,1%, численность безработных - увеличилась на 244 тыс.человек, или на 6,6% [5].

Как показывают материалы обследования населения по проблемам занятости, в сентябре 2015г. 73% безработных искали работу самостоятельно, без содействия служб занятости. Наиболее предпочтительным является обращение при поиске работы к помощи друзей, родственников и знакомых - в сентябре 2015г. его использовали 66,1% безработных. Поиск работы в средствах массовой информации и интернете - второй по популярности способ поиска работы, который использовали 43,3% безработных [4].

В сентябре 2015г. среди безработных доля лиц, оставивших прежнее место работы в связи с высвобождением или сокращением численности работников, ликвидацией организации или собственного дела, составила 18,3%, а доля лиц, оставивших прежнее место работы в связи с увольнением по собственному желанию - 24,8% [6].

Рецессия в экономике России оказала давление на рынок труда во второй половине 2015 г. Падение реальных зарплат, большая и стабильная занятость в бюджетном секторе и постоянный отток мигрантов в значительной степени ослабили воздействие рецессии на занятость в российской экономике, однако с середины 2015 г данные по безработице уже отражают усугубляющийся спад. Хотя общий уровень занятости остался неизменным с предыдущего года на уровне 65,7%, численность занятых во второй половине 2015 г. сократилась на 300 тысяч человек год к году. Число безработных увеличилось с 3,8 миллионов человек во второй половине 2014 г. до 4,1 миллионов во второй половине 2015 г. В результате уровень безработицы поднялся с 5% до 5,5%. Вместе с тем, рост безработицы оставался умеренным по сравнению с динамикой во время мирового финансового кризиса, когда уровень безработицы подскочил с 6,2% в 2008 году до 8,2% в 2009 г. [7].

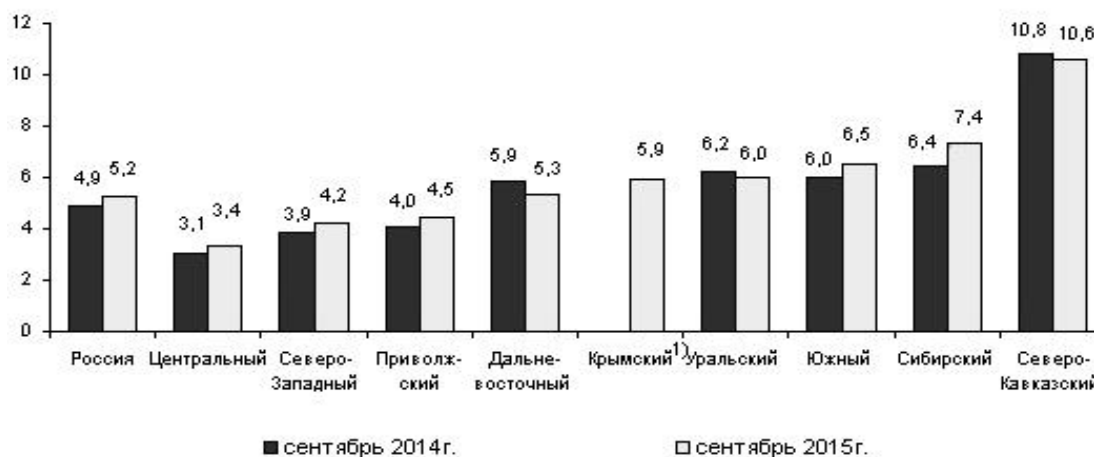
Структура безработицы оставалась неизменной в 2015 г. Сохраняется существенный разрыв между уровнем безработицы среди мужчин и среди женщин, однако в 2015 г. вероятность потерять работу была несколько выше для женщин. Безработица среди мужчин выросла с 5,5% в 2014 г. до 5,8% в 2015 г., в то время как безработица среди женщин поднялась с 4,8% до 5,3%. Разрыв

между городской и сельской безработицей сократился в условиях более быстрого роста городской безработицы. Городская безработица выросла с 4,3% в 2014 г. до 4,8% в 2015 г., в то время как сельская прибавила лишь одну десятую процентного пункта с 7,9% в 2014 г. Вызывает озабоченность большая доля длительно безработных, определяемых как работники, ищущие работу более года. На долю этой категории приходится 30%. Кроме того, безработица в регионах характеризуется значительной неравномерностью, что отражает ограниченную мобильность трудовых ресурсов [7].

Самый низкий уровень безработицы, соответствующей критериям МОТ, отмечается в Центральном федеральном округе, самый высокий - в Северо-Кавказском федеральном округе (рис. 1).

Рисунок 1.

Уровень безработицы по федеральным округам
Составлено по материалам: [6].

На сегодняшний день существуют определенные проблемы безработицы в России, а именно:

- массовая эмиграция (утечка умов);
- высокая цена рабочей силы (зарплата), которую требуют ее продавец или профсоюз;
- отсутствие рабочих мест и другие [2, с. 433].

В России иностранцы, у которых имеется необходимая документация о разрешении на работу, занимают большое количество рабочих мест. Тем самым,

места, которые могли бы занимать резиденты нашей страны, занимают «нерезиденты», потому что мало квалифицированных кадров и специалистов.

Таким образом, усилия государства должны быть направлены на уменьшение количества квот на выделение разрешений на работу в Российской Федерации. Мы считаем, что такие меры являются наиболее эффективными, при одновременном ужесточении контроля за «нелегальными работниками».

Также, одним из эффективных методов «искоренения безработицы» является поддержка среднего и малого бизнеса. Неоднократно президент и премьер-министр Российской Федерации говорили о необходимости данного сегмента в российской экономике. Правительством был разработан закон об упрощении работы среднего и малого бизнеса. Среди предлагаемых пунктов имеются: налоговые каникулы для бизнеса, отмена проверок на три года, если предприятие до этого без претензий проходило проверки. Отсюда вывод, что все эти меры способствуют развитию и созданию бизнеса, а, соответственно, созданию рабочих мест [3, с. 124].

В 2016 году число безработных может возрасти как минимум на 2 миллиона. На состояние рынков труда, как ожидается, повлияет снижение спроса на рабочую силу, и в результате безработица, согласно прогнозам, вырастет с 5,6% в 2015 году до 6,0% в 2016 году и станет дополнительным фактором давления на уровень зарплат и уровень бедности населения [7].

Поэтому одними из возможных путей стабилизации уровня безработицы в стране и обеспечения качества занятости являются сегодня следующие:

- создание новых рабочих мест, посредством использования для этого финансовых ресурсов из федерального, региональных и местных бюджетов;
- усовершенствовать систему образования (включая курсы повышения профессиональной квалификации для людей с высшим образованием);
- сократить уровень эмиграции рабочего персонала;
- максимально возможное уменьшение налогового бремени на период кризиса;

- необходимо содействовать в трудоустройстве выпускающимся лицам как из высших учебных заведений, так и выпускникам начального и среднего образования [1, с.122].

Таким образом, выполнение вышеперечисленных пунктов может привести к снижению уровня безработицы и к удовлетворительным результатам, которые устроят не только государство, но и население в целом.

Литература

1. Абакумова, Н.Н. Безработица [Текст]: учебное пособие / Н.Н. Абакумова. – М.: Юнити Дана, 2014. – 122с.

2. Глушкова, Н.Б. Проблемы занятости [Текст]: учебное пособие / Н.Б. Глушкова. – М.: Академпроект, 2014. – 432с.

3. Бреев, Б.Д. Безработица в современной России [Текст]: учебное пособие/ Б.Д. Бреев//Общество и экономика, - 2014. – 213с.

4. Официальные данные об уровне безработицы в РФ. Холдинг «Финам» [Электронный ресурс] - Режим доступа:<http://www.finam.r/>.

5. Официальный Сайт Федеральной службы по труду и занятости [Электронный ресурс]: // - Режим доступа: <http://www.rostrud.ru/>.

6. Федеральная Служба Государственной Статистики [Электронныйресурс] // Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

7. Доклад об экономике России - World Bank [Электронныйресурс]// Режим доступа: http://www.worldbank.org/eca/pubs/rer35_RUS.pdf

**НОВЫЕ ФОРМЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИИ И УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Травин Р.А.
директор Восточноукраинского центра
стратегических инициатив
Украина, г. Харьков

Приграничное сотрудничество между Украиной и Россией на уровне властей регионов и муниципалитетов сегодня переживает не лучшие времена. К традиционным проблемам добавились новые, ставшие в регионах проекцией противостояния на межгосударственном уровне. К сожалению, в ближайшей перспективе улучшения ситуации ожидать вряд ли стоит.

В то же время в приграничных районах повестка дня и настроения среди жителей и представителей значительной части местной элиты значительно отличается от столичной. Сотрудничество или, по крайней мере, конструктивное взаимодействие сопредельных территорий России и Украины является реально востребованным на местном уровне, как минимум из прагматических соображений. И если в Российской Федерации руководители на местах имеют намного меньше ограничений для выстраивания диалога с украинскими коллегами, то на Украине, даже те их визави, которые понимают необходимость взаимодействия, в ряде случаев не рискуют идти на сотрудничество с соседями, с учетом того отношения к России, которое декларируется центральной и региональной украинской властью и того информационного фона, который сегодня есть на Украине.

Представляется, что в этих условиях, необходимо искать новые формы и инструменты взаимодействия. Так, в ситуации, когда украинские власти сопредельных территорий самоустраиваются от обсуждения текущих вопросов, некоторые из вопросов можно решать, выстроив отношения с украинскими

предпринимателями и инициативными гражданами, которые бывают на территории РФ.

Для Белгорода и Белгородской области, которые стабильно остаются среди наиболее популярных среди украинских мигрантов регионов России [1], это особенно актуально.

Одним из многих возможных направлений подобного взаимодействия могла бы стать проблема массового нарушения украинцами миграционного законодательства РФ. Так, согласно данным ФМС, на конец минувшего 2015 года, после ужесточения миграционного законодательства по отношению к украинцам, на территории России оказалось около 600 тысяч мигрантов-нарушителей с Украины, а это примерно каждый пятый украинец, находящийся в России [2]. Вряд ли все эти 600 тысяч человек нарушили закон со злым умыслом, по всей видимости это можно объяснить недопониманием или незнанием определенных тонкостей или аспектов. Сократить число нарушений миграционного законодательства могла бы помочь разъяснительная работа, налаженная по указанным каналам.

Кроме того, в этом направлении целесообразно было бы задействовать потенциал третьего сектора в целом и такой его составляющей, как различные землячества представителей регионов Украины, действующие на территории Российской Федерации, в частности [3].

В целом же, на фоне практически полной заморозки официальных контактов, возрастет роль контактов на уровне граждан, бизнеса, общественных организаций. Эти контакты необходимо всячески поддерживать. Сегодня, несмотря на все препоны, творящиеся со стороны украинской власти, в культурных, спортивных, научных и других мероприятиях на территории РФ принимает участие достаточно много представителей Украины. Потенциал этих людей можно задействовать сегодня в рамках общественной и народной дипломатии. Большую пользу могло бы принести участие в этом процессе и российских властей, в том числе на уровне муниципалитетов и малых

приграничных городов, разумеется, если у официальных представителей РФ разного уровня существует заинтересованность в подобном взаимодействии.

Литература

1. Татьяна Зыкова. Какие города в России выбирают трудовые мигранты // Российская газета - Федеральный выпуск №6979 (111). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/05/24/kakie-goroda-v-rossii-vybiraiut-trudovye-migranty.html> (Дата обращения 05.10.2016).

2. ФМС начинает привлекать к ответственности граждан Украины за нарушение миграционных правил // ТАСС. 01.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2486189> (Дата обращения 05.10.2016)

3. Травин Р. А., Сапрыка В. А., Быхтин О. В. Землячества представителей регионов Украины как фактор стабилизации социально-демографической ситуации в приграничных регионах // Социально-демографическая ситуация в Центральном федеральном округе: моделирование и подходы к регулированию, материалы международной научно-практической конференции, 11 декабря 2015 года. – Белгород, 2015. – С. 277–280.

УДК 327

ФОРМЫ УЧАСТИЯ СРЕДНИХ И МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ В КУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ С ГОРОДАМИ ГЕРМАНИИ

Черкасова Н.Н.

к.и.н., доцент кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»,

Кузьмина В.М.

к.и.н., доцент кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»,

Калужских И.В.

студентка кафедры международных отношений
и государственного управления ФГБОУ ВО «ЮЗГУ»

Россия, г. Курск

Культурные связи между Россией и Германией имеют богатые многовековые традиции. Сегодня они характеризуются взаимным интересом и

симпатией россиян и немцев, а также интенсивным творческим взаимодействием, подкрепляемым диалогом гражданских обществ России и Германии. Культура образует ту основу, на которую с успехом опираются другие сферы сотрудничества двух стран. Важной составляющей являются партнерские связи между российскими и немецкими городами и регионами. К более активным регионам с российской стороны можно отнести Москву, Санкт-Петербург, Татарстан, Пермскую область, Калининград; с германской – Берлин, Баварию, Бранденбург, Нижняя Саксонию, Гессен, Саксонию [8].

Таблица 1

Города-побратимы России и Германии

Города-побратимы			
Россия	Германия	Россия	Германия
Архангельск	Эмден	Белгород	Херне
Борисоглебск	Дельменхорст	Великий Новгород	Билефельд
Владимир	Эрланген	Волгоград	Кёльн
Воронеж	Земельный округ Везермарш	Гагарин	Ратинген
Геленджик	Хильдесхайм	Дзержинск	Биттерфельд
Екатеринбург	Вупперталь	Иваново	Ганновер
Ижевск	Люнебург	Иркутск	Пфорцхайм
Казань	Брауншвейг	Калининград	Бремерхафен, Гамбург, Киль, Папенбург, Цайц
Калуга	Зуль	Кострома	Ахен
Курск	Виттен, Шпейер	Липецк	Котбус
Магнитогорск	Бранденбург	Москва	Берлин, Дюссельдорф, Мюнхен
Новочеркасск	Изерлон	Пермь	Дуйсбург
Псков	Гера	Пятигорск	Шверте
Ростов-на-Дону	Дортмунд	Рязань	Мюнстер
Самара	Штутгарт	Санкт-Петербург	Гамбург
Смоленск	Хаген	Сочи	Баден-Баден
Таганрог	Люденшайд	Тверь	Оснабрюк
Тольятти	Вольфсбург	Тюмень	Мюнхен
Ульяновск	Крефельд	Улан-Удэ	Маннгейм
Щёлково	Хемер	Ярославль	Кассель, Ханау

Проект «Германо-Российский музейный диалог» (DRMD) начал свою работу в 2005 году. Самый обширный исследовательский проект диалога занимается «потерями немецких музеев в результате войны». Начиная с 2008

года ученые занимались анализом архивных материалов о трофейных бригадах Красной Армии. Эти подразделения в первые послевоенные месяцы занимались систематической конфискацией произведений искусства для последующей транспортировки в Советский Союз в качестве компенсации за культурные ценности, похищенные или разрушенные национал-социалистами. DRMD создал базу данных, куда вошли более 100 тыс. предметов искусства. В свою очередь с 2012 по 2014 г. в рамках проекта «Русские музеи во время Второй мировой войны» было проведено исследование последствий немецкой оккупации, грабежа и разрушений, а также процесса восстановления музеев: на основе тематических исследований по четырем царским дворцам под Санкт-Петербургом и по двум городам-музеям: Новгороду и Пскову.

Пушкинским музеем и Эрмитажем совместно с берлинским Музеем древнейшей и древней истории были подготовлены выставки: в 2007 году в Москве выставка, посвященная эпохе Меровингов, а в 2013 и 2014 годах в Москве и Санкт-Петербурге прошла экспозиция под названием «Бронзовый век – Европа без границ».

В 2015 году фонд «Прусское культурное наследие» совместно с Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Государственным историческим музеем и Государственным музеем Эрмитаж провел экспозицию «Железный век – Европа без границ». Среди экспонатов выставки были объекты, находившиеся до 1945 года в берлинских музеях [1].

Также, совместно со специалистами Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина немецкие ученые проводят научную оценку Эберсвальдского клада (Eberswalder Goldfund) – крупнейшего собрания золотых изделий, найденных на территории Германии. Сокровища общим весом свыше двух с половиной килограмм датируются X-IX веком до нашей эры. Эберсвальдский клад также относится к так называемому трофейному искусству и до 1945 года находился в собрании берлинского Музея доисторического периода и ранней истории.

Помимо этого немецкие и российские специалисты ведут работу по научной инвентаризации археологических объектов, найденных на территории Грузии, а также ими была достигнута договоренность о проведении выставки «Античная вазовая живопись». Кроме того, в рамках проекта «Донателло и скульптуры эпохи Ренессанса» фонд «Прусское культурное наследие» совместно с Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина проведет анализ и реставрацию хранящихся там произведений искусства, чтобы подготовить их к последующей выставке на территории России [3].

19–25 октября 2012 г. в Мюнхене (ФРГ) состоялся международный научный семинар «Музеи и их посетители», который был организован Сектором музейной энциклопедии Российского института культурологи. С немецкой стороны семинар был организован Земельной службой негосударственных музеев Баварии – учреждением, к консультационной поддержке и экспертной оценке которого обращаются все музеи, находящиеся на территории Федеральной земли Бавария. Специалисты разных профилей, входящие в состав службы, оказывают поддержку музеям по всем направлениям музейной деятельности (консервация и реставрация, хранение и каталогизация музейных предметов, дизайн экспозиций и выставок и т.д.). Аналогичные структуры существуют и в других федеральных землях Германии, но Земельная служба негосударственных музеев Баварии является не только самой крупной, но признана в музейном мире Германии наиболее авторитетной среди подобных учреждений.

Семинар был посвящен одной из самых актуальных тем в музейном деле – проблеме изучения музейной аудитории и взаимодействия музеев разных профилей, типов и видов со своим посетителем, а также использованию различных форм экспозиционно-выставочной работы, в том числе – за пределами музея, в целях актуализации культурного наследия. Обмен опытом между музейными специалистами России и Германии выявил ряд общих

позиций, на которые они опираются в выстраивании стратегических направлений работы с аудиторией.

С российской стороны в семинаре принимали участие сотрудники Российского института культурологии, руководители музеев и музейных подразделений из разных регионов страны – Центральной России (Музейный центр Тамбовского государственного университета, Отдел популяризации культурного наследия по культуре и туризму Рязанской области), Северного Кавказа (Пятигорский краеведческий музей), Урала (Свердловский областной краеведческий музей), Сибири (Музейный совет музеев Сибирского отделения РАН (Новосибирск), Красноярский краевой краеведческий музей). Немецкая сторона была представлена на семинаре такими учреждениями как Институт музейных исследований в Берлине, Земельная служба негосударственных музеев Баварии, Дом баварской истории, а также музеями разных округов Баварии (Средняя Франкония, Верхняя Бавария) [5].

По мнению О.Е. Черкаевой, в настоящее время вопрос об интерпретации событий современной истории актуален для обеих стран. В свою очередь, его решение требует от музейных работников не только высокого профессионализма, но и гражданской ответственности. Участники семинара отметили сложность подготовки экспозиций и открытого показа этого исторического периода, а также попытались раскрыть специфику работы с посетителями разных возрастных категорий в музеях современной истории.

Посещение международной выставки Федеральной земли Бавария «Союзники – враги – родственники: Бавария и Австрия», организованной Домом баварской истории, продемонстрировало инновационные формы подачи материала и кооперацию различных учреждений культуры, а также отдельных регионов и стран в работе по актуализации и популяризации культурного наследия. В музейно-педагогическом центре Мюнхена участники семинара познакомились с методиками и проектами центра; дискуссия, посвященная музейной педагогике в России и Германии, завершилась в Земельной службе негосударственных музеев Баварии.

С 10 ноября 2015 по 18 января 2016 года была проведена историко-документальная выставка «Россия-Германия: от конфронтации к сотрудничеству. К 70-летию окончания Второй мировой войны», подготовленная Федеральным архивным агентством, Государственным архивом Российской Федерации, Государственным историческим музеем и Российско-германским музеем Берлин-Карлсхорст при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации и Уполномоченного Правительства Федеративной Республики Германия по вопросам культуры и средств массовой информации [1].

Экспозиция рассказывает о политических, экономических, гуманитарных и культурных отношениях наших стран во второй половине XX – начале XXI века на основе важнейших документальных источников, большинство которых впервые показывается специалистам и широкой общественности. Это документы из Архива внешней политики России, Федерального архива Германии и Политического архива МИД Германии. В сочетании с редкими фотографиями, картами, кинохроникой, музейными предметами они создают единое историческое пространство, представляющее главные исторические этапы конструктивного сближения СССР/России и Германии с 1945 по 2015 гг.

С 1 по 6 июня 2015 года в Берлине проходил фестиваль «Российская театральная весна», в рамках которого такие московские театры, как центр им. Мейерхольда, Театр.doc, театр «Практика» показали самые яркие постановки, а молодые российские театральные режиссеры и драматурги обсудили будущее современного российского театра [1].

Как отмечает И. Михайлина, цель организаторов фестиваля (агентство MediaOst Events&Kommunikation) – представить немецкой публике не известный на Западе классический русский театр, а новое современное театральное искусство России – «спектакли молодых художников, полные экспериментальной эстетики и глубокого содержания».

Благотворительным фондом В. Потанина и Фондом Роберта Боша совместно с Петербургским благотворительным фондом культуры и искусства

«ПРО АРТЕ», Гёте-Институтом, Государственным центром современного искусства, при поддержке Министерства культуры Российской Федерации был организован визит музейных специалистов из Германии в Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород и Екатеринбург по программе международных музейных обменов «Музейный десант».

С 18 по 24 апреля 2016 года представители десяти музеев из Берлина, Дюссельдорфа, Штутгарта, Оснабрюка, Висбадена и Дрездена познакомились с экспозициями российских музеев, встречались с российскими коллегами и обсуждали программы в области музейного образования и новые технологии в работе с аудиторией.

В Санкт-Петербурге музейные специалисты из Германии ознакомились с экспозицией Главного штаба Государственного Эрмитажа, работой Научно-просветительного отдела и Молодежного центра, посетили Государственный музей политической истории и Кунсткамеру (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН), а также мемориальную экспозицию Музей-квартиры Н.А. Римского-Корсакова. Посещение каждого музея сопровождалось дискуссией об особенностях и вызовах, с которыми сталкиваются музейные специалисты, разрабатывая новые образовательные программы для каждой категории посетителей музея [4].

Музейное объединение «Музей Москвы», Музей космонавтики, Музей русского импрессионизма, Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева и Государственный центр современного искусства поделились с немецкими коллегами собственными методиками работы с аудиторией, а также образовательными инициативами. Музейные специалисты Германии посетили Государственный Дарвиновский музей, а также Музей современного искусства «Гараж».

Музейные специалисты также посетили Музей истории художественных промыслов Нижегородской области и Музей-квартиру А.М. Горького. Участники группы, отправившейся в Екатеринбург, посетили Екатеринбургский Музей изобразительных искусств, Свердловский областной краеведческий

музей – экспозицию, посвященную Большому Шигирскому идолу, а также галерею современного искусства и музей Президентского центра Б.Н. Ельцина. Немецкие специалисты обсудили с нижегородскими и екатеринбургскими коллегами особенности разработки образовательных проектов для детей, методику привлечения подростковой аудитории в музей, практику сотрудничества региональных музеев с музеями Москвы и Санкт-Петербурга в вопросе подготовки музейных педагогов, опыт реализации музейных программ для посетителей с ограничениями здоровья, мигрантами [5].

Программа «Музейный десант» Благотворительного фонда В. Потанина направлена на знакомство с новыми направлениями и подходами в сфере музейной деятельности и образования, продвижение новых профессиональных стандартов, а также укрепление партнерских связей внутри профессионального мирового музейного сообщества.

Продуктивно сотрудничают авторитетные консерватории и музыкальные школы России и Германии, организуются концерты смешанных российско-германских молодежных оркестров. Идея основания Российско-немецкой музыкальной академии возникла в период подготовки концерта-открытия Перекрестного Года культуры Германии и России, прошедшего в июне 2012 года в Большом зале Московской консерватории. Специально для этого концерта был сформирован российско-немецкий студенческий оркестр, в который вошли студенты Московской консерватории и Берлинского университета искусств [6].

В течение следующего года концерты ансамбля Академии, получившего название «Ансамбль 2012», были проведены на известных площадках Москвы и Берлина, а также в ряде других городов Германии и России. В условиях осложнившейся международной ситуации, такая инициатива, направленная на укрепление сотрудничества и культурного обмена между обеими странами, представляется очень своевременной.

Основополагающий принцип работы Академии заключается в том, что подготовка каждой концертной программы молодых музыкантов проходит под наблюдением опытных педагогов, попеременно российских и немецких. Такой

формат призван обеспечить непосредственную передачу опыта и традиций исполнения того или иного сочинения.

Регулярно в гостях друг у друга проводят гастролы и выступления ведущие музыкальные и драматические театры двух стран. Кинематографисты России и Германии представляют свои работы в рамках международных кинофестивалей в обеих странах, участвуют в национальных кинонеделях – таких, например, как ежегодная Неделя российского кино в Берлине.

Анализ программ российско-немецких молодежных обменов свидетельствует о том, что количественный и качественный прогресс в этой области культурного сотрудничества наступил в 2006 году. Он ознаменовался значительным ростом числа участников этих двусторонних обменов и партнерских организаций, появились новые формы молодежных связей. При этом численность и удельный вес самих молодых людей из России и Германии в составе участников мероприятий молодежного сотрудничества заметно выросли в последние годы.

Проведя анализ направлений международного молодежного сотрудничества, которые заинтересовали российских участников молодежных обменов с Германией, можно судить о явном различии в их выборе, который в целом зависит от возрастных и социально-профессиональных различий.

В частности, подростков и молодежь в возрасте 14-24 лет (в большинстве своем – школьников и студентов, рядовых участников молодежных встреч и лагерей), побывавших в Германии в 2015 году вызывала интерес, в первую очередь, социальная проблематика, участие молодежи в общественно-политической, культурной жизни и доступность качественного образования. Немецкие учебные заведения являются наиболее привлекательными для российской молодежи, стремящейся получить образование за границей (число обучающихся в Германии молодых россиян больше, чем в какой-либо другой стране мира). Темы экологии, физкультуры и спорта у молодых участников российско-германских обменов особой заинтересованности не вызвали [7].

Таблица 2

Динамика общей численности участников различных форм мероприятий российско-германского молодежного сотрудничества в 2000-2015 годах, человек [4].

Формы мероприятий	Годы							
	2000	2002	2005	2006	2007	2009	2012	2015
Молодежные встречи и молодежные и трудовые лагеря	1100	1318	1632	3104	5228	6178	8540	8637
Семинары, тренинги, стажировки специалистов по молодежной и социальной работе	2457	1836	1326	1573	2391	3796	5367	6120
Итого	3557	3154	2958	4677	7619	9974	14177	14757

Специалисты по молодежной работе, принимающие участие в международных обменах с Германией, обращали особое внимание на социальную проблематику и немецкий опыт молодежной работы, тем временем сама молодежь проявляла интерес к немецкой системе образования, а также к социальным и культурным проблемам. Интерес к этим темам у российской молодежи постепенно увеличивается, а интерес к вопросам участия в общественно-политической жизни снижается.

Таким образом, между Россией и Германией происходит культурный обмен в различных областях: музеи, искусство, музыка, театр, кино, образование [9]. Русская и немецкая культуры занимают важное место в европейском культурном наследии. Россия и Германия постоянно укрепляют и расширяют культурные связи.

Литература

1. Информационный портал Germania-online [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.germania-online.diplo.de>.
2. Представительства Германии в России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.germania.diplo.de>.

3. Отношения России и Германии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://germany-in-russian.ru/otnosheniya-rossii-i-germanii.html>

4. Россия и Германия: культурные обмены [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/россия-и-германия-культурные-обмены/a-413257>.

5. Программа международных музейных обменов «Музейный десант». Германия – Россия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.proarte.ru/events/programma-mezhdunarodnykh-muzeynykh-obmenov-muzeyny-desant-germaniya-rossiya/>.

6. Российско-немецкая музыкальная академия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://musiclin.ru/mem_musacademy.html.

7. Кравченко, И.И. Молодежное сотрудничество как возможность развития культурных связей России и Германии [Текст]: статья / И.И. Кравченко // Международная жизнь. – 2015. – №11. – С.45-57.

8. Кузьмина В.М. Анализ международных ситуаций. - Курск: ЮЗГУ, 2016.

9. Кузьмина В.М. Теория и история дипломатии. - Курск: ЮЗГУ, 2015.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ ГОРОДАМИ

Ягуткина Е.С.
аспирант НИУ «БелГУ»,
Ягуткин С.М.
профессор, д.э.н. БелГАУ им В.Я.Горина
Россия, г. Белгород

С позиций предмета исследования социальные технологии управления городами – это система мер воздействия на основные группы социально-активного населения городов, с целью их самодостаточного динамичного и пропорционального развития.

Современные города, как сложные социально-экономические системы, прошли длительный путь своего эволюционного развития. Каждый этап сопровождался качественным изменением социальных технологий, которые в отличие от производственных, организационно-экономических технологий, управляющих технологическими процессами, являются на порядок более сложными, поскольку регулируют поведение людей, без чего развитие социальной среды невозможно. История свидетельствует, что если в управлении городами используются социальные технологии, основанные на объективных процессах и явлений, то город, как целостная социально-экономическая система процветает и благосостояние его членов растёт. Наоборот, искусственное умаление роли социальных технологий или игнорирование их воздействия на управление поведением горожан, ведет к деградации, хаосу и гибели городов.

По итогам ретроспективного анализа представляется целесообразным выделить следующие этапы эволюции социальных технологий управления современными городами

1 этап – возникновения городов, как закрытых экономических систем. Это этап доисторического развития. Города выполняли чисто оборонительные функции, защищая людей от диких животных и непогоды. Люди в основном

занимались ведением натурального хозяйства, товарные отношения были слабо развиты и не носили устойчивого характера. Социальные технологии были направлены на проблемы выживания горожан. Для этого надо было горожанам владеть искусством войны, ремёсел и торговли

2 этап – до промышленного развития экономики города. Этот этап охватывает период от истории древнего мира вплоть до первой промышленной революции 19 века, способствующей развитию мануфактурного производства. В это время появились первые города современного мира. На этом этапе, значение социальных технологий возросло, поскольку понадобилось формирование новой группы социально-активного населения. Профессиональных управленцев (прототип современных сити-менеджеров), а так же квалифицированных работников – мастеров.

3 этап – промышленного развития городов. Он охватывает начало – конец 19 века и связан, прежде всего, с промышленной революцией и развитием мануфактурного производства, которое требовало стабильных поставок сырья, наличия квалифицированной рабочей силы и рынков сбыта. Это привело к образованию промышленных, торговых городов, а так же централизованных служб жизнеобеспечения, т.е. к практическому зарождению специализированных отраслей городского хозяйства. Социальные технологии качественно изменились и расширили свои функции. Новые функции направлены на создание и повышение эффективности городских служб, повышение качества и комфорта жизни горожан.

4 этап – индустриальные города. Их развитие связано с промышленной революцией. Характерной особенностью данного этапа является образование городов- миллионников, резко возросла антропогенная нагрузка на городские и пригородные территории. Социальные технологии управления в очередной раз усложнились и перешли в качественно иной уровень. Появилась новая, перманентно проблематичная функция – защиты окружающей среды. Произошло формирование и развитие соответствующих институтов в системе городского управления.

5 этап - появление новых креативных городов. Данный этап связан с очередной научной революцией, внедрением в систему управления новых информационных технологий с использованием искусственного, постоянно совершенствующегося интеллекта. Социальная среда перешла в перманентно нестабильное состояние, поскольку в городах сложились и формируются новые группы социально-активного населения, конкурирующих между собой за ресурсы и решение собственных проблем за счёт друг друга. Социальные технологии стабилизации социальной среды заняли доминирующее, жизненно обеспечивающее значение в системе управления городами. Города, государства, социально-экономические системы и цивилизации, недооценивающие влияние агрессивных социальных технологий безжалостных конкурентов стали и продолжают уходить в небытие. Даже если сохраняются материальные ресурсы, то проигравшая сторона трансформируется в качественно иное состояние, где у нового населения городов, сознательно стираются даже воспоминания об ушедшем социуме. Потомки великих наций превращаются в социальных канибалов.

6 этап – формирование агломераций. На современном этапе происходит объединение городов и пригородных территорий в единые социально-экономические системы, что усложняет социальные технологии управления городами, предполагает ежедневное принятие креативных решений для решения новых, не встречавшихся ранее задач. Современный этап целесообразно охарактеризовать, как этап креативных социальных технологий, принципиальной особенностью которого является дальнейшее развитие инновационной среды. Практически все, без исключения, реализуемые управленческие решения носят инновационный характер, составляющий тройственный аспект. Во-первых, в социальных технологиях управления используются инновационные материальные ресурсы. Во-вторых, в социальной среде городов перманентно образуются новые группы социально-активного населения. В-третьих, развитие городских агломераций связано с проявлением новых вызовов и угроз.

Таким образом, выделенные в ходе ретроспективного анализа этапы эволюции развития социальных технологий управления городами носят объективный характер и направлены на решение актуальных задач, преодоление нестабильности социальной среды и обеспечение динамичного развития городов приграничья.

УДК 339.5

СТРЕСС-ТЕСТИРОВАНИЕ УЧАСТНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТОВ В ПРИГРАНИЧНОЙ ЗОНЕ

Ягуткина Е.С.
аспирант НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

С позиций предмета исследования рассматриваемая категория «стресс-тестирование участников финансирования» – это способность исполнения взятых на себя инвестиционных обязательств участниками социально-значимых проектов, при моделировании нестабильности социальной среды. Под социально-значимыми проектами приграничья понимаются создаваемые отечественными и иностранными участниками объекты, институты внешние экстерналии (используемые всеми бесплатные блага) способствующие повышению качества жизни, проживающего в приграничных территориях населения.

Обобщение отечественного и зарубежного опыта позволяет выделить следующие принципы стресс-тестирования.

Во-первых, принцип постоянной готовности к возможному ухудшению финансового состояния инвестора. Практика приграничного сотрудничества показывает, что под воздействием негативных факторов нестабильности социальной среды доходы инвесторов, а также его гарантов, на любом этапе реализации социально-значимых проектов могут снижаться. Анкетирование 100 менеджеров частных финансовых организаций показало, что 95% из них готовы

отказаться от совместных социальных проектов и перенаправить финансовые ресурсы для компенсации собственных выпадающих доходов. Анкетирование 100 менеджеров государственных организаций, соответственно показало, что 18% менеджеров готовы поступить аналогично. Отличие результатов связано с различиями гарантий государства, а также целей и задач финансовых институтов в зависимости от форм собственности.

Во-вторых, принцип прозрачности и достоверности бухгалтерской и финансовой отчётности участвующих в совместных проектах организациях. Внешнеэкономическая деятельность, занимает ключевое место в преступных схемах, использующих совместные проекты приграничья для вывода денежных средств, а также легализации средств, полученных в ходе преступной деятельности. Открытая и достоверная отчётность позволяет выявить организации «прачки» и исключить их от участия в проектах.

В-третьих, принцип ранней диагностики. Угроза банкротства инвестора, выявленная на ранней стадии своего проявления, позволяет своевременно найти адекватную замену. Провести профилактику потенциальных криминальных действий по выводу и хищению финансовых средств участников проекта, используемых менеджерами организации возможного банкрота в личных корыстных целях.

В-четвёртых, принцип диверсификации инвесторов, позволяет в случае кризиса, перераспределить инвестиционную нагрузку между участниками, за счёт привлечения новых инвесторов.

В-пятых, принцип мониторинга инвестиционных рисков. Банкротство инвесторов возникает на последней стадии жизненного цикла банка и связана с наиболее ощутимыми финансовыми потерями. Она должна диагностироваться на самых ранних стадиях. Опыт показывает, что при соответствующем уровне квалификации экспертов, в 90% случаев своевременного выявления рисков финансовых трудностей действующих инвесторов, оперативная санация проектов позволяет избежать серьезных инвестиционных потрясений и рекламации самого проекта.

В-пятых, принцип мультипликативного эффекта. Сами по себе социальные проекты приграничья несут прямые убытки отечественным и зарубежным инвесторам, что не соответствует целям и задачам их развития. Поэтому прямые убытки социального инвестирования должны компенсироваться прибылью от сопряжённой (взаимосвязанной) деятельности, условия которой и создаёт реализация проекта. Социальные проекты приграничья в этом случае выступают структурной точкой роста торговли, местной промышленности, туризма и др. интеграционных процессов, прибыль от которых обеспечивает не только безубыточность, но и быструю окупаемость совместно вложенных средств.

В-шестых, принцип дифференцированного подхода к инвесторам. В совместных проектах социального развития приграничных территорий не могут принимать участие националистические, криминальные, сектантские и др. дестабилизирующие социальную среду организации. Для этого осуществляется светская и нравственная экспертиза потенциальных инвесторов. Основу экспертизы составляет постоянно обновляемая база данных о запрещённых на территории России и нежелательных для сотрудничества организаций, и лиц. Любой социальный проект приграничья должен быть репутационно привлекательным.

В-седьмых, принцип открытости социально-значимых проектов, который означает, что любой желающий может принять в нём участие, знать и контролировать использование его личных средств. Для этого используются эффективные PR-технологии с привлечением интернет-ресурсов не только размещаются бизнес-планы проекта, сметная стоимость работ, финансовая отчётность используемых средств, но и в режиме онлайн передаётся информация о ходе строительного-монтажных работ.

Таким образом, предлагаемые принципы диагностики инвесторов социально-значимых проектов позволяют не только снизить финансовые риски их реализации, обеспечить общественную привлекательность, но и добровольно

привлечь на основе современных технологий свободные денежные средства различных слоев населения.

УДК 316.454.4

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF REGIONAL SOLIDARITY FORMATION

Zalivanskiy B.V.
PhD in sociology, docent
Samokhvalova E.V.
PhD in sociology, docent
Belgorod National Research University
Russia, Belgorod

Аннотация. На основе анализа зарубежных и отечественных теоретических подходов исследуется феномен социальной солидарности, что позволяет детерминировать понятие региональной солидарности, условия ее формирования. Полученные в ходе социологического исследования эмпирические данные позволяют утверждать, что значительное количество ценностей, значимых для реализации идеи солидарности, в настоящее время отличается низкой степенью принятия населением российского региона. Ключевую роль в определении потенциала формирования регионального солидарного общества играет проблема справедливости. Несправедливость соотносится, главным образом, не с фактом социального неравенства, но с двойной моралью и двойными стандартами. В данном контексте идея солидарности может реализоваться только при декларации и безусловной реализации правила – одни и те же правила для всех.

Ключевые слова: солидарность, регион, сообщество, доверие, взаимоотношения.

Abstract: The authors consider regional solidarity as a system of interpersonal and intergroup relations, which is based on the participants' awareness about the harmony of interests, values, mutual support, loyalty, cooperation and shared

responsibility. The theoretical foundation is used as a justification for the use of applied research methods of the current state of solidarity in Belgorod region, Russia. The key factors determining the character of solidarity in the region are: unity in respect of basic values; public satisfaction with the implementation of the principle of social justice; the presence of threats to life safety; the level of interpersonal and institutional trust; negative or positive experience of interaction and communication. The research found out that a significant number of values that are relevant for the implementation of the idea of solidarity currently have a low degree of public esteem in Russian region.

Keywords: solidarity, region, community, trust, relationships.

Introduction

The modern social and economic situation in Russia is characterized by the crisis. According to scientists the main cause of it is connected with spiritual and moral degradation of Russian society. Actually it is the crisis of traditional values and essential deformation of interpersonal and intergroup relations, which developed in the conditions of unstable situation in Russia in 1990s. During this period mistrust and increased aggression started to influence human relations, the interpersonal and intergroup conflicts amplified, the crime rate including crimes connected with deception and speculation on trust grew essentially. Collective values (friendship, solidarity and mutual support) were discredited significantly, now all of them are more often considered as out-of-date concepts. Within the last decades the consolidating role of the family, importance of family values decreased. As a result, in Russian society public relations have collapsed, belonging to social institutions has become purely formal. Moreover, the citizens refuse not only to carry out their roles determined by the state and the society, but also to cooperate with each other constructively.

Under these circumstances restoration of regional solidarity, which is expressed in people's readiness for collective actions, systematic mutual aid and mutual support due to understanding the commonality of their interests with interests of the region, fellow citizens, colleagues, close people, becomes an insistent call of time. Being the most important precondition of patriotism, representing ideology and emotional state of any healthy society regional solidarity relies on mutual trust of fellow citizens and

their mutual responsibility and it should become one of the basic principles of public life organization.

Within the European scientific school research of problems of social solidarity has old tradition, at the heart of which there are E. Durkheim's fundamental theoretical researches [3]. He suggested considering mechanical and organic types of solidarity while not excepting the possibility of their coexistence in a single public formation. The essential contribution was made by a well-known German philosopher and sociologist J. Habermas, who underlines the importance of a social dialogue between all participants of public relations based on principles of harmony and justice [7]. This thesis, in his opinion, is actualized in the conditions of modern European crisis [8].

Social solidarity is still in focus of scientific discourse. Moreover, the interest to this phenomenon in the conditions of globalization, migration, cross-cultural interaction is increasing repeatedly. The monograph of the Australian-British sociologists «On Society» was devoted to the social issues and generalized different ideas of social solidarity [5]. Authors define three categories of society: structure, solidarity and creature. When the scientists were investigating the second category, they emphasized: «society as solidarity is the antidote to the problem of human resentment». Yet another important position, which contained in the monograph: «solidarity is the condition and outcome of society and it multiplies discourse, communication and symbolic interaction». The Australian-British sociologists consider allocate two types of solidarity spontaneous and collective.

Modern scientists pay attention to interrelation of processes of solidarity, integration and multiculturalism. Canadian psychologist J.W. Berry considers it possible to achieve social solidarity among the different cultural communities on the basis of people's common psychological processes and in case if the society is built on the ground of pluralistic principles observance [1].

Czech philosopher and sociologist J. Salamon believes that in modern rapidly globalizing world it is necessary to investigate the processes of solidarization in cross-border and cross-national scale [12]. During historical development tribal forms of solidarity were replaced by national ones, which, in turn, can gradually be replaced by

or integrated in supranational ones (European Union, League of Arab States, etc.). However, J. Salamon considers solidarity, which is based on a community of interests of cooperating people, to be more natural, immanent to human nature, but, at the same time, less stable. Such solidarity can be ruined under the pressure of the conflicts of interests and the conflicts of values. Transcultural narratives can act as the means supporting stability of solidary groups.

In scientific discourse there are also judgments, the meaning of which is to warn about overestimation of the phenomenon of solidarity as one of the most positive mechanisms of society development [2]. In particular, it is noted that in case of implementation of controlled solidarization the instruments of such management should be the most accurate and organic for society, because otherwise there is a risk of betrayal of confidence to authenticity of such solidarity.

In modern conditions of integration of interpersonal solidarity manifestations into the processes of collective solidarity, which is in the center of attention and under control of state political institutions, there is an understanding of new type of solidarity – civil solidarity [14]. Social relations in the community forms of social capital that is necessary to maintain a harmonious state of civil solidarity.

In Russia the subject of solidarity has become one of the main issues for social sciences since the second half of the XIX century. Two directions –sociological, as well as religious and philosophical (i.e. consideration of solidarity as conciliarity) were allocated. This powerful, gained recognition of foreign scientific tradition was interrupted by October Revolution; it received its continuation among Russian emigration thanks to S.A. Levitsky's and other solidarists' works [9].

In the Soviet Union the subject of solidarity was ideologically essential: the primary attention was paid to class solidarity within the ideology focused on the class conflict. Only in 1960s within the process of formation of Soviet professional sociology the attempts of consideration of social solidarity without a rigid binding to dominating ideological precepts started to be undertaken.

On the one hand, the situation of the recent two decades is characterized by general activation of sociological researches; on the other hand, the orientation of these

researches gives evidence to catching-up development (in comparison with world level) and to aspiration of the majority of sociologists to react to dynamic processes of social transformations in Russia. Among modern works of Russian researchers who have devoted their works to conceptualization of «social solidarity», it is possible to determine works of a political scientist and sociologist D. Efremenko. In particular under his control the project «Social solidarity as a condition of public transformations: theoretical bases, Russian specifics, socio-biological and socio-psychological aspects» is realized. The author analyzes development of researches of social solidarity in Russia from the middle of XIX century up to now. As a result, he reveals the fundamental contradiction associated with the widespread prevalence of narrow group solidarities over broader solidarities [4].

The need of revival of solidarity in modern Russia taking into account the loss of collective senses of people's existence, their soul-spiritual staling and moral impoverishment in post-Soviet society is justified in the works of a sociologist A. Samarin. Restoration of the idea of justice in its rights violated nowadays, mass return to principles of mutual aid and support of the weak, in his opinion, is that minimum, without which preservation of Russian society is no longer possible [13].

Attempts of justification of the socio-philosophical concept of solidarization of modern Russian society are undertaken by philosopher V. Zhalkiev. In the frame of construction of solidarization model of social reality with reference to Russia he determines the factors preventing the establishment of solidary relations, among which the main ones are ambiguity of the system of values of social community, historical tradition of separating power from population, as well as discrete state of Russian civil society [17].

For research of prospects of solidarization of Russian society the works of a sociologist A. Filippov are of certain interest. In the works he ascertains the changes in understanding the categories of «place» and «space» in sociology and in this regard the two types of solidarity. Firstly, it is a territorial solidarity of original community of citizens in classical understanding of a state having borders and political power with the right to legitimate violence. And secondly, it is a mobile solidarity of temporarily

uniting people without coercion, without commitment to values, for example, solidarity in network organizations. In his opinion, mobility of modern society acts as a phenomenon of new production of solidarity far outside of small groups [6].

Research Methodology

Theoretical Foundation

Application of general scientific methods of logic analysis allowed the authors to systematize the data on the issue under study and to come to the following conclusions. The authors grounded the ideology of development of regional solidarity on a social phenomenon of trust defined by P. Sztompka's, who determined three key concepts in this context – hope, confidence and trust [15]. The trust in the social relations is realized in two measurements – horizontal and vertical. Horizontal measurement is the level of interpersonal interactions inside the regional community. In turn, vertical level of trust expresses expectations concerning social, including administrative and political institutions of the region. Its ability to self-organizing depends on existence and rootedness of interpersonal trust in community and establishment of institutional trust creates possibilities of constructive cooperation with government institutions in order to solve general tasks. Thus, trust in the authors' interpretation is expressed in disposition of people on the open, constructive relationship based on positive life experience, realization of expectations concerning other people and social institutions including power institutions.

Theoretical justification of handling a problem of trust is provided by the conception of T. Parsons being formulated in the frame of structural functionalism and based on the thesis that «personal motives get channeled effectively into social system through loyalty and membership in various in relation to them collectives» [10]. According to T. Parsons loyalty represents «readiness to respond to properly «reasonable» appeal made on behalf of collective or for the sake of public interest or requirement». Thus, an individual as a member of community (collective) has some obligations in sense of solidarity with its other members and bears the burden of responsibility depending on his social role and status.

Applying this approach to realities of Russian regions we consider it admissible to regard regional solidarity as the system of interpersonal and intergroup relations based on their community members' understanding of interests, values, mutual support, loyalty, cooperation and mutual responsibility while achieving socially significant purposes. Thus, solidary community is based on trust and solidarity. Solidarity, in turn, is considered as active sympathy to interests, opinions of fellow citizens, colleagues, close people, unanimity with them.

Taking into account the above-mentioned works of J. Habermas about the importance of social dialogue between all participants of public relations based on principles of harmony and justice, as well as the works of J. Salamon, who indicated instability of solidarity due to the conflict of values, it is possible to refer the following conditions to the necessary ones to form regional solidarity:

- existence of values, which are unconditional for the majority of the population, and clear norms in relationships between people and social institutions which cannot be violated under any circumstances;

- affirmance of the idea of social justice as a leading principle of relationship between people;

- social activity, readiness and ability of citizens to participate in solution of problems, which are «common» for the territory, local community, labor collective and a family.

The relations between trust and mutual support are formed at various levels. First of all, it is a question of family and neighborhood relations. At this level solidarity assumes achievement of consent and mutual understanding between relatives and close people, revival of practice of mutual support among relatives and neighbors, especially in difficult real-life situations typical for crisis periods.

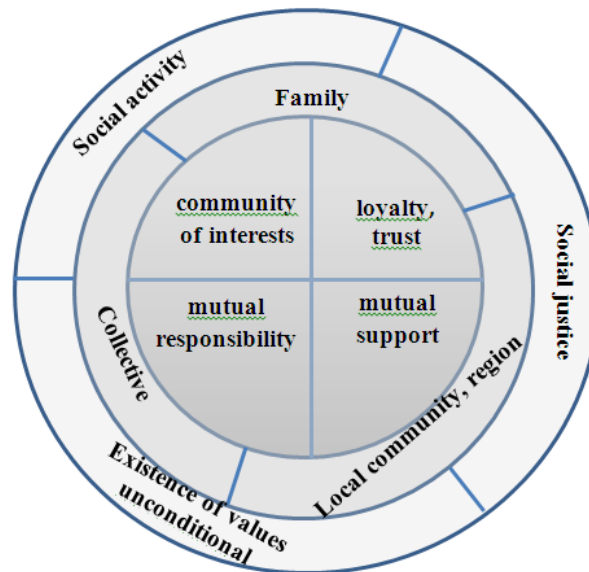
At the level of collective (labor association, educational collective, public association) solidarity means that its head considers his subordinates as colleagues in achievement of common goals, expresses and protects their interests; in their turn, the members of collective realize the degree of their responsibility for the results of their common activity.

At the level of local community and region, as a whole, the relations of solidarity are a system of equal and respectful relations between the power and institutions of civil society, which are based on principles of restriction of autocratic control, ensuring participation of citizens in governance, reliance on intellectual elite.

Thus it is possible to present the component scheme of regional solidarity (Fig. 1).

Figure 1.

Component scheme of regional solidarity.

Thus, the problem of formation of solidary community assumes achievement of high level of citizens' loyalty not only towards each other, but also mutual trust between citizens and collectives, as well as between the power and society. Thus, manifestation of mutual loyalty does not presuppose total unity of thoughts; it suggests readiness to respond to properly «justified» call formulated on behalf of a family, collective, society and state.

Empirical methods

At the empirical stage according to the purposes and research problems the authors considered traditional methods of a quantitative approach (direct observation, analysis of documents, polls) and used a method of questionnaire of population. The choice of this method was due to the fact that, on the one hand, it allows modelling mentally any situations necessary for the researcher to identify motives, dispositions, etc. It is a reliable and available method of research. Polls were carried out with use of multistage quota sampling technique. At the first stage taking into account experts'

opinion the municipalities of Belgorod region reflecting territorial specifics, its demographic, socio-economic and other characteristics were defined for the purposes of research. At the second stage the selection of respondents for polls was carried out by the method of quota sampling based on the following control properties: sex; age; place of residence (belonging to urban or rural areas). Thus, inhabitants of all municipalities were presented in the sample. They were from urban and rural areas, representatives of both sexes and age groups. Considering general data and in view of the purposes and research problems – in the Belgorod region were interviewed 1000 respondents.

The analysis and generalization of the results of the carried-out theoretical and empirical researches allowed the authors to define the factors promoting formation of patterns and examples of behavior focused on trust and solidarity in public consciousness of residents of Belgorod.

Results

Prospects of solidarization of inhabitants of Russian regions can be estimated on the basis of experience of Belgorod region where the attempts to advance the idea of solidarity have been undertaken since 2009. Now representatives of regional authorities fixed the conceptual and strategic documents defining the vector of solidarization of residents of Belgorod; the system of indicators to assess the efficiency of their realization was developed [16]. At the same time in practice the undertaken efforts have not lead to desirable results yet.

In 2014, with the assistance of the authors of the article, in Belgorod region the sociological research was carried out. Its purpose was to identify the problems of restoration of regional solidarity.

Belgorod region was founded in 1954 and now is one of the youngest in Russia. It is located in the south-west of the Russian Federation, 500-700 km to the South from Moscow, and has common border with Ukraine. The region comprises nineteen municipal districts and three urban districts.

The population of the region is 1 936 547 people. The population density - 57.05 people per km². The share of urban population is 66.94%. The share of male population

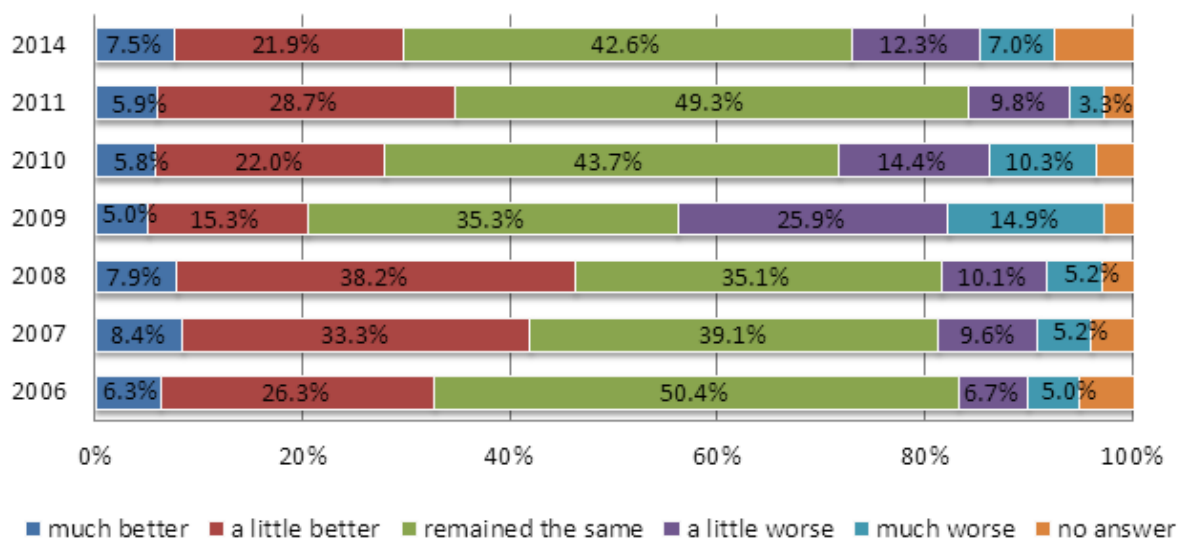
is 46.1%, female – 53.9%. The proportion of the residents younger than working age is 16%, of working age – 57.9%, above working age is 26.1%. (Russian Federal States Statistics Service, 2015).

The results of the carried-out research allow stating that establishment of the relations of mutual trust between residents of Belgorod, first of all, is prevented by unsatisfactory solution of a ratio of law and requital in Russia, as a whole, and in Belgorod region, in particular. So, only about a third of inhabitants of area are satisfied with realization of the principle of social justice in the region (35.90% of respondents). Almost for a quarter of population it is connected, first of all, with sharp division of people into the rich and the poor (23.60% of respondents noted it). For 61.9% of inhabitants of the area the situation either have not changed or worsened for the resent years (Fig. 2).

In this regard there is a doubt: in what degree it is possible to reach solidarity between an oligarch and an employee; between an unemployed person and an important official. However, respondents call impunity of those who have money and communications as the main manifestation of injustice (25.70%), absence of equal opportunities while getting a good job (17.80%), violation of the principle «the law one for all», impossibility for ordinary people to protect their rights (14.10%) and indifference of the power to people's opinions (13.40%). Thus, residents of Belgorod connect injustice not only with the fact of social inequality (though such position takes place), but also with double morals and double standards applied to people including the ones used by imperious institutions.

Figure 2.

Distribution of respondents' answers to the question: «How have conditions of your life changed for the resent year as a whole?»

And, therefore, it is possible to ascertain the crisis of institutional trust acting as the following negative factor, which prevents formation of regional solidarity. The power is one of the key institutions that set «rules of the game» in the society. At the same time the level of trust of the residents to regional and local government is rather low. Only 68.30% of respondents trust the Governor of the region while only about 40% of respondents trust executive and legislature bodies of the subjects of the Russian Federation. Level of trust to municipal authorities, on the average, is even lower and makes up only 35%.

Among the reasons of mistrust to the power, except the abovementioned «double standards» applied towards people, it is possible to name dissatisfaction of inhabitants with results of activities of imperious institutions and low degree of their information openness. So the highest indicators of satisfaction with activities and information openness are connected with the Governor of the region (65.30% and 45.52% respectively), but they are obviously far from the desirable ones.

This situation generates feeling of uncertainty and insecurity which is amplifying more and more among the population - less than a half of respondents are satisfied with the safety of life (45.60% of respondents), thus every third is not satisfied with this parameter (33.70%). Among threats to life, which disturb the regional population most of all, the respondents name a high crime rate (37.39%) more often; possibility of war

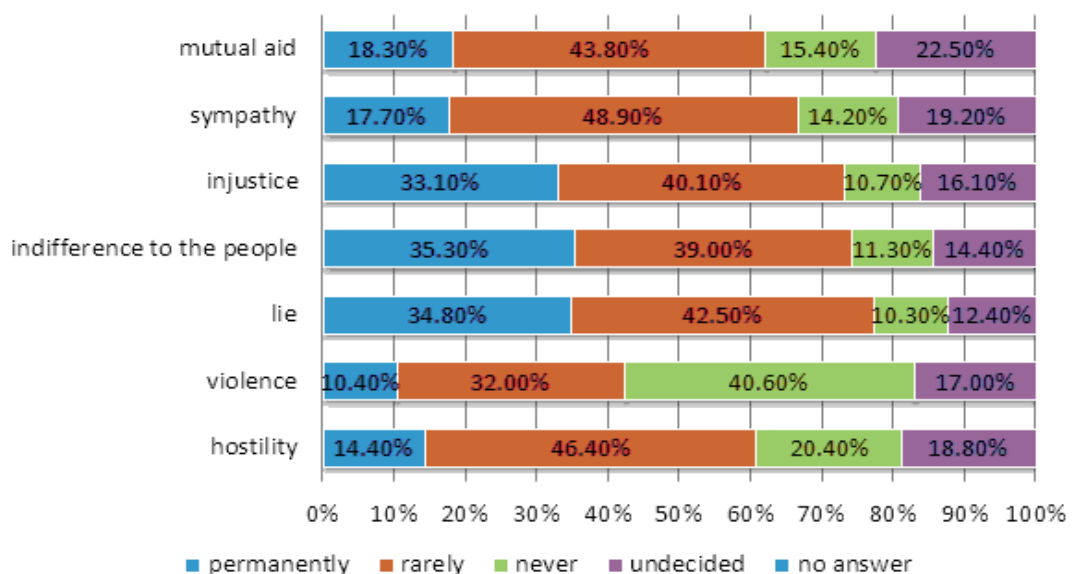
(35.91%); impossibility to receive high-quality health care (32.05%); violation of the citizens' rights (28.97%); spreading of «social diseases» (28.78%); adverse ecology (28.19%). It is necessary to take into consideration that the polls were carried out while the conflict in Ukraine was developing and the inhabitants of frontier Belgorod region reacted to the events very sharply.

The crisis of institutional trust caused also inability of bodies of public and municipal administration to provide due level of life safety, which is a potential source of social pessimism in society and negative (or, at least, skeptical) attitude to the initiatives of imperious institutions that promise accumulation of wellbeing and comfort, as well as formation of solidary society.

The feeling of insecurity also strengthens because of negative experience of daily communications between residents of Belgorod. Despite the fact that only 10.40% constantly face violence and 14.40% - manifestations of hostility, nearly one third of the population constantly observes indifference towards people (35.30% of the inhabitants of the area), manifestations of dishonesty (34.80%), injustice (33,10%). And only 17.70% of the respondents constantly observe the examples of sympathy and 18.30% - mutual aid (Fig. 3).

Figure 3.

Distribution of answers of the respondents to the question: «How often do you face manifestations ...»

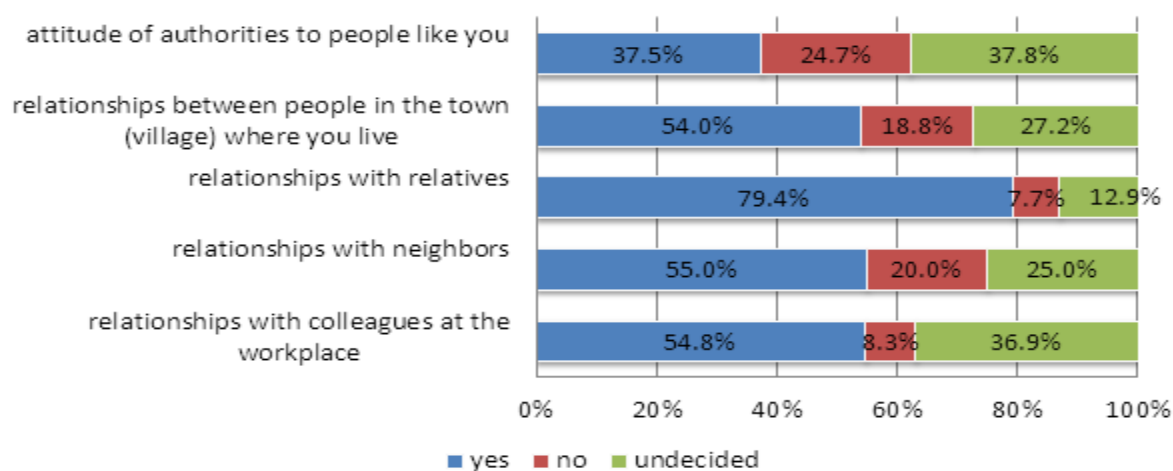

The abovementioned situation is certainly to be reflected in quality of human relations. Key types of the social relations and communications are the following: the relations within close relatives; the relations with neighbors; the relations in labor collective. These communications occur on daily basis with their social and psychological background. However, contacts with official institutions are also a necessary element of citizen life.

Now most inhabitants of Belgorod region are satisfied with the relations with relatives (79.40%), less – with the attitude of the representatives of the authorities towards them (37.50%). As for the levels of satisfaction with the other types of social relations, they show approximately the same results. So 55.00% of the respondents are satisfied with the relations with neighbors, 54.80% - with the relations with the colleagues, 54.00% - with the relations with people at the place of residence (Fig. 4).

Figure 4.

Distribution of the respondents answers to the question: «Are you satisfied ...»
Source: *Own survey. now*

Insufficient satisfaction of the inhabitants with quality of social relations is connected with the fact that there is no unity concerning basic values among the residents of Belgorod. In turn, values make a basis of any society as the assessment of the phenomena of surrounding reality is a necessary condition of survival of both an individual and society. The main sociocultural regulations of social behavior. They are capable to create a basis of the atmosphere of solidarity, or – on the contrary – to establish barriers to its formation.

The results of research allow building the hierarchy of values of the population of Belgorod region in key spheres of communication. In the family sphere the most significant values are love and fidelity, mutual respect and friendship, mutual consent, care of children. 42.50%, 32.80%, 24.50% and 24.30% of the respondents remark these respectively. But such values as respect towards a child's identity, patience and mutual aid are noted by less residents of Belgorod (11.60% and 12.10% respectively).

Trust, mutual aid, decency, culture of communication and politeness are mentioned as key values of communication with neighbors (36.40%, 33.00%, 24.30%, 21.80% of the respondents respectively). In this case the residents of Belgorod refer charity (5.70%), ability to defend one's interests (12.20%), care and discretion (12.20%), advantage (12.60%) to the least significant values.

In professional communication in the environment of work collective priority values are respect (34.40%), professionalism (29.50%), cooperation (27.00%), collectivism (22.90%), diligence (20.90%). However, few residents choose independence and an initiative, commitment and persistence, self-control as important values (only 9.40%, 9.10%, 6.40% respectively).

As for the relationship in the region as a whole, from the point of view of respondents justice (29.90%), spirituality and public morals (22.20%), safety (20.80%), culture of communication and politeness (20.40%) are the most important values. But the population regards tolerance (9.20%), solidarity (11.90%), service to the Fatherland and patriotism (11.90%), existence of the rights and freedoms (12.20%), responsibility for the future (14.50%) to be unimportant values.

Thus, a significant amount of values, important for realization of solidarity idea, differs low extent of acceptance at the level of family relations these are values of respect for a child's identity, patience and mutual aid. At the level of territorial communities – values of advantage, charity, ability to defend the interests. At the level of work collectives – values of culture of communication, commitment and persistence, creativity and creation, independence, initiative, self-control. At the level of regional communities – values of service to the Fatherland, patriotism, tolerance, responsibility for the future, existence of the rights and freedoms.

Summary & Conclusion

Nowadays Russian regions are left in axiological and legal limbo that is absence of valid truths and intentions to observe legal and, especially, ethical norms among the majority of people that is certainly reflected on quality of interpersonal relations. People are mostly disturbed by manifestations of lies, indifference to each other and injustice. These are the deviations the respondents have been facing most often for the recent years, which gives evidence of their being rooted in consciousness and behavior of Russian citizens. It has a destructive influence on the spiritual and moral atmosphere in society, on the relations between citizens and authorities, as well as creates essential obstacles for implementation of social and economic projects and programs, further modernization of Russian economy. In this regard the issue of formation of regional solidarity is considered to be especially urgent. Strengthening of system of base values, which are clear to the majority of people, among the population should become the foundation for such work. Such system should be institutionalized, that is, fixed in the form of concrete norms, which do not necessarily have legal character and are rather a result of the general voluntary agreement.

The issue of justice plays the key role in defining the prospects of formation of regional solidary society in practice. Value of justice has always been and in many respects remains the most important value of Russian culture. However, now only about one third of the respondents are satisfied with realization of the principle of social justice. Until such a conviction remains, it is difficult to count on essential advance of idea of solidarity. Thus, it is important to understand that the Russians connect injustice mainly not with the fact of social inequality, but with double morals and double standards in the attitude towards people. In this context the idea of solidarity can be realized only in case of declaration and unconditional realization of the rule – the same measures (laws, rules, norms, etc.) for all people.

One more important issue for strengthening of solidary relations is the problem of mutual trust between the authorities and the population. As a result of social and economic transformations, which are being carried out in our country, the popular frustration caused by the activities of state and municipal authorities have increased

considerably. It was one of the reasons of decrease of the authority of government bodies in the opinion of public, as well as considerable decrease in population's trust. Both insufficient efficiency of authorities' activities and their incomplete information openness worsen the situation. It is necessary that the trust and solidarity strengthen, first of all, through the organization of continuous dialogue between state and society, power and business. The criteria of efficiency of public and power communication can be the following: aspiration of the power to create control mechanisms from the side of public bodies; wide access of the population to objective information; possibility for the active part of public to influence on the decisions connected with formation of regional policy.

References

1. Berry J.W. (2011). Integration and Multiculturalism: Ways towards Social Solidarity. *Papers on Social Representations*, 20, 2.1-2.21.
2. Danaher J. (2015). Human Enhancement, Social Solidarity and the Distribution of Responsibility. *Ethical Theory and Moral Practice*, July, 1-20.
3. Durkheim, E. (1997). *The Division of Labor in Society*. Trans. W.D. Halls, intro. Lewis A. Coser. New York: Free Press.
4. Efremenko D. & Evseeva Y. (2012). Studies of Social Solidarity in Russia: Tradition and Modern Trends. *The American Sociologist*, 43, Issue 4, 349-365.
5. Elliot, A. & Turner, B.S. (2012). *On Society*. Cambridge: Polity Press.
6. Filippov A. (2012), Mobilnost` i solidarnost` [Mobility and Solidarity]. *Sociologicheskoe obozrenie - Sociological Review*, 11, Issue 1, 19-39.
7. Habermas, J. (1992). *Autonomy and Solidarity*. Interviews with J. Habermas / ed. by P. Dews. London-New York.
8. Habermas, J., (2013), *Democracy, Solidarity and the European Crisis*. [Online] Available: www.socialeurope.eu/2013/05/democracy-solidarity-and-the-european-crisis-2 (April 12, 2015).
9. Levitsky, S. (2003). Svoboda i otvetstvennost`: «Osnovy organicheskogo mirovozzrenija» i stat`i o solidarizme [Freedom and responsibility: «Bases of organic outlook» and articles about a solidarizm]. Moskva: Posev.

10. Parsons, T. (1971). *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
11. Russian Federal States Statistics Service (2015), *Demography*. [Online] Available:
gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography
(April 12, 2015).
12. Salamon, J. (2014). *Solidarity Beyond Borders: Ethics in a Globalising World*. London: Bloomsbury Publishing.
13. Samarin A. (2011). «Kul'tura mira» kak sredstvo preodolenija social'nyh konfliktov i dostizhenija solidarnosti [«Culture of the world» as means of overcoming of the social conflicts and achievement of solidarity]. *Konfliktologija - Conflictology*, 3, 122-133.
14. Sammut G. (2011). *Civic Solidarity: negotiation of identity in modern societies*. *Papers on Social Representations*, 20, 4.1-4.24.
15. Sztompka, P. (1999). *Trust: a sociological theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Zalivansky B. & Samokhvalova E. (2015). Social`nye indicatory formirovanija regional`nogo solidarnogo obshestva [Social indicators of regional solidary society formation]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki - Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 3-3 (53), 61-63.
17. Zhalkiev, V. (2014). *Solidarnost' i anomija v sovremennom rossijskom obshestve* [Solidarity and an anomy in modern Russian society]. Krasnodar: KrU MVD Rossii.

**PRIDNESTROVIAN LABOUR MIGRATION:
STROKES TO POTENTIAL SOCIAL POLICY**

Ostavnaya A.N.

assistant professor of the Department of sociology in the Institute of History and State Administration of the Pridnestrovian State University after T.G. Shevchenko, researcher of the Research-scientific laboratory «Sociology»

Volkova O.A.

head of the Department of social work, doctor of sociology, professor
Belgorod State University, Russia, Belgorod

Bystriantsev S.B.

professor of the Department of international relations, history and politology
St. Petersburg State Economic University
Russia, St. Petersburg

Abstract

The purpose of this study is the rationale for migration and social policies in Dnestr Moldavian Republic.

The study was performed by using several methods: analysis of data of State Statistics Service of the Ministry of Economic Development of Dnestr Moldavian Republic, Migration Service of the Ministry of Internal Affairs of Dnestr Moldavian Republic, Dnestr Moldavian Republic Bank, questionnaire migrants.

The result of research work is the effects of migration, indicating a need for migration policy, regulatory exodus to foreign labor markets. Social policy in the field of labor migration is a system of measures and activities aimed at administration problems of migrant workers and members of their families, as well as potential labor migrants.

Results of the study can be used in the development and implementation of social policy in the field of labor migration.

Main conclusions: the use of statistical data and the results of empirical research allows us to describe the unfolding situation in the sphere of Pridnestrovian labor migration, which has both positive and negative features; there has been a need to

regulate labor migration processes: on the one hand – to increase its effectiveness, on the other hand – to minimize its negative traits.

This article was prepared with the support of the RH Foundation, the project # 15-13-31004 a(p) «Volunteering in the regional system of social partnership based on work with refugees».

Introduction

Pridnestrovian Moldovan Republic (TMR) is an unacknowledged state between the Moldova republic and the Ukraine. In 1990 the process of its separation from Moldova republic had not only political but other basis: economic potential of two regions of MSSR (Moldavian Soviet Socialist Republic) -right-hand Bessarabia and left-hand Pridnestrovie differed substantially. By the beginning of the 90-ies in Pridnestrovie there formed mulibranch economics, leading in which were: labor intensive and material saving mechanical engineering, food and light industry, building materials production, power generating industry, fining metallurgy, labor intensive highly productive agriculture (Istorija Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki, 2001, p.299).

During the 90-ies socio economic development in Pridnestrovie was influenced by the following factors:

- uncertainty of political and legal status of Pridnestrovie, which created sufficient difficulties in implementing of external-economic activities;
- at the initial stage of Pridnestrovie formation there were no institutional organs of legal base, which were necessary to execute macroeconomic administration;
- external economic ties were destroyed and the main partners countries' economics was in crisis;
- necessity of transition from centralized economic system to a market one, absence of administration in firms and institutions in market conditions (Istorija Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki, 2001, p. 300).

As a result of these factors different crisis phenomena developed and among them: reduction of labor market and people' income. In these conditions considerable

part of the population chose labor migration as the main mechanism of adaptation to the existing socio economic reality.

According to different assessments the number of Pridnestrovian labor migrants is from 100 to 170 thousand people (Fomenko, 2009, pp. 5, 13, 85). Total amount of population is 509.4 thousand people, 20-33% of them are involved in labor migration (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p.16). If we consider migrants in multitude of their family relationships it becomes evident that a considerable part of Pridnestrovian population is involved in labor migration problems.

So labor migration is one of the most important processes which characterize the modern Pridnestrovian society and labor migrants and their families are a social group which needs expedient social policy.

Methods

Two state structures: State Statistics Service of the Ministry of Economic Development of PMR Migration Service of the Ministry of International Affairs of PMR deal with the problems of registration of migration flows (Krivenko, p. 41-44). But they don't have an effective methodology of registration and characteristics of migration. In this article in order to analyze labor migration more precisely and fully, together with official statistical data we use the information from Pridnestrovian Republican Bank now about funds transfers to Transdnistria from abroad (Rynok denezhnyh perevodov: tendencii, potencial i vklad v jekonomicheskoe razvitie Pridnestrov'ja, 2013) and the results of empirical sociological researches (Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Migracionnye nastroenija studentov PGU im. T.G. Shevchenko», 2013; Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Vlijanie trudovoj migracii roditel'j na socializaciju podrostkov», 2014; Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Migranty v novom soobshhestve: adaptacija i integracija», 2014).

All three initiative empirical researches were carried out by the author with the help of questionnaire survey (Volkova, O. & Ostavnaya, A., p. 96-103). In September

of 2013 there was carried out a research «Migration state of mind among the students of PSU after T.G. Shevchenko». Sampling covered 291 students from 4 and 5 courses of different specializations of this University. In April 2014 there was a research «Influence of labor migration of parents on socialization of youngsters». Sampling covered 210 students from 10 and 11 forms whose parents were earning money abroad. Sampling covered two regions: Tiraspol city and Grigoriopol region. In April 2014 there was a research «Migrants in a new community: adaptation and integration». Sampling covered all regions of Transdnistria.

Duration of staying abroad is characterized as follows : 21.6% respondents stay abroad less than 6 months, 15.7% - from 6 months to 1 year; 24.5% - from 1 to 3 years; 16.7% - from 5 to 10 years; 2.9% - from 10 to 15 years; 2% - more than 15 years.

On average 2 of 10 migrants are abroad less than half a year, 4 of 10 - 7-9 months a year, 4 of 10 are abroad more than 10 months a year.

Russian Federation is the main vector of labor migration (according to the research 9 of 10 migrants). This fact is proved by statistics of money transfers. Finances get to the republic almost from 140 countries of the world, among others are: 85% from Russia, 1.5% - from Turkey, USA, Ukraine, Israel (Rynok denezhnyh perevodov: tendencii, potencial i vklad v jekonomicheskoe razvitie Pridnestrov'ja, 2013, p. 13).

Russia is the nucleus of cross-border migration system to which many countries of the post-Soviet space are inclined (Akmalova, 2010, p. 72-83). Choice of Russia as a migration country is based on demographic, political, economic, social, cultural factors.

Ethnic composition of population in Transdnistria consists of 3 main ethnic groups: 31.9% - Moldavians, 30.4% - Russians, 28.8% - Ukrainians. In this region there also live Belorussians, Jews, Bulgarians, Gagausians, Germans, etc. (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p. 19). Double citizenship is widely spread in the republic. Besides the Pridnestrovian passport (which is legal only at the territory of the republic) people also have the citizenship of Moldova Republic, Russian Federation, Ukraine.

It's important to point out that citizenship of this or that country doesn't always correlate to the ethnic membership of a person. Russian passport is mostly preferred. This fact reflects general orientation of population to Russia. In 2006 during the referendum 78.55% of population came to the polls and 98.08% of them supported the course for independence of the Pridnestrovian Moldovan Republic and further accession to Russian Federation. In context of migration Russian citizenship has a utilitarian function: it gives possibility to have rights and freedoms of Russian citizens including employment rights. At the Russian labor market one can find a job on specialty and get much more money than Pridnestrovians working in their own country.

Among the reasons of social character we can single out kindred and friendship relationships with Russian citizens, former experience of life in Russia (many people were born there, studied, served there in the army), low level of migrantfobia to Pridnestrovian migrants who are accepted as fellow-countrymen.

Cultural factors of migration are connected with understanding of language and culture of the country. At the territory of Transdnistria Russian educational system functions, Russian TV ad radio channels are broadcasted. Absolute majority of population is Russian speaking. About 90% of population is orthodox (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p. 19).

As whole legal status, employment assistance no need for resocialisation lesser possibility of discrimination, visa free regime preconditions migration and specific character of employment in Russian Federation.

61.4% of migrants who were questioned work legally (with work book), 38.6% - illegally (on oral agreement). Illegitimate, as 74% of respondents think, makes the position of foreign workers complicated. Among other problems of migrants status 32.4% of people named difference in wages of foreign and native workers, 16.7% - the threat of immediate discharge.

About 46.1% of migrants work for a wage constantly and 39.2% temporarily; 7.8% have their own business employing workers, 3.9% are entrepreneurs; 2.9% have casual jobs. 51% of those who were questioned are workers, 38.2% are specialists and 10.8% are office workers.

Speaking about the grounds influencing the decision about migration it should be noted that in the 90-ies departure from Transdnistria for labor purposes was mostly connected with the loss of job, delays in wages and low incomes. The migration group at this time formed those categories of population which could not adjust to the existing socio economic reality at their permanent life territory.

In the 2000-ies the migration structure has changed: there appeared specialists from various spheres, who could adapt to the local labor market but nevertheless wanted higher wages, status and life perspectives.

According to opinion polls before the departure critical financial situation «being in debts and there was money only for food» was true for 34% of families, low - «there was enough money to buy food and clothing» pointed 52.9%, medium - «could buy durable goods» - 10.8%, high «could afford everything» - 5.9% of migrants.

Financial component of labor migration today is still actual. Answering the questions about the factors for employment abroad respondents mostly name the economic reasons: 60.8% speak about hard financial situation, 52% tell about the difficulties in employment, 26.5% complain on wages delay and 21.6% speak about the reduction of wages. Among other reasons for employment outside Transdnistria 52.9% of respondents pointed out the absence of life perspectives, 18.6% - long-standing political crisis, 8.8% - apathy to everything in the country, 5.9% - reduction of social payments.

Employment abroad is appealing to 90.2% of respondents because it is connected with «good »wages which are regularly paid. Additionally for 41.2% of migrants it gives better labor conditions, for 20.6% - professional growth, for 19.6% - correspondence of education and application, for 19.6% - convenient time table, for 18.6% - career development, for 17.6% - high social status, for 6.9% - to show initiative.

Politicians and researches in Transdnistria have controversial assessments of labor migration. There are positive and negative consequences of it that can be explained by complexity of migration process which is influencing many aspects of life of individuals and society as a whole.

At the macrolevel migration engenders demographic, economic and social changes. According to statistical data population size is declining, it's age structure changes. In 1990 the population of Transnistria was 730.7 thousand people (Statisticheskij ezhegodnik PMR, 2001, p. 29), by 2013 it decreased almost to 1/3 and is 509.4 thousands. The reason for decrease is natural and migrational loss of population (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p.16).

The result of the poll shows that 25.3% of Pridnestrovian migrants plan to stay abroad for permanent residency. Almost 25.3% plan to work there for a long time (a year and more) and then return home, 27.3% want to earn money in short term (less than a year) and then return home, 22,2% plan to go abroad regularly to earn money.

In 1996 there were 130.3 thousands of pensioners (19.2% of population) (Statisticheskij ezhegodnik PMR, 2001, p. 52), by 2013 their amount grew to 139.2 thousands (27.3% correspondingly) (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p. 53).

There's a flow-out of economically active population from the country. In 1996 the number of employed people was 225.8 thousands (33.2% of total population) (Statisticheskij ezhegodnik PMR, 2001, p. 39), by 2013 this number is 140.6 thousands (27.6% correspondingly) (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p. 40).

Labor migration should be considered in the context of «brain drain» problem. According to the assessments of Pridnestrovian demographers highly-qualified specialists, scientists and graduates from the Universities, who have great intellectual potential, leave the country now. They are active in sense of migration because their level of knowledge and qualifications can guarantee them employment in other countries (Burla, 2014, p.19).

The poll among the students of universities shows that migration intentions are inherent to every other respondent. 83.7% of respondents consider labor migration as the further improvement of life quality, 73.9% as the improvement of social status. 77.1% of respondents hope to get legal employment, 60% hope to work on their

specialty (Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Migracionnye nastroyeniya studentov PGU im. T.G. Shevchenko», 2013).

If we speak about the positive sides of migration we should point out that flow-out of labor resources led to a considerable reduction of unemployed number. The level of officially registered unemployment (in% of economically active population) was 0.26% in 1996 (Statisticheskij ezhegodnik PMR, 2001, p. 45) and 3.4% in 2013 (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliky, 2013, p. 46). This divergent fact proves that some problems in employment sphere were solved by means of labor migration easing in such a way the consequences of unemployment.

It is also necessary to point out that in other conditions considerable amount of unemployed population at the local labor market could lead to serious social distresses, such as total criminalization of the population, social diseases, forcible power shift. But all recent political and social changes didn't go outside the bounds of legal terrain of the republic.

Trade income of the considerable part of population is a little bit higher than the established minimum wage. Nevertheless consumers market, construction, paid educational and medical services are actively developed in the republic.

Money transfers of labor migrants play considerable role in development of consumers market and support of social stability. According to information of Pridnestrovian Republican bank for the last 10 years Pridnestrovian migrants have sent home about 1230 million Us dollars (Rynok denezhnyh perevodov: tendencii, potencial i vklad v jekonomicheskoe razvitie Pridnestrov'ja, 2013, p. 17). This statistics refers only to transfers made through official systems of money transfers. Unofficial channels of financial incomes when migrants themselves bring money, when they use «migrant's network» or buy expensive goods may also be about 50% of the registered volume of money. So annual volume of real money transfers may be about 300 million of US dollars.

During the last years the volume of income from foreign currency sell grew constantly in the general structure of population income approaching to the volume of income from payment of the hired workers' labor. In 1996 this income was 36804.6

billion of PMR roubles (59% of aggregate income of the population), the income from foreign currency sell was 3394.7 billion PMR roubles (5.4%) (Statisticheskij ezhegodnik PMR, 2001, p. 48), by 2013 this income increased: 4602.9 mln PMR roubles (34,8%) and 4285.9 mln PMR roubles (32.4%) correspondingly (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p.49).

Migration also exerts dual influence at the mikrolevel (at the level of an individual, family, household). Work abroad positively influences the welfare of the households. According to the polls money transfers make it possible for migrants' families:

- to improve the material wellbeing of the households: 65.7% of respondents improved their living conditions, 51% bought new furniture, consumer electronics, 32.4% bought a car, 36.3% bought new clothes,

- to secure high quality of life: 56.9% of respondents say that they use money transfers to secure family with good food, 21.6% say that they can afford rest at a resort, 10.8% pay medical services for themselves and their families,

- to improve educational level of the family: 33.3% of respondents can pay for education due to the money transfers,

- to pile up starting capital to begin their own business: 11.8% of respondents said that they use money transfers to open up their own business.

Working abroad promotes personal and professional development of migrants. As it was already pointed out earlier professional and career growth is an incentive for a part of migrants to get out of the Republic. In this context migration is a mechanism of human capital development.

But labor migration has drawbacks which negatively influence the development of families as a whole and their members. There is an unfavorable situation in the sphere of family and matrimonial relationships lately. Annually there is a lot of divorces. In 2013 for 1000 of population there was 6.8 marriages and 4.0 divorces (Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki, 2013, p.37). One of the reasons of divorces is that spouses live separately and one of them is a labor migrant. In the course of time it leads to a divorce. Because family matrimonial

relationships are not stable and because the migrants' family can't fully execute the socialization function to their children there appeared more homeless and abandoned children.

According to sociological researches 65.3% of Pridnestrovian migrants have children. During migrants stay abroad 67.9% of them leave children with a spouse, 26.4% with grandparents, 3.8% with other relatives, 1.9% with the elder children. This makes it very difficult to bring up children, which reflects on their school credits, their socialization and way of life as a whole.

There was a research carried out among the children of migrants and it shows that 9.1% of children disapprove their parents' work abroad, they are sure that parents should be together with their children. 47.5% support their parents, they understand that they do it for their sake. 7.1% of children admit that separation is painful for them, 54.5% are ready to put up with absence of parents because they understand that this is a circumstances demand. The problem now is the fact that at school there's no control over these pupils, 65.7% of children said that the teachers don't know that their parents are working abroad (Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Vlijanie trudovoj migracii roditelej na socializaciju podrostkov», 2014).

Another widespread migrants ' problem is their health. 36.6% of respondents pointed out that their health worsened. 34.3% of migrants say that they work hard to the max, 16.7% note bad working conditions, 29.4% of respondents say about violation of working time schedule, days off and leaves. Besides 6.9% of migrants are not content with their living conditions in the country where they work, 29% say that they eat less than at home, 56.9% are not satisfied with the climate of the country.

The problem is even worse because only 28.4% of migrants have an access to a free medical care, 56,9% of them don't have such an opportunity.

Conclusion

The use of statistical data and the results of empirical sociological researches give an opportunity to determine the situation in the sphere of labor migration of population in Transdnistria. The situation has positive and negative characteristics.

Given the objective character of social and economic conditions formed there the authors of the article point out the necessity to regulate the processes connected with labor migration: to rise it's efficiency on the one hand and to minimize it's drawbacks - on the other.

Social policy in migration sphere is considered as a rule from the point of view of the welcoming side. But a specific subject of this article - migration shift of the population. In the context of this problem speaking about social policy in labor migration sphere we understand the system of measures to administer the problems of migrants and their families as well as the potential migrants. The subjects for realization of social policy in labor migration sphere can be state structures as well as social and commercial.

Unrecognized state status influences the existing system of foreign policy relationships: State structures of Transdnistria are considered to be Illegitimate by most of the countries except Russia and some other postsript states. In these conditions state structures have the priority to create and realize social policy in migration sphere, but it is also necessary to create and develop non-standard organizations which are to solve problems of migrants and their families.

On the one hand social policy in migration sphere must reflect social and economic conditions, on the other hand it must meet the needs of individuals as well as the state.

Social policy strategy in migration sphere should include the following measures :

- develop and implement an effective system of monitoring of labor migration, which should consist of a set of statistical, economic, sociological methods,
- create a legal base, reflecting the already formed relationships as well as the appearing status and roles,
- ensure control and protection for children of labor migrants, of old members of their families,
- provide migrants with informational, legal, psychological support in their labor abroad,

- support creation and functioning of intermediary organizations between the labor migrants and potential employers outside the republic.

References

1. Akmalova, A.A. & Kapicyan, V.M., 2010. Formirovanie migracionnoj sistemy SNG. Rossiya i sovremennyy mir. Problemy, mneniya, diskussii, sobytija. # 3(68). pp: 72-83 (in Russian).
2. Burla, M.P., Krivenko, A.V. & Fomenko V.G., 2014. Analiz faktorov, trendov i posledstvij migracii naselenija Pridnestrov'ja. Jekonomika Pridnestrov'ja. # 4-5. pp: 18-24 (in Russian).
3. Istorija Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki, 2001. T. 2. Ch. II., Tiraspol, RIO PGU. pp: 512 (in Russian).
4. Krivenko, A.V. & Ostavnaja, A.N. Problemy ucheta migracionnogo dvizhenija v PMR, 2013. Upravlenie i marketing: tendencii i perspektivy razvitija v uslovijah jekonomiki Pridnestrov'ja. Proceedings of the Respublikanskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, Yan. 30, Tiraspol, Likris. pp: 39-48 (in Russian).
5. Rynok denezhnyh perevodov: tendencii, potencial i vklad v jekonomicheskoe razvitie Pridnestrov'ja, 2013. Vestnik Pridnestrovskogo respublikanskogo banka. # 3. pp: 13-19 (in Russian).
6. Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Migracionnye nastroenija studentov PGU im. T.G. Shevchenko» – sentjabr, 2013. Tiraspol, NIL «Sociologija». 66 pp. (in Russian).
7. Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija»PGU im. T.G. Shevchenko «Vlijanie trudovoj migracii roditelej na socializaciju podrostkov» – aprel, 2014. Tiraspol, NIL «Sociologija». – 44 pp. (in Russian).
8. Sociologicheskoe issledovanie NIL «Sociologija» PGU im. T.G. Shevchenko «Migranty v novom soobshhestve: adaptacija i integracija» – aprel, 2014. Tiraspol, NIL «Sociologija». 120 pp. (in Russian).
9. Volkova, O. & Ostavnaya, A., 2014. Pridnestrovskaya trudovaya migratsiya: shtrihi k potentsialnoy sotsialnoy politike. Aktualnyie problemy ekonomiki i menedzhmenta. – #1. pp: 96-103. (in Russian).

10. Statisticheskij ezhegodnik PMR – 2001: Statisticheskij sbornik (za 1996-2000 gg.), 2001. Tiraspol, Gosudarstvennaja sluzhba statistiki Ministerstva jekonomiki PMR. 184 pp. (in Russian).

11. Statisticheskij ezhegodnik Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki – 2012: Statisticheskij sbornik (za 2008-2012 gg.), 2013. Tiraspol, Gosudarstvennaja sluzhba statistiki Ministerstva jekonomiki PMR. 190 pp. (in Russian).

12. Fomenko, V. Demograficheskaja situacija v Pridnestrov'e v postkonfliktnyj period // Moldova – Pridnestrov'e: Obshhimi usilijami – k uspeshnomu budushhemu. Social'nye aspekty. – Kishinev: Cu drag, 2009. pp: 82-101 (in Russian).

THE COMMUNICATIVE ASPECT OF UNIVERSITY MANAGEMENT THE BORDER REGION

Shrubchenko A.V.
postgraduate student of the Department of
social technologies, Belgorod state
national research University
Russia, Belgorod

In the context of wider government reform to talk about fundamental changes to the principles of the universities of the border regions and the transformation of requirements to quality of preparation of graduates. If for the traditional type of cross-border functioning of universities is characterized by the reproduction of a certain number of staff with specialist skills, innovative type focuses on the training of competitive graduates that are in demand on the labour market, and the requirements of this market need to be considered in the training curriculum for the students. However, to date, not all universities have successfully implemented this transition. Important role in the process of transition to innovative type belongs to the ability of management systems to make decisions and troubleshoot with the maximum accounting of interests of all elements of the internal and external environment of the University.

«Real and not formal implementation of planned change is possible only if the system of University management deliberately uses her own resources. Important

value, along with financial and administrative resources, and has a social-communicative resource» [2].

In modern society significantly changes the concept of management of Russian universities. The need for this is determined by a complex of factors:

- first, the change of indicators of an estimation of their activity;
- secondly, increasing the level of interuniversity competition;
- thirdly, the increase of functions of modern University.

As a result of these changes there is a need to use such management mechanisms that were previously peripheral and sometimes was considered as a constraint to effective operation. Today they constitute an additional reserve for improving the quality of management. One of these channels is informal communication, which according to their characteristics differ substantially formal.

All social ties and relationships can be abstractly divided into formal communication formal and informal relations that arise spontaneously. First, as a rule, are in the field of attention, open and therefore sufficiently known. The latter is not often put on public display, are latent in nature, very diverse in its manifestation, uncommon and largely unpredictable. All the above fully applies to government relations and relations arising in various fields of social reality.

From the point of view of the theory of organization, «in the existing institutional order, they are created purposefully ordered relation is the formal structure and spontaneous communication is an informal structure set up unscheduled. Emphasizes, informal is a phenomenon in the social organization that stands outside formal organizational programs, though it occurs along with formal. In General terms, the informal is understood as a set of organizational relationships and processes that are not planned, spontaneously, unintentionally arisen. Thus, the two types of social organization, coexisting in unity: the informal organization arises only along with formal, they are interrelated and complement each other» [4].

Informal communications in cross-border higher education institution are not regulated by normative interpersonal interaction between participants of educational and research process, emerging and developing spontaneously. Informal organizational

communication Supplement formal information flows and organizational environment filled with real social content. In some cases, informal communication can substitute for formal.

«We can offer the following classification distinguishes between seven groups of informal communication:

1) informal elements of public opinion (gossip, gossip, rumors, gossip, stories, rumors);

2) falsifying the elements of informal communication (misinformation, the lies, the deceit, denunciation, slander, slander, slander, slander, newsniche);

3) interpretative elements of informal communications (conjectures, guesses);

4) folklore-mental elements of informal communications (beliefs, legends, myths, created independent of the formal structures subjects);

5) the public elements of informal communications (public discussions, negotiations, scandals);

6) the satirical element of informal communication (satire, irony, aphorisms, Comedy, jokes, limericks, «gay language», ridicule, jokes);

7) the graphical elements of informal communications (graffiti, cartoons, caricatures)» [3].

8) A distinctive feature of these types of informal communication as: rumors, gossip, rumors, tall tales, rumor, gossip, misinformation, lies, deceit, denunciation, slander, slander, slander, slander, nausnice, guesswork, speculation, beliefs, legends, myths. is the problem of reliability of the information they deliver.

9) Under the rumor usually refers to information that has two characteristics: informal sources of obtaining it and of undetermined accuracy. There are many definitions of this type of informal communication, retaining a social-philosophical, sociological, socio-psychological and other aspects of this phenomenon. «Rumors – a broader concept than gossip. Gossip – a form of distribution of socially significant information in society, the collective, the group. Unlike the official information, the rumors, as a rule, do not possess sufficient and reliable information basis – the presence of established facts, events, etc., are born in the process of interpersonal

communication, the exchange of information between people. They are in the form of judgments, estimates and forecasts, which are characterized by the greatest expectations of people, and raised both their hopes and fear of the future» [1].

A sufficiently General nature of rumors, allowing them to go beyond the particular case, is another sign that distinguish them from gossip and their, so to say, official options - accusations of misinformation. Misinformation usually refers to the spread distorted or false information from the media and other socio-political institutions to achieve advocacy, military and other purposes. Lying is disinformation directed «at another person recognized the true statements, which is the very source of their spread false believes» [1]. The lie is merely the transmission of false messages, and deceit is its result, i.e. the introduction of human error. The denunciation is usually called the indictment a secret message to the authorities about someone's activities, actions. False accusation, slander is spoken is called slander.

The binding of rumors by the time and environment of their formation - the main difference from tales and legends, the relevance and novelty - from legends and anecdotes. Under bikes usually means entertaining short story, fiction, palacinka, fiction, fable, the legend - coming from the past and living in the people a belief in something. The legend in this case means is based on oral tradition, poetic tradition about a historical or fictional person, event, an anecdote is a short story about a historical person, the incident.

In this group includes such forms of informal communication, as guess - the thoughts, assumptions about the probability of something and the speculation is unsubstantiated guesswork. It seemed that the latter are signs of informal communications that are listed in our working definition, in particular the transfer functions of meaning generation at the microsocial level.

If we turn to humor, graffiti, their value as a means of social communication is not connected with the issue of credibility, and above all with their uniqueness as an informal channel identifying public attitudes and expectations. With regard to these types of informal communications, like a public debate (especially political), the talks, the scandals, they are difficult to attribute to one of the two above-mentioned groups;

combining the time clearly associated with such features of communication, such as intensity, interactivity, creativity.

«As the results of some studies, the consciousness of the managerial elite still largely closed to understand the importance of effective implementation of modern forms of managerial influence, and the more urgent becomes the task of education and promotion of promising opportunities, the obvious benefits of adopting the most productive models and methods of administrative cooperation. It is important to show that managerial interaction is not in the nature of a unilateral translation of instructions that it is social in nature, that is, the relationship involves the exchange of social experience in the process of its implementation and thus constitutes a source of enrichment results» [5].

It is important to emphasize that all the existence of informal communication in organizations can be twofold – both positive and negative, and therefore require management action, involving the stimulation of positive and the prevention of negative consequences. Effective management of informal communication processes in higher education institutions of the border regions requires, firstly, understanding the spectrum of opportunities that have the head, and, secondly, adequate tools for studying the impact of accompanying change management effort.

References

1. Dmitriev, A. V., V. V. Latynov, Hlopiev T. A. Informal political communication. M., 1996. – P. 61.
2. Eliseeva M. A. Social-communicative resource of HEI management in conditions of reforming of the higher school: Diss. ... candidate. SOC. Sciences. – Moscow, 2009. – S. 6.
3. Makarova I. V. Informal communication: social-philosophical analysis : dis. ... candidate. philosophy. Sciences. – Rostov-on-don, 2003. – P. 34.
4. Prigozhin A. I. Modern sociology of the organization. M., 1995. P. 52.
5. Saburov E. F. the Message to the roundtable: «the Internet and tolerance»
// URL: <http://tolerance.tmp.fio.ru/nindex.php?n=218> (accessed 20.01.2016).

2. Лучшие практики межмуниципального сотрудничества

Муниципальный район «Ровеньской район» Белгородской области (Российская Федерация)

Ровеньской район расположен на юго-востоке Белгородской области, на южных склонах Средне-Русской возвышенности. Район граничит на севере с Алексеевским, на востоке - с Россошанским и Ольховатским районами Воронежской области, на юге - с Новопсковским и Белокуракинским районами Луганской области Украины, на западе - с Вейделевским районом Белгородской области. Районный центр - поселок Ровеньки. В Ровеньском районе протяженность границ составляет 62,5 км.

Международное сотрудничество осуществляется согласно договорным отношениям с вышеперечисленными районами (в области культуры, образования, спорта). После событий 2014 года сотрудничество с данными районами Украины временно приостановлено. На данный момент осуществляется сотрудничество с г. Ровеньки, который является городом-побратимом. Проходят встречи, обмен делегациями, периодически оказывается гуманитарная помощь городу Ровеньки.

**Лиозненский район Витебской области
(Республика Беларусь)**

Лиозненский район – живописный уголок на востоке Витебской области. Занимает площадь 1,4 тыс. кв. км. Граничит на севере и западе с Витебским и Сенненским, на юге – с Оршанским и Дубровенским районами Витебской области, на востоке – с Руднянским районом Смоленской области Российской Федерации.

В настоящее время Лиозненским райисполкомом подписаны и действуют соглашения о сотрудничестве с муниципальными образованиями Российской Федерации: Администрацией муниципального образования «Ельненский район», Руднянский район Смоленской области и Пителенский муниципальный район Рязанской области.

Соглашение мэров «Энергия для Мэров Восточной Европы» При поддержке Болонского Университета.

Проект ЕС/ПРООН «Содействие на местном уровне в Республике Беларусь», реализован проект по конкурсу «Создание волонтерского центра безопасности в аг. Ковали для защиты и сохранения животного и растительного мира». Реализация ряда проектов в сфере образования совместно с представительством благотворительного фонда «AIUTIAMOLI A VIVERE».

**Муниципальный район «Волоконовский район» Белгородской области
(Российская Федерация)**

Волоконовский район – частица Святого Белогорья, он богат своей историей и культурными традициями, расположен на юге Белгородской области. В физико-географическом отношении район находится на южном склоне Среднерусской возвышенности в бассейне реки Дона в лесостепной зоне. Граничит с Новооскольским, Красногвардейским, Валуйским и Шебекинским районами области, а также с Украиной. Территория района — 1287,7 км².

Привлечение инвестиций в экономику района является одной из важнейших стратегических задач администрации муниципального района «Волоконовский район»; важны как российские, так и иностранные инвестиции. Отдаётся предпочтение проектам с высокой производительностью труда, энергоэффективностью и экологичностью.

**Муниципальный район «Ракитянский район» Белгородской области
(Российская Федерация)**

Ракитянский район - это стабильно развивающаяся и перспективная территория общей площадью свыше 90 тысяч гектаров, на которой проживает свыше 34,8 тысяч жителей. Он обладает серьезным экономическим потенциалом и развитой социально-культурной сферой. В течение последних лет он занимает лидирующие позиции в области по ряду показателей социально-экономического развития.

Расположен в северо-западной части Белгородской области. На севере граничит с Беловским районом Курской области, на западе - с Краснояружским, на северо-востоке - с Ивнянским, на востоке - с Яковлевским, на юге - с Борисовским, на юго-западе - с Грайворонским районами Белгородской области.

В последние годы район достиг значительного роста объемов промышленного, сельскохозяйственного производства, стабильного развития социальной сферы.

Городское поселение – город Богучар
Воронежской области (Российская Федерация)

Городское поселение – город Богучар входит в состав Богучарского муниципального района Воронежской области и расположено на юге Воронежской области на расстоянии 230 км. от г. Воронежа на границе с Ростовской областью. Административным центром поселения является город Богучар, являющийся также административным центром Богучарского муниципального района.

Город Богучар имеет выгодное экономико-географическое положение, расположен в 700 км к югу от Москвы на федеральной автомагистрали М4 «Дон», в 64 км от железнодорожной станции на линии Лиски - Миллерово, что создает возможность межрегионального сотрудничества с Ростовской областью и международного – с Украиной.

Город Богучар, как член Союза малых городов Российской Федерации, включился в качестве пилотного проекта в работу по реализации подготавливаемой Союзом малых городов РФ, Торгово-промышленной палатой РФ и рядом институтов РАН «Национальной общественно-государственной программы модернизации, инновационного и технологического развития малых городов и районов».

Борисоглебский городской округ Воронежской области
(Российская Федерация)

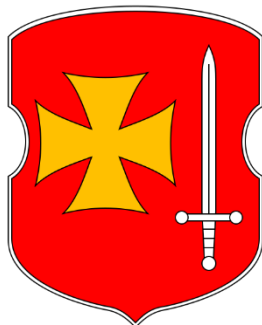

Борисоглебский городской округ расположен в Юго-Восточной части Окско-Донской равнины на слиянии рек Вороны и Хопра. Город Борисоглебск и 24 сельских населенных пункта составляют единое муниципальное образование – Борисоглебский городской округ. Территория округа граничит на севере с Тамбовской областью, на северо-востоке с Саратовской областью, на западе с Грибановским, а на юге с Поворинским районами Воронежской области.

Действует договор о дружбе и сотрудничестве между городами Борисоглебск (РФ) и Дельменхорст (ФРГ). За два десятилетия партнерства реализовано множество совместных проектов в области культуры, спорта, молодежной политики, образования. В настоящее время ведется активная работа и сотрудничество в области образования, культуры, молодежной политики, здравоохранения.

В течение всего периода сотрудничества происходит обмен официальными делегациями. Города-партнеры посещают сотрудники администрации, депутаты, руководители учреждений и предприятий.

**Муниципальный район «Кричевский район» Могилёвской области
(Республика Беларусь)**

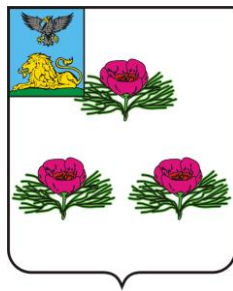
Кричевский район расположен на востоке Могилевской области. Граничит с Климовичским, Чериковским, Мстиславским районами Могилевской области и Шумячским районом Смоленской области.

В Кричевском районе имеются все условия для развития предпринимательской и инвестиционной деятельности, открытия новых производств. Уникальное географическое положение, близость к границе Российской Федерации позволит вновь созданным предприятиям получить конкурентное преимущество при работе на рынках стран, которые будут работать в едином экономическом пространстве.

Стратегические приоритеты района направлены на укрепление инвестиционного климата и повышение конкурентоспособности имеющихся предприятий.

Экономический потенциал района представлен предприятиями промышленности, сельского хозяйства, строительными и транспортными организациями, предприятиями торговли и бытового обслуживания, субъектами предпринимательства.

**Муниципальный район «Вейделевский район» Белгородской области
(Российская Федерация)**

Вейделевский район расположен в юго-восточной части Белгородской области. Он граничит: на западе с Валуйским и Красногвардейским районами; на севере – с Алексеевским; на востоке с Ровеньским районом; на юге с Троицким районом Луганской области Украины. Территория составляет 1356 кв.км. (5% от территории области).

Администрация муниципального района намерена оказывать поддержку инвесторам, создавать благоприятные условия для реализации проектов и предложений. За период с 2011 по 2015 годы на развитие экономики и социальной сферы района за счет всех источников финансирования использовано более 4,9 млрд. руб. инвестиций в основной капитал.

По состоянию на 1 января 2016 года инвестиционную базу района составляли 77 инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций в основной капитал 5,0 млрд. руб.

Вейделевский район открыт для диалога и сотрудничества, а также готов оказать всемерную помощь и поддержку инвестиционным проектам в реальном секторе экономики.

Городской округ «Город Белгород»
(Российская Федерация)

Международное и межрегиональное сотрудничество — стратегически важное направление развития города Белгорода, отраженное в подпрограмме 6 муниципальной программы «Муниципальное управление и развитие солидарного общества на 2015-2020 годы».

Помимо муниципальной программы, работа международного направления опирается на Программу социально-экономического развития городской округ «Город Белгород» на период до 2018 года, на рекомендации МИД РФ, на приоритеты, обозначенные Губернатором области.

Развитие межрегионального и международного сотрудничества формирует положительный имидж Белгорода и позиционирует город как открытый и динамично развивающийся, что, в свою очередь, способствует заинтересованности и привлечению местных властей потенциальных городов-побратимов и: городов-партнеров к совместному развитию партнерских отношений.

Усилия администрации в сфере международного сотрудничества не раз отмечались на мировом и европейском уровне. Подтверждением этому может служить уверенное движение Белгорода к одной из самых престижных наград - Призу Европы. В 2011 году на торжественной церемонии в Страсбурге (Франция) город был награжден «Почётным Диплом Европы», а уже через 2 года Белгород доказал, что достоин и следующей награды, вручаемой Советом Европы за развитие дружбы и сотрудничества между европейскими регионами, «Почётного Флага Европы».

Белгород - город, который активно развивает международные отношения, открыт для сотрудничества и обмена опытом с городами и странами. Ежегодно в наш город прибывают десятки официальных делегаций для общения с коллегами, установления деловых контактов и совместной работы. Представители администрации: Белгорода обращаются к лучшим мировым практикам для того, чтобы сделать областной центр городом европейского уровня комфорта. Международные отношения Белого города, в основном, затрагивают такие сферы как: культура, образование, спорт, экономика, градостроительство и городской менеджмент.

Количество городов-побратимов Белгорода на 2016 год достигает 10. В их числе: Ополе (Польша), Херне (Германия), Уэйкфилд (Соединённое Королевство), Ниш (Сербия), ряд украинских городов: Харьков, Луганск, Вышгород и другие.

Побратимские отношения имеют важное значение для развития города, для становления его, как площадки с конкурентоспособной средой. Город имеет для этого огромный потенциал, он привлекателен для иностранных инвестиций и всегда готов налаживать и развивать деловые связи.

Город Белгород развивает культурные, творческие, туристические связи с европейскими странами с 1968 года. И в нашу семью городов - побратимов вливаются все новые и новые города.

АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»

В рамках внедрения на территории Белгородского района успешных практик, направленных на развитие малого и среднего предпринимательства, создана в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2011 г. № 1393-р автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов».

В условиях экономической нестабильности особая ответственность ложится на органы власти, и от того как агентство построит свою работу зависит благополучие и стабильность Белгородского района.

Ежегодно объемы инвестиций, которые деловые круги вкладывают в развитие бизнеса в Белгородском районе, становятся все больше. Согласно данным Белгородстата на развитие экономики и социальной сферы Белгородского района в 2015 году (без субъектов малого предпринимательства) использовано 4361,5 млн. руб. инвестиций в основной капитал, что на 8,3 % выше уровня 2014 года (в сопоставимых ценах). Наибольшая доля объема инвестиций по видовой структуре приходится на строительство зданий и сооружений – 58,2 % от общего объема инвестиций, на приобретение машин, оборудования, транспортных средств – 22,6 %. Также, по итогам 2015 года выросло и количество созданных новых рабочих мест на территории района с 725 – в 2014 году до 945.

В 2015 году для реализации инвестиционных проектов было предоставлено 128 земельных участков, общей площадью 77,59 га, при этом 94 из них приходится на реализацию проектов в сфере реального сектора экономики (64,99 га). Количество фактически выданных разрешений на строительство в

реальном секторе экономики достигло 107 единиц, а введено в эксплуатацию по итогам года 80 коммерческих объектов.

При создании благоприятных организационных и экономических условий ведения инвестиционной и предпринимательской деятельности, при формировании эффективной системы привлечения инвестиций, в том числе в высокотехнологичные проекты, и сопровождение инвестиционных проектов, обеспечивается диверсификация и динамичный рост экономики района, повышается конкурентоспособность хозяйствующих субъектов, улучшается инвестиционный климат, нивелируются риски снижения инвестиционной активности.

Помимо крупных инвестиционных проектов, в районе активно ведется работа по созданию благоприятных условий для устойчивого развития малого и среднего предпринимательства.

В качестве приоритетных направлений инвестиционной политики района необходимо отметить:

Первое – это реализация плана мероприятий по комплексному развитию Белгородской агломерации на 2016 – 2025 годы, утвержденного Губернатором Белгородской области.

Второе направление – внедрение на территории Белгородского района сформированных АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» успешных практик, направленных на развитие малого и среднего предпринимательства.

Третье направление – формирование доступной среды для привлечения инвесторов и размещения их производств на территории района.

Четвертое направление – внедрение механизмов муниципально-частного партнерства.

Пятое направление – это активное позиционирование Белгородского района на межрайонном, межобластном и всероссийском уровне с целью привлечения потенциальных инвесторов на нашу территорию.

**Муниципальное образование «Белгородский район»
Белгородской области (Российская Федерация)**

Белгородский район обладает значительным производственным, трудовым потенциалом и развитой инфраструктурой. Району есть, что предложить потенциальным деловым партнерам и он готов к сотрудничеству в самых различных отраслях.

Благоприятный инвестиционный климат, создаваемый в Белгородском районе, подтверждается реализацией конкретных проектов:

- Строительство мясокомбината «Бессоновский» – предприятия по убою и переработке мяса (Колхоз им. В.Я. Горина), объём инвестиций в проект составил 1 135 млн. руб.
- Расширение тепличного комплекса по выращиванию овощной продукции в закрытом грунте, производственной мощностью 5,32 га (ООО «Сельскохозяйственное предприятие «Теплицы Белогорья»), объём инвестиций в проект составил 151,29 млн.руб.
- Строительство двух цехов типографии на территории бывшего молочно-товарного комплекса в с. Стрелецкое, объём инвестиций в проект составил 100 млн.руб.
- Строительство «Никольской кондитерской фабрики», объём инвестиций в проект составил 150 млн.руб.
- Увеличение производственно-складских мощностей действующего завода по производству полимерных труб в п. Октябрьском, объём инвестиций в проект составил 23,5 млн.руб.

- Создание спортивной базы пейнтбольного клуба «Белгородский легион», объём инвестиций в проект составил 5,8 млн.руб.
- Модернизация офсетного и переплётного производства ГК «Константа», объём инвестиций в проект составил 95,01 млн. руб.
- Строительство современного теплично-логистического комплекса для круглогодичного выращивания овощей и зелёных культур (ООО «Тепличный комплекс Белогорья»), объём инвестиций в проект составил 4197,23 млн. руб.
- Производство розы на срез в закрытом грунте тепличного комплекса, 6 га (ООО «ИЗОВОЛ-АГРО»), объём инвестиций в проект составил 1 344,6 млн.руб
- Строительство мощностей подготовки и хранения семян и посевного материала зерновых и масленичных культур (ЗАО «Краснояржская зерновая компания»), объём инвестиций в проект составил 192 млн.руб.
- Строительство многофункционального торгового комплекса «МЕТРО» с приобъектной парковкой и сопутствующей инфраструктурой (ООО «МЕТРО Кэш энд Керри»), объём инвестиций в проект составил 1 640 млн.руб.

На сегодняшний день в районе для привлечения инвестиций сформирован и постоянно актуализируется реестр инвестиционных площадок и объектов недвижимости, пригодных для осуществления предпринимательской деятельности и размещения производств. На каждую площадку разработан паспорт с указанием основных сведений (владелец, условия приобретения, условия доступа к площадке, характеристика инженерной инфраструктуры).

С целью привлечения широкого круга инвесторов была проведена работа по размещению сведений об инвестиционных площадках на информационных порталах, таких как:

1. ФБИП – федеральная база инвестиционных площадок;
2. официальный сайт АО «Корпорация «Развитие»;
3. официальный сайт муниципального образования «Белгородский район» Белгородской области.

**Макет бренда муниципального района «Белгородский район»
Белгородской области «Дуб, посаженный Богданом Хмельницким в честь
воссоединения России с Украиной»**

В целях реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011 - 2025 годы, утвержденной постановлением правительства Белгородской области от 24.11.2011 г. № 435-пп, Стратегии социально-экономического развития муниципального района «Белгородский район» Белгородской области до 2025 года, утвержденной решением Муниципального совета района от 28 ноября 2008 года № 132 Муниципальный совет Белгородского района решил утвердить в качестве бренда района природный объект, возраст которого насчитывает более 355 лет – «Дуб, посаженный Богданом Хмельницким в честь воссоединения Украины с Россией».

Это поможет сохранить культурное наследие, популяризацию идеи единения, семьи и дружеских уз, а также позиционирование Белгородского района в качестве культурного, исторического и туристического центра.

**Муниципальное образование «город Железногорск»
Курской области (Российская Федерация)**

Город Железногорск ведет активную политику по налаживанию международных отношений в целях создания и поддержания стабильных и продуктивных связей в экономической, социальной и культурной сферах. На настоящий день Железногорск является городом-побратимом трех городов:

- Жодино Минской области Республика Беларусь;
- Свиштов Великотырской области Республика Болгария;
- и Шпремберг района Шпрее-Нейсе федеральной земли Бранденбург (Германия).

В целях осуществления взаимного сотрудничества между городом Железногорском и городами-побратимами ежегодно разрабатываются и утверждаются планы совместных мероприятий, в которых предусматривается участие делегаций в ярмарках, обмен официальными делегациями во время проведения городских праздников, обмен информацией о событиях и мероприятиях, происходящих в городах-побратимах, а также продолжение развития и укрепления дружественных связей среди школьников. Также направляются поздравления жителям города Жодино, города Свиштов и города Шпремберг с государственными, официальными и знаменательными датами.

В рамках исполнения планов совместных мероприятий с городами-побратимами ежегодно проходят мероприятия, которые предусматривают расширение сотрудничества в различных сферах деятельности.

В целях укрепления дружественных связей город Железногорск в лице официальных делегаций принимает участие в праздничных мероприятиях,

проводимых в городах-побратимах, и в свою очередь, гостеприимно встречает ответных гостей.

В рамках исполнения подписанного в сентябре 2011 года соглашения по обмену информацией между редакциями газеты «Железнодорожные новости» (город Железнодорожск Курской области) и газеты «Жодзінскія навіны» (город Жодино Минской области) ведется постоянная рубрика «Жодино» на сайте газеты «Железнодорожные новости», в которой размещаются информационные материалы о событиях и мероприятиях, произошедших разных сферах жизнедеятельности города-побратима, таких как культура, экономика, политика, социальная сфера и других.

Главным направлением инвестиционной политики города Железнодорожска является формирование инвестиционной привлекательности и информационной открытости.

Для создания промышленных парков на территории города Железнодорожска в реестр Курской области внесен перечень земельных участков для потенциальных инвесторов.

Для улучшения инвестиционного климата и привлечения в экономику города Железнодорожска инвестиционных ресурсов крупных стратегических инвесторов в системе «Яндекс - карты» размещена графическая информация по 8-ми земельным участкам с указанием территориального расположения объектов.

3. Экспертные интервью

Барановский Игорь Юрьевич. Доцент кафедры социально-экономической географии и природопользования Смоленского государственного университета.

Согласны ли Вы с высказыванием, что приграничные регионы нуждаются в особом государственном регулировании?

На мой взгляд, приграничные регионы действительно нуждаются в особом регулировании, поскольку именно эти регионы имеют особые проблемы.

Должна ли быть особая государственная стратегия или концепция развития муниципалитетов приграничных регионов?

Опять же, на мой взгляд, должна быть определенная стратегия или даже уже программа по развитию отдельных приграничных регионов хотя бы на уровне муниципалитетов. Общая стратегия необходима, а уже компоненты должны соответствовать каждому конкретному региону и его специфике.

Приведите позитивные примеры развития средних и малых городов приграничных регионов.

В приграничной зоне нашего региона Белоруссии находится три города, два из них являются малыми и один средним. В этих городах располагается достаточно большое количество совместных предприятий, в их числе торговые и сельскохозяйственные, которые с использованием российского законодательства эффективно работают с белорусскими производителями.

Какие конкретные проблемы, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для средних и малых городов приграничных регионов?

Во-первых, это проблема занятости населения. Во-вторых, падение сельскохозяйственного производства. В-третьих, недостаточно развитый уровень социально-экономического показателя региона. В-четвертых, для нашего региона, это проблема демографического характера (сокращение численности населения).

Какие слабые места в межмуниципальном приграничном сотрудничестве Вы могли бы выделить?

Нет программы по осуществлению приграничных связей. Наличие такой программы во многом бы способствовало развитию социально-экономических связей с приграничными территориями другого государства.

Какие мероприятия, на Ваш взгляд, позволят минимизировать сложившиеся проблемы развития малых и средних городов приграничных регионов?

Нужно начинать с более высокого уровня и создания общей стратегии развития приграничных регионов, а затем и определенной программы для каждого региона. Необходимо максимально упростить и рекомендовать сотрудничество с Белоруссией. Максимально упростить взаимосвязи в сфере промышленности и различных предприятий.

Если вы слышите словосочетание «активизация межмуниципальных связей», то что Вы понимаете под этим?

Максимальное упрощение всех возможных процедур, которые препятствуют развитию сотрудничества в приграничных территориях. В реальности же, это проведение каких-то встреч, организация мероприятий.

Если говорить о межмуниципальном приграничном сотрудничестве в России, то как бы Вы его охарактеризовали?

Не достаточно развито. Для большинства территорий все-таки существуют объективные проблемы, в частности ограничение на трудовую деятельность.

Как вы оцениваете связь в рамках городов - побратимов?

Если бы не было таких связей, то взаимодействие в социально-экономическом плане все равно бы было на высоком уровне, поэтому нейтрально можно оценить такие связи. Такие связи отражаются в основном в культурно-массовом и социальном аспекте.

Могли бы Вы дать собственное определение понятию «модернизация муниципального управления»?

На мой взгляд, повышение качества, подготовленности органов власти к управлению.

Как Вы считаете, нуждается ли в модернизации система муниципального управления?

Наверное, да, это кадры муниципального управления и достаточно современное управление в нынешних условиях.

Воронов Виктор Александрович. Директор ООО «Региональный консалтинговый центр», к.с.н.

Должна ли быть особая государственная стратегия или концепция развития муниципалитетов приграничных регионов?

Я считаю, что особой стратегии не должно быть, потому что должна быть единая стратегия развития муниципальных образований, в рамках которой необходимо предусмотреть стратегические ориентиры для приграничных регионов и соответственно приграничных муниципальных образований.

Можете привести позитивные примеры развития средних и малых городов приграничных регионов в России и за рубежом?

Вы знаете, да, наверное, есть позитивные примеры. В частности Белгород, когда у нас была граница открыта. Был достаточно популярный город. Центр экономической миграции и логистический узел. Может быть другой пример. Выборг Ленинградской области, так же сейчас популярен с точки зрения логистики и экономических процессов. Если брать зарубежные примеры, я сейчас не вспомню названий городов, но допустим примеры есть на границе с Китаем. Барнаул, напротив китайский город расположен, где идет строительство, где идет развитие туристического кластера, ориентированного, прежде всего на туристов из РФ. Так же благодаря такому удачному расположению он развивает свой один из кластеров экономики.

Отличается ли развитие приграничных городов от развития «внутренних» городов страны? Есть ли преимущества приграничного положения данных муниципалитетов?

Конечно, отличается. Приграничные города выбирают одним из главных пунктов своей стратегии, пункт, связанный с созданием логистических центров, транспортных коридоров, узлов экономических в части товарооборота и взаимодействия с приграничными регионами соседних государств. У городов, которые удалены от границы, такой возможности нет, и они ориентированы только на внутрирегиональные ресурсы и ресурсы которые связаны с экономикой страны.

Какие конкретные проблемы, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для средних и малых городов приграничных регионов? Перечислите проблемы, с которыми в первую очередь сталкивается население средних и малых городов приграничных регионов.

Проблема в том же, в чем и достоинство, это месторасположение. Месторасположение влияет на привлекательность городов, влияет на их экономику, ну и в тоже время это одна из причин увеличенного рынка трудовых ресурсов. Это связано с трудовой миграцией и близостью границы, это так скажем старение населения, потому что такие регионы рассматривают приоритетных людей старшего поколения, которые имеют родственников на ближнем зарубежье. Ну и опять же это безопасность. То, что мы на себе ощущаем. Это тоже проблема.

За последние годы наблюдаются ли какие-либо изменения в области приграничного взаимодействия?

Если мы говорим о приграничном взаимодействии с соседними регионами других государств, проблемы конечно есть. Проблемы в основном, которые навязаны этим регионом, геополитикой, то есть это не внутренние коммуникации между представителями муниципальных образований разных стран. Все же геополитика и позиционирование государства на международной арене они, так или иначе, оказывают воздействие на взаимодействие. Допустим,

Белгород имел партнерские связи с рядом городов сопредельной Украины, с учетом внешнеполитических взаимоотношений двух стран эти партнерские отношения разорвались. То же самое, в экономической составляющей межмуниципального взаимодействия. Были большие проблемы, которые связаны с локацией производителей комплектующих одного продукта. Допустим, продукция вырабатывалась на территории города Белгорода, комплектующие поставляются из определенного муниципального образования Харьковской области. Проблемы транспортной логистики вызывают подорожание и экономические сбои в функционировании этих организаций. Это негативный пример. Позитивные примеры наверно тоже есть, но они в большей степени свойственны в межмуниципальном сотрудничестве, которые находятся за Уралом. Когда у нас возникли геополитические проблемы с европейскими государствами, вектор развития внешнеполитических связей был переориентирован на Азию и наши азиатские партнеры этим моментом воспользовались. Рост экономического оборота между двумя сопредельными территориями и муниципальными образованиями имеет место быть. В том числе долгосрочная перспектива в сфере производства, не только торговый товарооборот.

Если вы слышите словосочетание «активизация межмуниципальных связей», то что Вы под этим понимаете?

Под этим я понимаю выработку, какого-то стратегического документа, который содержит конкретные алгоритмы взаимодействия и определенные реальные шаги. Ближние перспективы, в течение 2-3 лет и долгосрочные перспективы должны быть взаимовыгодными.

Перечислите приоритетные направления развития приграничного взаимодействия на муниципальном уровне.

Опять же культурный обмен, обмен опытом в плане развития социальной сферы и развитие гражданской активности. Думаю это три главных направления.

Существуют ли преимущества у средних и малых городов приграничных регионов в экономическом развитии? В социальном развитии?

Я бы не выделял фактор наличия приграничного региона в числе тех факторов, которые могут оказывать преимущество. Допустим, если на территории муниципального района обнаружены какие-то природные запасы, то в экономическом плане у региона есть преимущество. Каждый регион и каждое муниципальное образование пытается использовать, те ресурсы, которые у них есть. В плане плюсов наличие границы в муниципальном образовании это одна из возможностей экономического роста и культурного обмена. Одновременно это и недостаток связанный с организацией нелегального бизнеса вокруг границы, потеря доходов того же муниципалитета и большая трата на организацию контроля за хозяйствующими субъектами, которые расположены в приграничном регионе, большие траты на обеспечивающие мероприятия связанные с прохождением границы, поэтому можно сказать, что какого-то преимущества нет.

Зависит ли уровень благосостояния населения приграничных городов от «фактора границы»?

Я считаю, что уровень благосостояния зависит от уровня экономики в муниципальном образовании. Если мы берем и сравниваем с муниципальным образованием, к примеру, Грайворонский район – приграничное муниципальное образование. Ракитянский район – не приграничное муниципальное образование, но уровень благосостояния людей, которые проживают в Грайворонском районе ничуть не выше, чем на территории Ракитянского, поэтому здесь если говорим о муниципальных образованиях, то, наверное, нет. Это вопрос регионального уровня.

Могли бы Вы дать собственное определение понятию «модернизация муниципального управления»?

Модернизация муниципального управления, на мой взгляд, это организация управленческих действий, основанных на профессиональных

компетенциях менеджеров, которые занимаются как раз управленческой деятельностью в муниципальном образовании. Наверное, компетенция и опыт, вот в чем заключается модернизация.

Кесорецких Иван Иванович. Ведущий специалист по международным проектам НП «Институт пространственного планирования, развития и внешних связей».

Можете привести позитивные примеры развития средних и малых городов приграничных регионов в России и за рубежом?

Хотелось бы остановиться на специфике Калининградского региона, потому что так или иначе любой город здесь является автоматически приграничным. Положительный опыт имеет город Гусев Калининградской области, где реализовано много международных программ совместно с Польшей. Например, были реализованы проекты по реконструкции площадей, создания культурно-досугово центра. Если мы берем опыт международный, именно пограничный характера, то здесь оценить опыт наших соседей – Польши, город Бранево. Он относится к малым городам приграничья, городам на заливе, где реализованы совместные проекты по строительству малых гаваней для приёма небольших яхт, маломерных судов.

А можете привести негативные примеры?

Если опять же остановиться на специфике Калининградской области, то следует упомянуть города, которые на границе с Литвой находятся. В российско-литовском направлении у нас ощущается дефицит сотрудничества, причиной этого является недостаток квалифицированных кадров с российской стороны.

Какие конкретные проблемы, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для средних и малых городов приграничных регионов?

Самые главные вопросы – это вопросы экономического характера, зачастую эти регионы имеют очень большой процент незанятого населения. Удаленность от областных центров и приуроченность к приграничным

территориям дают условия для развития безработицы. И вторая основная проблема, с которыми сталкиваются граждане приграничных регионов – это транспорт. Т.е. муниципалитеты и города, находящиеся буквально по соседству в нескольких десятках метров, зачастую не имеют возможности напрямую взаимодействовать друг с другом. Это существенно затрудняет и развитие городов, и их сотрудничество.

Какие мероприятия, на Ваш взгляд, позволят минимизировать сложившиеся проблемы развития малых и средних городов приграничных регионов?

Необходимы мероприятия, связанные с созданием условий для повышения транспортной доступности. В широком смысле – увеличение объема, оказываемых визовых процедур на границах, создание дополнительных пунктов пропуска. Создание условий для совместных предприятий, развитие туристического сектора. Так или иначе есть свои минусы и плюсы у обеих сторон, это создает условия для экономического сотрудничества между разными субъектами.

За последние годы наблюдаются ли какие-либо изменения в области приграничного взаимодействия?

В начале десятилетия был очень хороший и высокий уровень сотрудничества, было огромное количество различного рода инструментов. Были созданы российско-польские, российско-литовские советы, где активно принимали участие муниципальные образования. Потом, в связи с различным родом обстоятельств, (введение санкций со стороны Европы и ответных мер со стороны России) привело к тому, что сотрудничество сейчас активно сворачивается. Как отмечают наши европейские коллеги, это связано с тем, что не было возможности в дополнительном финансировании. И только в последние несколько лет, даже в последний год, наблюдается возрождение взаимодействия. При этом оно носит именно межмуниципальный характер на уровне городов. Активный интерес проявляет и ЕС в восстановлении данного формата сотрудничества.

Как Вы считаете, нуждается ли в модернизации система муниципального управления?

Да, нуждается, и это связано не со структурными изменениями, а именно с правильной организацией и работой с кадрами. Под «модернизацией муниципального управления» я понимаю, в первую очередь комплекс мероприятий направленный на повышение компетенций и улучшение работы в сфере муниципальной службы. Если брать сектор международного приграничного сотрудничества, то необходимо также проводить работу с кадрами. В современной ситуации фактор границы может быть использован, в повышении квалификации по различного рода международным программам, которые в настоящее время действуют.

Кирюхин Алексей Михайлович. Директор Восточно-Европейского института трансграничных исследований, Вице-председатель Целевой группы АЕПР по внешним границам.

Согласны ли Вы с высказыванием, что приграничные регионы нуждаются в особом государственном регулировании?

Да, безусловно, потому что регионы, которые географически размещены на периферии государств и граничат с государствами соседями, имеют специфику своего положения и специфику своего развития как социально-экономического, так и вопросы идентичности проживающего здесь населения.

Должна ли быть особая стратегия или концепция, декларирующая направления для развития муниципалитетов в приграничных регионах на государственном уровне?

Да, конечно, должна быть выработана государственная политика, она должна ориентироваться на международный опыт, в частности на европейский опыт, опираться на нормативную международную базу и, естественно, использовать потенциал приграничного положения для развития этих территорий.

Можете привести позитивные примеры развития средних и малых городов приграничных регионов в России и за рубежом?

Конечно, можно привести положительный пример сотрудничества: Святогорск – Иматра или Выборг – Лаппеенранта на российско-финской границе. Удачный пример сотрудничества – Хапаранда – Торнио на финско-шведской границу, т.е. вся система Twin Cities работает под программами Европейского Союза, финансируются города. Приграничным городам в Европе уделяется особое значение их развитию, ищутся совместные ресурсы через проекторное управления развития территорий, выстраивается, допустим, как в Хапаранда – Торнио. Система совместных инструментов по управлению проектами, по развитию городов соседей и в этом отношении накоплен значительный опыт, который, в принципе, может быть использован РФ. Формы сотрудничества на примере Хапаранда – Торнио там существует практика медицинского совместного обслуживания, транспортная политика двух городов интегрирована, уборка мусора, туризм и муниципальное управление по задачам развития городов: сделаны совместные торговые площадки на смежных территориях, поэтому приграничные города обладают целый рядом, в случае наличия договоренностей муниципальных, целым рядом преимуществ взаимодополняемых.

Можете привести негативные примеры?

Негативные примеры относятся к населенным пунктам, которые удалены от основных транспортных осей, которым негде черпать ресурсы. Происходит угасание таких населенных пунктов, в общем-то, они выключены. Для европейской политики сплочения существует специальный термин «включенность», который обеспечивает через местные фонды поддержку таких территорий и предоставления на грантовой основе ресурсов для стабилизации населения, занятости. Это специальные программы, которые позволяют обеспечить рост определенных социально-экономических показателей и замедлить негативную стабилизацию, динамику, которые наблюдаются из-за объективных причин географического характера.

Ваша оценка динамики развития средних и малых городов приграничных регионов Российской Федерации?

Во-первых, Россия имеет очень длинный пограничный периметр. Развитие пограничных участков очень сильно отличаются, поэтому не может быть универсальной оценки в динамике: в одних случаях она негативная, в других случаях - позитивная, как на российско-китайской границе. Там наблюдается рост инвестиций со стороны Китая, занятость, создание рабочих мест, специальных инфраструктурных проектов, обеспечивающих поддержку торговли приграничной, поэтому каждый участок характеризуется своей спецификой. Даже на отдельных участках российско-украинской границы все выглядит достаточно мозаично.

Отличается ли развитие этих городов от развития «внутренних» городов страны?

Конечно, различается спецификой различия границ. Наличие границы обуславливает совершенно конкретные барьерные функции, которые закрывают потоки, их фильтруют, соответственно динамика развития «внутренних» городов и периферийных приграничных городов различна, для последних существует такие ограничительные факторы как граница.

Есть ли преимущества от приграничного положения данных муниципалитетов?

Безусловно, если достигнуты межгосударственные гарантии по беспрепятственному движению товаров, услуг, населению.

С какими из местных проблем сталкивается население средних и малых городов приграничных регионов в первую очередь?

- развитие приграничной торговли,
- оказание медицинских, образовательных, культурных услуг.

Если существуют режимы ограничения торговли, скажем, даже при наличии зоны свободной торговли могут быть изъятия из этой свободной зоны торговли и нетарифные барьеры, нетарифное регулирование, санитарный контроль и прочие барьеры, которые препятствуют перемещению товара.

Поэтому, если город способен обеспечить производство каких-то товаров и услуг эти ограничения резко дают сбой в трансграничных потоках. Медицина и образовательные учреждения в одних городах может отсутствовать. Скажем, Белгород 15 лет назад не имел хорошей сети общественного питания, а Харьков традиционно такой системой обладал, старались белгородцы ездить в Харьков за этими услугами. Сейчас ситуация выравнивается.

Какие конкретные проблемы, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для средних и малых городов приграничных регионов.

- низкий уровень конкурентоспособности (ограниченность экономической структуры, дефицит финансовых ресурсов, отсутствие высококвалифицированных кадров);

- отсутствие местных пунктов пропуска;

- неблагоприятная демографическая ситуация и высокий уровень миграции активной части населения;

- неразвитость транспортной инфраструктуры между граничащими регионами (состояние дорог, недостаток общественного транспорта).

Отток кадров происходит из таких городов, безработица увеличивается. Местные пункты пропуска затрудняют ежедневные перемещения населения. Демографическая ситуация вытекает из первых двух ограничителей.

Соответственно неразвитость инфраструктуры очень сильно сказывается на развитии этих городов, вместо того чтобы формировать взаимодополняемые стратегии развития этих городов, они вынуждены самостоятельно пытаться преодолеть эти проблемы. И соответственно наблюдается негативная динамика в развитие таких городов, нужна специальная поддержка перераспределения средств федерального и местного уровней в пользу местного уровня для стимулирования программ развития местных городов.

Какие слабые места в межрегиональном сотрудничестве в России вы могли бы выделить?

Отсутствие общепонятной региональной политики, которая бы была обязательной для субъектов федерации и стимулирование межрегиональных связей сотрудничества, которые бы позволяли усилить эффект взаимодействия.

Какие барьеры препятствуют межрегиональному взаимодействию в России?

Кадровое обеспечение, человеческий капитал, низкая мобильность населения, неразвитая современная транспортная инфраструктура (например, отсутствие скоростных поездов).

За последние годы наблюдаются ли какие-либо изменения в области приграничного взаимодействия?

Изменения в любом случае происходят. На российско-украинской границе прекращено действие еврорегионов, заморожено приграничное сотрудничество и существует вооруженный конфликт на Донбассе. Говорить в целом я не могу, везде своя специфика. На российско-финской границе упал товарооборот между двумя странами. Движение приграничных отношений опять же определяется политикой, если на российско-белорусской границе в рамках союзного государства наблюдается позитивная динамика, то на российско-украинской границе наблюдается обратный эффект: отчужденность, появление стены, прекращение тех мощных связей муниципальных и межрайонных, которые существовали на уровне приграничных районов, городов и т.д.

Если вы слышите «активизация межмуниципальных связей», то как вам кажется, что это должно означать на практике?

Рост подписанных соглашений между муниципальными образованиями, наполнение их конкретными проектами и увеличение обменов в рамках каких-то мероприятий культурного плана: совместные туристические маршруты, выставки, ярмарки и т.д. Рост приграничной торговли через создание каких-то условий, площадок для торговли непосредственно у границы.

Если говорить о межмуниципальном сотрудничестве в России, то как бы вы его охарактеризовали?

Пока оно находится, мне кажется, еще на такой ювелирной стадии, не прописаны законодательством четкие перспективы и позитив от этого сотрудничества, оно не стимулируется специальными мерами финансового характера и управленческого характера, поэтому межмуниципальное сотрудничество оно пока что, в принципе, не является приоритетным для отдельных субъектов федерации.

Какого типа взаимодействие преобладает между российскими регионами?

Каждый регион старается создать какой-то для себя крупный региональный проект: форум или площадку, и привлечь на нее максимальное число участников.

Как Вы оцениваете сотрудничество в рамках городов побратимов?

Нужно брать конкретный пример и смотреть динамику его развития. Наиболее интересный проект: Хапаранда – Торнио, там наиболее реализовано все через интегрированные решения.

Какие проблемы решают побратимские связи городов?

Инфраструктурные и социально-экономические.

Отметьте на Ваш взгляд, основные преимущества средних и малых городов приграничных регионов:

Резерв территорий для размещения промышленного, транспортного и жилищного строительства.

Наличие территорий, которые позволяют переконфигурировать структуру местной экономики.

Лаврушина Наталья Вячеславовна. Заместитель начальника администрации Петрозаводского городского округа, консультант по вопросам международных линий.

Согласны ли Вы с высказыванием, что приграничные регионы нуждаются в особом государственном регулировании?

Я бы сказала, что для приграничных регионов должны быть какие-то особые условия, которые способствовали бы их развитию и интеграции, а так же усилению связей с регионами по другую сторону границы.

Должна ли быть особая государственная стратегия или концепция развития муниципалитетов приграничных регионов?

У нас есть концепция приграничного сотрудничества. Это должен быть какой-то единый документ, который бы касался развития приграничных регионов и сотрудничества с регионами по другую сторону границы. Отдельно по муниципалитетам, не знаю насколько это реалистично. Как показывает опыт, не всегда подобные документы получаются.

Можете привести позитивные примеры развития средних и малых городов приграничных регионов в России и за рубежом?

Могу привести пример нашего соседнего города Йоенсуу (Финляндия), который находится в 70км от границы. Город весьма интересный и активно нацеленный на сотрудничество с Россией, имеющей региональную стратегию сотрудничества с Россией, имею ввиду регион «Северная Карелия». Город довольно хорошо развивающийся, по европейским меркам достаточно небольшой, но, тем не менее, почти центр региона «Северная Карелия». Что касается России, ну не знаю тут, наверное, будет Костомукша Республики Карелия, которая недавно отметила свое тридцатилетие.

Отличается ли развитие этих городов от развития «внутренних» городов страны?

Думаю, что отличается. Есть особенности и факторы, которые влияют на развитие приграничных городов. В тоже время для городов внутри страны эти

факторы не играют никакой роли в их развитии. Взаимодействие с внешним миром требует какой-то компетенции и понимания желаний регионов по ту сторону границы. Для диалога нужны определенные навыки, знания и нацеленность на позитивный результат.

Какие конкретные проблемы, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для средних и малых городов приграничных регионов? Перечислите проблемы, с которыми в первую очередь сталкивается население средних и малых городов приграничных регионов.

Проблемы будут общие. Отдельно выделить проблемы приграничных городов достаточно непросто. Доступность пересечения границы, для каких-то городов это является проблемой, для каких-то нет, в зависимости как решаются вопросы пересечения границы, вопросы доступности пунктов пропуска, их близости. Наверное, вот эти вещи нужно принимать во внимание.

Если вы слышите словосочетание «активизация межмуниципальных связей», то что Вы под этим понимаете?

Конечно это взаимодействие специалистов по разным направлениям. С помощью коллег производить обмен опытом, устраивать модели работы, делиться наработанными практиками. Это должно выступать инструментом для развития.

Какие формы взаимодействия преобладают между российскими муниципалитетами?

На примере Петрозаводска, мы достаточно активно участвуем в деятельности городов Северо-Запада России. В рамках этого союза выполняются ежегодные планы. Организации города и районов участвуют в мероприятиях других городов. Проводятся культурные, спортивные мероприятия. Это та площадка, которая способствует диалогу.

Как Вы оцениваете сотрудничество в рамках городов побратимов? Какие проблемы решают побратимские связи городов?

Сотрудничество в рамках городов побратимов, это та форма сотрудничества, которая была, есть и должна сохраняться, потому что это

инструмент который доказал свою эффективность. У Петрозаводска на сегодняшний день 13 городов побратимов, есть те города, с которыми мы действительно сотрудничаем очень интенсивно и постоянно, это не только по линии администрации это и прямые связи общественных организаций, и контакты обычных горожан. В тоже время есть города, с которыми соглашения, скажем так, лежат на полке. В силу своих определённых обстоятельств, эти связи не стали живыми. Положительные примеры есть. Только с городом Йоенсуу за действие программы мы реализовали 4 проекта, которые продолжались не один год.

Могли бы Вы дать собственное определение понятию «модернизация муниципального управления»?

Должна быть какая-то система подготовки кадров, которые работают на муниципальном уровне, причем именно система, потому что сегодня ситуация такова, что люди могут приходить не имея ни единого дня опыта работы в системе муниципального управления и пытаться выстраивать какую-то систему не понимая, как действует то что уже есть. Вот для того, чтобы подобного не было должна быть адекватная система подготовки кадров и повышения их квалификации. Тогда такого дефицита в кадрах не будет. Уже после этого могут выстраиваться подходы к модернизации муниципального управления.

Как Вы считаете, нуждается ли в модернизации система муниципального управления?

Это всегда необходимо. Модернизация должна быть постоянно, но в том, как она выстраивается должны быть свои нюансы и особенности. Как, например особенности на севере и на юге довольно сильно отличаются. Региональные подходы должны приниматься во внимание. Тем не менее, должны быть общие рамки, которые будут понятны всем.

Попкова Людмила Ивановна. Заведующая кафедрой экономической и социальной географии Курского государственного университета, профессор, д. г. н.

Должна ли быть особая государственная стратегия или концепция развития муниципалитетов приграничных регионов?

Я считаю, что такая концепция необходима, поскольку приграничные регионы находятся в особом географическом положении и сильно зависят от прилегающей границы другого государства. Все это необходимо и для развития рынка, и для регулирования потока миграции.

Как вы оцениваете динамику развития средних и малых городов приграничных регионов Российской Федерации?

Динамика очень сложная и скорей всего зависит от того приграничного региона с которым он граничит. Если определенная связь существует, то город развивается динамично, если связи нет, то город развивается с теми концепциями и программами, как и все регионы внутри страны. Вместе с тем, очень много проблем, самая главная из них это поиск собственного бренда. Поиск такого индивидуального бренда для каждого региона, который был бы узнаваем, помог бы решить многие проблемы. Проблемы у каждого региона свои, однако, их объединяет невысокий уровень состояния экономического развития, низкая степень благоустройства.

Как, по вашему мнению, будут развиваться приграничные отношения в ближайшие годы?

Если брать Россию и Украину, то сегодня мы становимся свидетелями значительных изменений в области приграничных отношений. Степень взаимодействия малых и средних городов очень низкая, сократилась внешняя торговля, уменьшился поток мигрантов. В ближайшие годы, я думаю, все будет двигаться в том же направлении, хотя все зависит от того, как сложится критическая ситуация на Украине и от того, как после выборов будут выстраиваться взаимоотношения. Я убеждена, что эти два народа должны жить

во взаимовыгодных, дружеских отношениях, должны взаимодействовать во всех сферах.

Как вы оцениваете связи в рамках городов побратимов?

В свое время города-побратимы имели очень резонансное значение, все эти связи влияли позитивно на общий уровень сотрудничества государств, поскольку было легко установить какие-либо контакты для реализации конкретных интеграционных проектов. Я считаю, что это очень хорошая идея, но в настоящее время она потеряла свою актуальность. Вместе с тем, городов-побратимов достаточно хорошее будущее и активизация таких связей необходима.

Существуют ли преимущества у средних и малых городов приграничных регионов в экономическом развитии?

Теоретически да, существуют. Те города, которые включены в приграничную транспортную и инфраструктурную сеть имеют преимущества, т.к. через эти образования проходят потоки туристов, осуществляется внешняя торговля и протекают миграционные процессы. У городов, которые не связаны с соседними муниципалитетами ничем, конечно же другая ситуация в развитии. Они значительно отстают от городов, которые взаимосвязаны с другим государством. Уровень благосостояния населения, конечно тоже зависит от фактора границы, но несущественно.

Селивёрстов Юрий Иванович. Заместитель председателя комитета по законодательству и вопросам МСУ Белгородской областной Думы, заведующий кафедры экономики и организации производства БГТУ им. Шухова.

Согласны ли Вы с высказыванием, что приграничные регионы нуждаются в особом государственном регулировании? Должна ли быть особая государственная стратегия или концепция развития муниципалитетов приграничных регионов?

Да, я согласен. Вопросами приграничного сотрудничества я начинал заниматься еще в 90-е годы, собственно, когда дезинтеграционные процессы были в самом разгаре. В то время был создан Совет приграничных областей России и Украины, куда и вошла Белгородская область. Мы уделяли достаточно времени вопросам приграничного сотрудничества, и в тот момент было какое-то предчувствие, которое, к сожалению, оправдывается в настоящее время. Если не наладить тесное и постоянное взаимодействие в экономике, культурной сфере и образовании, то могут произойти разрывы в наших отношениях. Мы убедились, что нельзя развивать приграничное сотрудничество, не имея специального нормативного регулирования, т.е. специальных законов, а также пытались влиять на наше правительство и представителей Луганской, Донецкой, Харьковской, Сумской, Черниговской областей. Они же в свою очередь пытались воздействовать на Украинское правительство, требуя, чтобы такие законы были приняты. К сожалению понимания, мы не нашли, поэтому считаю, что особая государственная стратегия просто необходима.

Какие конкретные проблемы, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для средних и малых городов приграничных регионов?

Безусловно, это свобода перемещения. За последние 2 года мы беспрепятственно общались с сопредельными территориями Украины, но после введения со стороны Украины жестких правил пересечения границы, введения ограничений по допуску Российских граждан, такие отношения стали невозможными. Мы сразу ощутили значительные изменения, начиная от личных отношений между родственниками и друзьями, заканчивая бизнесом. Причем бизнес пострадал российский, так как украинские предприниматели продолжают сотрудничать, хотя и проблем у них предостаточно. Ужесточённые правила оформления стали серьезным препятствием для обеих сторон.

Как, на Ваш взгляд, будут развиваться приграничные отношения в ближайшие годы?

Я пессимистично настроен на этот счет. Мы проходим этап размежевания и находимся только в начале этого пути. У меня есть большие опасения, что

судьба Евразийского Союза также будет подвержена серьезному испытанию. Отношения с Украиной в ближайшие годы вряд ли восстановятся. Я испытываю большой оптимизм в развитии приграничного сотрудничества с Финляндией и Норвегией. Считаю, что именно там мы найдем общий язык. Китай – это особая страна, с ней тоже можно наладить отношения, но в чью пользу они будут, сказать трудно.

Если вы слышите словосочетание «активизация межмуниципальных связей», то что Вы под этим понимаете?

Хорошей формой межмуниципальных связей являются города побратимы, считаю её самой действенной и разумной. Коммуникация осуществляется буквально на всех уровнях: культурный и образовательный обмен, муниципальное управление, экономические связи.

Холод Александр Владимирович. Глава отдела социально-политических исследований и проектов в Управлении экспертной и контрольной работы Воронежской областной администрации.

Должна ли быть особая государственная стратегия или концепция развития муниципалитетов приграничных регионов?

Да, однозначно. На региональном и муниципальном уровнях «фактор границы» весьма существенен для экономики и политики, особенно если приграничные отношения очень развиты – большое количество людей и товаров пересекают границу. Мало того, что это очень выгодно, так ещё и шанс для развития территории.

Какие конкретные проблемы, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для средних и малых городов приграничных регионов?

Что касается Российской Федерации проблемы совершенно одинаковые в приграничных и внутренних регионах. Когда «фактор границы» завуалирован, специфика приграничья небольшая. Это выражается в большей степени в наличии большого количества пропускных пунктов, в протоколах

взаимодействий между различными органами власти и населения. По большей степени, что в приграничных городах, что в целой стране – это сильно не отличается. Нельзя сказать, что население приграничных регионов чувствует эти проблемы острее. Главный барьер – это отсутствие каналов коммуникации между приграничными регионами. Если они есть, то все в разы упрощается, если их нет, то соответственно, мы испытываем трудности.

Как, на Ваш взгляд, будут развиваться приграничные отношения в ближайшие годы?

Сложный вопрос, в этом плане я настроен достаточно пессимистично. Не вижу возможности для наращивания приграничного сотрудничества по всем направлениям. Объясню почему, дело в том, что в мире повышенная нестабильность. Экономическая глобализация влечёт глобализацию политическую. В этом смысле существуют закрытые страны, такими являются, например, некоторые соседи России. Растёт фактор патриотизма и национализма – это усложняет межгосударственные и приграничные отношения.

Если вы слышите словосочетание «активизация межмуниципальных связей» то, что Вы под этим понимаете?

Зона возможностей. Потенциальные ресурсы для усиления, но, к сожалению, в настоящее время использовать эти ресурсы на 100 % не предоставляется возможным.

Могли бы Вы дать собственное определение понятию «модернизация муниципального управления»?

Модернизация – это процесс, который искусственно меняет общественные системы. Муниципальное управление сейчас меняется само по себе под влиянием каких-то более глобальных политических изменений как внутри государств, так и между ними.

Хрисанов Виталий Алексеевич. Профессор кафедры географии, геоэкологии и безопасности жизнедеятельности НИУ «БелГУ», д.г.н.

Должна ли быть особая государственная стратегия или концепция развития муниципалитетов приграничных регионов?

Дело в том, что кадровая политика должна быть такой, чтобы на этих должностях находились только квалифицированные кадры. Кадровую политику нужно менять в таком направлении, чтобы там были люди, прошедшие последовательно все руководящие уровни. Они должны подходить комплексно к решению всех вопросов. Потому что муниципальные власти находятся ближе всех к населению и там нужно решать основные вопросы. Нужно ставить туда компетентных руководителей.

Можете привести позитивные примеры развития средних и малых городов приграничных регионов в России?

Яркий пример - это наш город. Город Белгород - это приграничный регион, который возглавляет Евгений Степанович Савченко. Он действительно сделал так, что приграничный город расцвел практически на глазах у всех. В регионе хорошие дороги, только переезжаешь в Украину - картина меняется. Такой контраст даже в сравнении с Курской областью. А какие социальные условия? Лет 20-30 назад такого не было. А сейчас Европейский уровень. Вот таким должен быть приграничный город.

Оцените динамику развития средних и малых городов приграничных регионов Российской Федерации?

За последние десять лет Белгород сделал большой скачок вперед. Особенно по строительству жилья. Как сказал Владимир Владимирович Путин: «в целом по России мы сейчас сдали 85млн. м²жилья.» Но мы на Белгородчине тоже находимся на передовой. Много построено индивидуального жилья благодаря правильной политике в области ипотечного кредитования. И это прекрасно. Наша Белгородчина показала яркий пример. Большими темпами идет строительство индивидуального жилья вокруг Белгорода.

Отличается ли развитие приграничных городов от развития «внутренних» городов страны?

Есть у нас «внутренние» города, которые по своему географическому положению близки к Москве. Некоторые из них, по сравнению с нашим регионом выглядят намного хуже во всех отношениях. Я говорю о комплексном развитии. В нем все: экономика, воспитание людей, школы, детские сады и социальное развитие. Наш приграничный регион развивается комплексно во всех направлениях.

Какие конкретные проблемы, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для средних и малых городов приграничных регионов?

В первую очередь это кадровая политика. Нужно комплектовать администрацию проверенными, действительно подготовленными кадрами. Нужно выбирать в законодательные органы проверенных людей, которые имеют опыт в данной сфере и которых рекомендуют избиратели. Кадры, самостоятельность кадров и финансирование. Вот три вопроса, которые нужно решать. Финансирование должно быть не только из федерального бюджета. Если регионы не научились формировать свой местный бюджет, а развиваются только с помощью федерального, дела не будет.

Какие слабые места в межмуниципальном приграничном взаимодействии вы могли бы выделить?

Во-первых, слабый обмен опытом. К примеру, лет 5 назад, совместных изучений было больше, сейчас нет. Пресса мало пишет об опыте взаимодействия приграничных регионов. Только обмен опытом является первостепенной задачей. Во-вторых, это соответствующее планирование. Некоторые начинают планировать сверху, а стоит постепенно начинать снизу.

Если вы слышите словосочетание «активизация межмуниципальных связей», то, что Вы под этим понимаете?

Активизация межмуниципальных связей - это в первую очередь, правильно спланированная работа муниципальных организаций по всем направлениям: культура, социальное и экономическое развитие, сельское хозяйство. Нужно постоянно брать на вооружение достижения других регионов и внедрять их у себя. Брать этот опыт, искать средства и двигаться вперед.

Черномаз Павел Алексеевич Доцент Харьковского Национального университета им. В.Н. Каразина, к.г.н.

Согласны ли Вы с тем, что приграничные регионы нуждаются в особом государственном регулировании?

Государство должно уделять особое внимание в своей региональной политике непосредственно приграничным регионам. В общей региональной политике государства весомой частью должно стать приграничное сотрудничество, поскольку приграничье - это особая часть территории страны, имеющая свою собственную специфику. Несмотря на то, что приграничные регионы и являются периферией государства, они, тем не менее, могут динамически развиваться, если государство будет уделять должное внимание данному процессу и правильно расставлять приоритеты социально-экономического развития. Должна быть особая государственная стратегия развития приграничных регионов, а в ней должны быть раскрыты различные аспекты приграничного сотрудничества.

Можете ли вы привести позитивные примеры развития средних и малых городов приграничных регионов?

Если брать европейский опыт, то можно выделить приграничье Франции и Германии, где, например, приграничное сотрудничество уже много лет успешно реализуется между немецким городом Келем и французским Страсбургом. В частности было создано объединение еврорегионального сотрудничества «Страсбург – Ортенау», на развитие которого выделяются деньги из Европейского фонда регионального развития, в т.ч. и на реализацию проектов приграничного сотрудничества. При этом приграничное сотрудничество реализуется в совершенно различных сферах – от экологических проектов до строительства трансграничной трамвайной линии. Что касается России, то здесь можно выделить опыт Белгорода и еврорегиона «Слобожанщина» в целом. Однако значительный результат приграничного сотрудничества в Европе был

достигнут благодаря наличию прямых инструментов целевого финансирования, которые не смогли получить свое развитие в российско-украинском пограничье ввиду значительного обострения социально-политической ситуации.

Что на ваш взгляд позволит минимизировать сложившиеся проблемы развития малых и средних городов приграничных регионов?

Необходимо привлекать инвестиции в экономику приграничных городов и регионов. Необходимо разрабатывать программы государственного уровня, которые способствовали бы развитию приграничных муниципалитетов, давая им какие-либо льготы, дополнительные источники финансирования, инструменты и возможности сотрудничества с соседними городами. Очень сложно говорить о том, как на самом деле будут развиваться приграничные отношения в ближайшие годы. Все будет зависеть от трехсторонних взаимоотношений Украина-Россия-Европейский союз. Ряд стран Европейского союза уже готовы снять ряд ограничений с процессов взаимодействия с Россией. Однако если будет новый виток политического противостояния, то ситуация в ближайшее время будет ухудшаться.

Существуют ли преимущества у средних и малых городов приграничных регионов в экономическом и социальном развитии?

Все зависит от того, какая ситуация на границе. Если граница достаточно прозрачна и не является реальным барьером для населения, когда жители одного города могут спокойно ехать в соседние города другой страны, а таможенные процедуры занимают минимум времени, то это способствует наращиванию социальных и экономических связей. Социально-экономически развитый город может оказывать существенное влияние на развитие небольших городов стран-соседей. Население может поехать учиться в другой город, если там более высокий уровень образования или просто ездить за покупками к соседям, что тоже, в некоторой степени, приносит некоторый экономический эффект. Преимущества в развитии малых и средних городов приграничья существуют, но все зависит от того насколько прозрачна граница, насколько она проницаема.

Шевченко Наталья Владимировна. Доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», старший научный сотрудник лаборатории исследования демографических процессов, к.с.н.

Согласны ли Вы с высказыванием, что приграничные регионы нуждаются в особом государственном регулировании? Должна ли быть особая государственная стратегия или концепция развития муниципалитетов приграничных регионов?

Да, скорее всего я соглашусь с этим высказыванием, потому что взаимодействие, которое охватывает различные аспекты в двух соседних городах и, безусловно, многие аспекты, такие как экономические, договорные отношения и соглашения в социальной сфере необходимо особое государственное вмешательство. Да, должна быть особая стратегия.

Приведите позитивные примеры развития средних и малых городов приграничных регионов.

Можно рассматривать в качестве позитивного примера развитие нашего города Белгорода, но до определенных событий, связанных с политической ситуацией, до кризисных отношений в развитии двух государств Украины и России, Белгородской области и Харьковской области, можно было выделять позитивный пример развития средних и малых городов приграничных регионов.

Какие конкретные проблемы, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для средних и малых городов приграничных регионов?

Если брать сегодняшний день, то одна из проблем нашего региона это, конечно же, нарушение связей между государствами. Если брать другие регионы развития малых и средних городов приграничья это отсутствие таких концептуальных документов, положений является проблемной зоной для многих городов, потому что многие соглашения не имеют дальнейшего развития. Здесь эта самая основная проблема: отсутствует концептуальное обоснование развития именно в рамках приграничного сотрудничества.

Какие слабые места в межмуниципальном приграничном сотрудничестве в России вы могли бы выделить?

Отсутствие достаточного количества соглашений в данной сфере, стоит выделить одну из основных проблем - недостаточный уровень развития именно экономического содружества. Эта проблема препятствует развитию приграничного сотрудничества.

Какие мероприятия, на Ваш взгляд, позволят минимизировать сложившиеся проблемы развития малых и средних городов приграничных регионов?

Наверное, надо начинать с повышения грамотности, знаний нормативно-правовой базы развития приграничья, стратегических направлений развития малых и средних городов приграничных регионов. Это реализация совместных проектов. Регламентировать финансовые потоки в условиях дефицитности бюджета с двух сторон государств очень сложно, поэтому в этих условиях экономические проекты, скорей всего тяжелее реализовывать, чем социальные.

За последние годы наблюдаются ли какие-либо изменения в области приграничного взаимодействия?

Конечно, такими изменениями является принятие концепции приграничного сотрудничества в РФ, это и развитие форм приграничного сотрудничества, в частности свободной экономических зон, это и янтарь Калининградской области и Даурия и ряд других экономических зон, это и формирование внутренних офшорных зон, таких как Ингушетия, Алтай. Но в первую очередь, как я уже отмечала, это создание концепции приграничного сотрудничества РФ.

Как, на Ваш взгляд, будут развиваться приграничные отношения в ближайшие годы?

Здесь надо отметить, что уровень развитие малых и средних городов будет повышаться, если будет более однородный уровень социально-экономического развития. Если это будет достигнуто, то, безусловно, будет повышение уровня внутреннего развития городов. Самое главное, что нужно сделать это

«бесконфликтная граница». Я думаю, что уровень развития будет поддерживаться, т.е. если брать приграничье с Украиной, то здесь мы не можем дать однозначного ответ, как будут развиваться, а если брать город Калининград, то для меня это одно из перспективных развитий. Там есть бесконфликтная граница и уровень развития городов высокий. С Китаем и с Финляндией, на мой взгляд, будут развиваться приграничные отношения.

Если вы слышите словосочетание «активизация межмуниципальных связей», то что это, понимаете под этим?

Если мы говорим об активизации межмуниципальных связей, мне кажется это в первую очередь заключение новых соглашений, это формирование новых проектов, инвестиционных и социальных.

Какие формы взаимодействия преобладают между российскими муниципалитетами?

Мне кажется, это сотрудничество в социальных, научных сферах. Самое распространенное это проекты в социальной сфере и частично, если брать другие регионы это трансграничные какие-то проекты.

Существуют ли преимущества у средних и малых городов приграничных регионов в экономическом развитии? В социальном развитии?

Конечно. Во-первых, приграничное сотрудничество охватывает практически все сферы: транспорт, торговля, совместные предприятия, услуги, связь, строительство и др. Конечно же, приграничное сотрудничество является важным фактором.

Влияют ли миграционные процессы на социально-экономическую обстановку в малых и средних городах приграничных регионов?

Да, конечно. Можно отметить миграцию из Украины, это занятие тех ниш, которые являются невостребованными внутренней рабочей силой.

Зависит ли уровень благосостояния населения приграничных городов от «фактора границы»?

Конечно, зависит, т.е. это же потоки, которые проходят через границу, это возможность открытия предпринимательства на этой территории. Главное, что бы граница была бесконфликтная и открытая. Это конечно складывается на уровень благосостояния.

Могли бы Вы дать собственное определение понятию «модернизация муниципального управления»?

Для меня модернизация это внедрение или введение новых технологий в управление. Например, проектное управление.

Как Вы считаете, нуждается ли в модернизации система муниципального управления? Если да, то какие мероприятия, направленные на модернизацию муниципального управления Вы могли бы предложить?

Да, нуждается. Сегодня все делается в кадровом отношении, вводятся все новые технологии управления. На мой взгляд, остается неохваченным финансовый сектор. Здесь можно отметить, что необходимо более обоснованное определение налоговых доходов для муниципальных образований, потому что бюджет их очень дефицитный и та доходная база, которая установлена, ее недостаточно.

Шпаковский Александр Павлович. Директор Белорусского Информационно-просветительского учреждения «Актуальная концепция».

Согласны ли Вы с высказыванием, что приграничные регионы нуждаются в особом государственном регулировании?

Безусловно, приграничные регионы в виду своей специфики, находясь на границе двух государств, представляют собой особый тип регионов, во многом благодаря активным экономическим и культурным связям. Конечно, прежде всего, приграничная территория — это приоритет внимания любого государства и это отдельная область межгосударственного взаимодействия. Развитие приграничных территорий является сферой особого интереса государственных

органов власти, поэтому вероятно должна быть особая стратегия в этом направлении с учетом специфических особенностей каждого региона.

Можете ли Вы привести позитивные примеры развития средних и малых городов приграничных регионов?

Если брать Российскую Федерацию, то можно привести пример достаточно успешного взаимодействия российско-норвежского приграничья. Кроме того, эффективно развивается приграничное сотрудничество между Россией и Польшей, что касается Калининградской области. Статистика и экономические показатели свидетельствуют о том, что такие отношения идут на пользу.

Какие конкретные проблемы, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для средних и малых городов приграничных регионов?

Основная проблема здесь это необходимость выстраивание собственной жизни государственной границе по той причине, что скажем населенный пункт может находиться на территории одного государства, а непосредственно объекты, которые человеку нужно посещать, находятся на территории другого государства. В свою очередь, для преодоления проблем необходимы взаимовыгодные договоренности между странами о малом приграничном движении, свободной торговле, которая позволит людям, проживающим в приграничных зонах перемещаться.

Как будут развиваться приграничные отношения в ближайшие годы?

Приграничные отношения между разными странами развиваются в зависимости от политических и экономических отношений этих государств. Для прогнозирования приграничных отношений необходимо анализировать каждую конкретную ситуацию и регион. Например, Украина до недавнего времени входила в зону свободной торговли СНГ, соответственно неплохо развивались отношения в сферах экономики, которые имеют отношения развития приграничных отношений между Украиной и странами СНГ. Но в связи с последними политическими событиями усилились определенные негативные

тенденции, что негативно сказывается на товарообороте и на режиме пересечения границы, а значит и межкультурных связях.

Если вы слышите словосочетание «активизация межмуниципальных связей», то что под этим понимаете?

Развитие контактов по линии органов местной исполнительной и законодательной власти. Если мы говорим о приграничных территориях, то соответственно это органы местной законодательной и исполнительной власти приграничных регионов разных стран.

Какие проблемы в настоящее время существуют в муниципальной службе? Нуждается ли в модернизации система муниципального управления?

Я буду говорить о Белорусских муниципалитетах. Как мне кажется, основная проблема — это чрезмерная перегруженность государственного аппарата не свойственных ему функций, т.е. иногда чиновник помимо решения задачи посредственно относящихся к его деятельности, должен отвлекаться на решения несвойственные, бюрократические, которые не несут какой-то тактической характеристики и вряд ли приведут к результату. Задолго документированность часто отвлекает от принятия и решения задач.

Если говорить о модернизации, я повторю предыдущий тезис, что основная проблема органов власти в том, что чиновник занимается не тем, чем он должен (описанием и подготовкой документации, подготовкой отчетов, которые зачастую не имеют практического смысла и не всегда могут быть использованы в интересах населения).

Научное издание

«СРЕДНИЕ И МАЛЫЕ ГОРОДА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ»

Бабинцев В.П.

Данакин Н.С.

Новикова И.А.

Й. Вирккунен

Сапрыка В.А.

Галстян Х.С.

Черномаз П.А.

Быхтин О.В.

Компьютерная верстка *А.В. Пастюк*

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Подписано в печать 15.06.2016

Формат 60x84

Тираж 500 экз.

Автономная некоммерческая организация «Институт приграничного сотрудничества и интеграции»

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

